

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Ю. Гижичский

ПИСЬМА
С СОЛОМОНОВЫХ
ОСТРОВОВ

Академия наук СССР
Институт востоковедения

Ю.Гижицкий

**ПИСЬМА
С СОЛОМОНОВЫХ
ОСТРОВОВ**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

K a m i l G i ż y s k i
Listy z Archipelagu Salomona
Ossolineum, 1969

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), А. Б. Давидсон,
Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Н. А. Симония*

Перевод с польского
В. Л. Кона

Ответственный редактор
и автор послесловия
Л. А. Файнберг

Гижицкий К.

Г46 Письма с Соломоновых островов. Перевод с польского, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

200 с. (Путешествия по странам Востока.)

Книга рассказывает о работе на Соломоновых островах польского профессора-этнографа, его ассистента и дочери. Экспедиция изучала быт, нравы, обычаи, прошлое местных племен. Обо всем этом повествуется в форме писем дочери профессора к своей подруге.

902.7

Г $\frac{70304-058}{013(01)-74}$ 132-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974

1.

**ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ СОЛОМОНЫ ОСТРОВА.
НА БОРТУ КАТЕРА «ЭЛИС»**

Дорогая Ева!

Ты, вероятно, уже читала, что мы отправились сначала на торговом корабле в Лондон, а оттуда польским океанским лайнером добрались до Сингапура. Нас трое: мой отец, профессор этнографии, его ассистент Анджей Кентский и я — фотограф экспедиции и хроникер. Путешествие через Ла-Манш и Бискайский залив оказалось приятным, хотя лайнер слегка качало. К счастью, никто из нас не страдал морской болезнью. По Средиземному морю мы плыли словно по озеру. Стояла солнечная погода, и легкий бриз овеивал палубу, на которой я отлеживалась и загорала. Мы побывали в шумном Порт-Саиде, проплыли по Суэцкому каналу, распугивая тяжеловесных пеликанов — постоянных обитателей Большого Горького озера. В Суэце я бродила несколько часов по шумным улицам, где меня преследовали назойливые торговцы — арабы, негры и хамиты, предлагавшие всевозможные египетские сувениры, в массовом количестве изготовленные в Западной Германии.

Плавание по Индийскому океану навсегда останется в моей памяти: его краски великолепны, а жизнь в его водах бьет ключом! Я побывала в чудесном городе Коломбо на Цейлоне, затем в Рангуне, где любовалась многочисленными храмами с их прекрасной архитектурой, богатыми музеями, широкими улицами и внушительными правительственными зданиями; наблюдала многолюдное население этого города, состоящее из представителей многих рас с различным цветом кожи. Описывать все это не стану, ведь немало поляков рассказывают те-

перь о своих впечатлениях, полученных во время путешествий, и ты, наверное, уже много об этом читала.

Наконец мы прибыли в Сингапур, где почти сразу же перебрались на борт голландского пассажирского судна «Масскерк», шедшего курсом на Порт-Морсби (Новая Гвинея), направляясь в Австралию. В Порт-Морсби нам удалось пересесть на судно пяти тысяч тонн водоизмещением, весьма жалкое на вид. На безобразно облупленном носу корабля красовалось гордое название «Санта-Исабель». Это судно, предназначенное для перевозки мелких грузов, курсировало между Новой Гвинеей и островами Фиджи и Соломоновыми, а порой заходило и на Новые Гебриды, доставляя самые различные товары для сотен селений, разбросанных на многочисленных островах и островках, и вывозя оттуда копру.

На «Санта-Исабель» — несколько крошечных, невероятно душных пассажирских кают. После почти двухнедельных скитаний в лабиринте островов мы без особых приключений высадились на северном берегу острова Гуадалканал в городе Хониаре — резиденции верховного комиссара, управляющего британским протекторатом Соломоновы острова. Здесь мы задержались на две недели, так как надо было предъявить разрешение, полученное нами в Лондоне от министерства иностранных дел на право ведения научных работ, а также рекомендательные письма от нескольких выдающихся английских ученых. Кроме того, нужно было получить ответ на различные интересовавшие нас вопросы, выбрать подходящую территорию для работы и, наконец, нанять проводника и переводчика. Последнее было своего рода страховкой на случай непредвиденных языковых трудностей, поскольку папа хорошо владеет меланезийским языком, на котором говорят в северных районах архипелага.

Оказалось, что верховный комиссар увлекался этнографией, поэтому он сразу же нашел общий язык с моим отцом. Это весьма облегчило нам первые шаги на Гуадалканале. Государственные чиновники и офицеры местного гарнизона также охотно помогали нам, оказав особое содействие в выборе места для предстоящей работы. Мы понимали, конечно, что власти стремились держать нас в поле зрения, да и нельзя было ожидать, чтобы они позволили чужим людям бродить по территории протектората и заглядывать куда им вздумается.

Британский протекторат на этом архипелаге состоит

из шести крупных и тридцати более мелких островов, а также множества маленьких островков и атоллов, поэтому выбор подходящего для нас места был немалой проблемой. Во время второй мировой войны Соломоновы острова стали ареной длительных, упорных и кровопролитных боев между союзниками и японцами и неоднократно переходили из рук в руки. В омывающих их водах нашло свей конец немало кораблей воюющих сторон, но особенно интенсивными были здесь воздушные бомбардировки. Острова Гуадалканал, Нью-Джорджия, Санта-Исабель, Малаита, а также Сан-Кристоваль и Шуазель содрогались от разрывов бомб и снарядов. На маленьких островках не было никаких аэродромов и укреплений, однако и они пострадали, так как и здесь размещались войска, артиллерия и пулеметы. В течение двух лет тут погибло много англичан, американцев, японцев, а также и местных жителей, поскольку большинство поселений было разрушено дотла, а их обитатели истреблены. Не спаслись и те, кто бежал в неприступные горы и леса, ибо последние подвергались бомбардировкам с моря и воздуха с целью уничтожить там запасы авиабензина, что естественно, вызвало крупные пожары и гибель многих тысяч людей.

Как американцы, так и японцы оставили после себя не только руины и пепелища, разбитые автомобили, орудия, обломки сгоревших автомашин и танков, несметное количество брошенного оружия и боеприпасов, но также немало метисов, в результате чего старые обычаи, верования и племенные традиции коренного населения значительно ослабли. А ведь мы стремились к тому, чтобы найти на этом архипелаге такой уголок, где старый меланезийский фольклор сохранился во всей своей первозданной свежести, а население не было подвержено чуждым культурным влияниям.

Крупные острова не отвечали, естественно, этим условиям, так как уже почти сто лет там действовали миссионерские центры, концессии, торговые дома и другие предприятия, принадлежащие европейцам, индийцам, арабам и китайцам. Пришельцы считали аборигенов дикарями, пытались цивилизовать их на свой манер, навязать им свои обычаи и законы. Не лучше обстояло дело и на более мелких островах. После первой мировой войны на них поселилось множество индийцев, а еще больше китайцев — мелких купцов, ремесленников и земледель-

цев, не говоря уже о подлинном нашествии огромного количества миссий, принадлежащих к различным религиозным направлениям.

Единственной подходящей территорией для нашей работы могли стать только маленькие островки, да и то не все, так как на многих из них уже побывали пришельцы из Китая, полуострова Малакка и Индии. Наконец, один из государственных чиновников, исполнявший обязанности «разъездного инспектора», порекомендовал нам в качестве экспедиционной базы небольшой остров Улава, с которого легко добраться до островов Трех сестер, Уги, Санта-Ана, Санта-Каталина и даже в совершенно необжитые глубинные районы Сан-Кристобаля. Этими островками, как говорят, до сих пор мало интересовались купцы и миссионеры; быть может, на них удастся собрать интересные материалы.

Видимо, все эти экзотические названия прились по душе моему отцу, так как вместе со своим ассистентом он принялся готовиться к экспедиции, а я тем временем знакомилась с местностью и делала фотоснимки. Я сопровождала местного врача и его жену в инспекционной поездке по острову, побывала на аэродромах Какум и Лунге и несколько восточнее — в деревнях Тетере и Ророни. Там я сфотографировала женщин и мужчин — превосходные типажи с красивыми, чисто меланезийскими чертами лица и великолепными буйными шевелюрами. По моей просьбе они облачились в старинные национальные одеяния: мужчины надели узкие набедренные повязки и множество ожерелий из тоненьких раковинных дисков, а женщины позировали в маленьких передничках, сплошь обвешанные ожерельями из разноцветных раковин, клыков летучих собак¹ и морских свищей. После этого мы направились вдоль северного побережья острова Гуадалканал до мыса Эсперанс, а потом на запад до Мамарово и Лаворо, проехав на автомобиле около ста пятидесяти километров, а быть может, и больше. Ехали по обширной, плодородной долине; по одну сторону от нас простиралось сверкавшее на солнце море, по другую — далекие вершины горного хребта Попоманасиу, достигающие двух тысяч триста метров в высоту. Вся долина, обильно орошаемая многочисленными реками, поросла плантациями кокосовых и арековых пальм, дынного дере-

¹ Летучая собака — млекопитающее из подотряда крыланов отряда рукокрылых. Питается фруктами.— *Прим. ред.*

ва, бананов, сахарного тростника, саговых и ореховых пальм, плоды которых тверды, как слоновая кость. Я видела здесь такие огромные банановые деревья, что в их повисших в воздухе корневищах можно было бы устроить несколько беседок, а в каждой из них поместить около двадцати человек. В поднимающихся на горы лесных чащобах такое множество лиан и свисающих с деревьев вьющихся растений, что кажется, будто человеку там и не пройти. Дома плантаторов утопают в цветах. Фиолетовые цветы на кустах бугенвилля, огненно-красные фламбойяны, пурпурные гибискусы² образуют красочные аллеи и куртины, среди которых едва видны крыши домов. Повсюду летает множество птиц с ярким оперением, а еще больше разноцветных бабочек величиною с ладонь. Тут и там виднеются маленькие деревушки аборигенов, утопающие в рощах арековых пальм, хлебных и шелковичных деревьев³, а чуть поодаль — небольшие огороды, на которых выращивают ямс и таро⁴. По вечерам над головой с пискom проносятся большие летучие лисицы⁵, которые объедают фруктовые деревья.

Однако в горах заметны не зажившие еще раны войны: встречаются целые участки поломанных, перебитых снарядами, высохших или истлевших деревьев. В некоторых из них до сих пор торчат заржавленные осколки бомб или снарядов.

Через несколько дней мы собрались в путь и рано утром сели на борт быстроходного правительственного катера, любезно предоставленного нам комиссаром. Он

---

² Гибискус — вечнозеленые кустарники или деревья. Многие виды гибискусов дают эфирные масла, используются как лекарственные растения. Его корни и молодые листья употребляются в пищу аборигенами севера Австралии и некоторых островов Океании. Из стеблей получают волокна, идущие на изготовление веревок. — *Прим. ред.*

³ Хлебное дерево — название, применяемое к двум видам растений из семейства тутовых, соплодия которых, содержащие большое количество крахмала и достигающие веса 25 кг, употребляются в пищу в сыром или поджаренном виде. Шелковичное дерево, или шелковица, — название некоторых видов деревьев из семейства тутовых, связанное с тем, что на них разводят тутового шелкопряда. — *Прим. ред.*

⁴ Таро — тропическое многолетнее растение с крахмалосодержащими клубневидными корнями, употребляемыми в пищу. — *Прим. ред.*

⁵ Летучая лисица — млекопитающее из подотряда крыланов отряда рукокрылых животных. Размах крыльев достигает полутора метров. Питается фруктами. — *Прим. ред.*

и его жена, сопровождаемые свитой, проводили нас в порт. Комиссар настаивал, чтобы по окончании работы отец приехал в Хониару и посмотрел его коллекции, представляющие по существу маленький этнографический музей Соломоновых островов. Затем, попрощавшись со всеми собравшимися на берегу, мы отчалили и взяли курс на восток через канал Морского жаворонка прямо на скалистый островок Руа-Сура, в пятидесяти пяти морских милях от Хониары. День был солнечный, море казалось спокойным, и наш катерок мчался вперед, отмечая путь двумя серебристыми струями воды, отбрасываемой острым форштевнем. Ежеминутно из-под катера выпрыгивали летучие рыбы и, описав в воздухе дугу в сто-сто пятьдесят метров, вновь падали в воду. Очень часто вслед за ними показывалась отливающая сталью голова бониты. Это разновидность тунца, небольшая рыба около восьмидесяти сантиметров в длину. Порой какой-либо другой морской хищник всплывал на поверхность и хватал летучую рыбу. Резвившиеся близ катера дельфины также не брезговали этими рыбами: высоко подпрыгивая, они хватали свои жертвы на лету или же подкарауливали рыб там, где они спускались на воду. В прозрачной воде я наблюдала, как хищники целыми стаями спешили к добыче. Почти всегда им удавалось схватить несколько рыб в момент, когда те касались воды. Чайки, крачки и другие морские птицы с криком пролетали над нами и то и дело кидались в морскую бездну, чтобы через мгновение вновь взлететь с трепыхающейся в клюве рыбой. Но здесь их ожидал неприятный сюрприз: кружившие в высоте фрегаты камнем падали на свои жертвы. Несколько раз я видела крупных черепах, спокойно плавающих по поверхности моря. Даже заметив нас, они не счечь спешили нырять в воду. Два или три раза совсем рядом выглядывала из морской пучины огромная меч-рыба.

Я была так поглощена созерцанием и фотографированием этой кипучей и столь незнакомой мне жизни, что совершенно не заметила, как рядом на скамейку сел Анджей Кентский, ассистент отца. Анджей — высокий, хорошо сложенный, статный мужчина лет около тридцати, но мне он кажется ужасным недотепой.

Папа уверяет, что Анджей очень умный и толковый человек, но я, к сожалению, придерживаюсь противоположного мнения. Достаточно того, что мне постоянно приходится выслушивать его признания в любви. Прав-

да, я симпатизирую ему и перешла на «ты», но отношусь к Анджею просто как к другу. Впрочем, следует признать, что хотя он и твердит все время о своих чувствах ко мне, но ни разу даже не попытался меня поцеловать.

Анджей учтиво сидел рядом, в немом обожании уставившись на меня своими черными, бархатными глазами. Это выражение его глаз так меня разозлило, что я просто не могла промолвить ни слова, тем более что в этот момент мы уже приближались к Руа-Суре. Близ берега плыло несколько лодок, в которых сидели юноши и девушки. Вся их одежда состояла из узких набедренных повязок. Девушки были вооружены короткими гарпунами и ныряли в море, чтобы через мгновение всплыть на поверхность с извивающейся и корчащейся на кончике гарпуна муреной. С помощью телеобъектива я сделала более десятка снимков отважных русалок и спросила капитана нашего катера: почему юноши позволяют девушкам подвергать себя такой опасности? Он только рассмеялся и сказал:

— Можете не беспокоиться за девушек. Они ловят мурену между подводными скалами; там им легче просунуть руку в щель, где водится рыба. Конечно, они держат гарпун, чтобы мурена не покусала их своими страшными зубами. Юноши, ожидающие в лодках, готовы в любую минуту броситься на помощь, если возникнет опасность или кто-либо из девушек наткнется на огромную раковину тридакны.

— О-о! — закричал он вдруг. — Посмотрите! Двое прыгнули в воду и нырнули... видно, что-то случилось!

Он побежал в ходовую рубку. Через мгновение наш катер замедлил ход и, соблюдая необходимую осторожность, так как рядом были подводные рифы, приблизился к рыбакам. Но едва мы подплыли поближе, как из воды вынырнул сперва один, затем другой юноша с толстой веревкой в руках. Экипажи лодок поспешили им на помощь и вскоре вытащили из морской глубины огромную раковину тридакны, величиной с большое блюдо. Ее складчатые края заходили один за другой. В них и застрял короткий гарпун, который держал теперь в руках один из юношей. Тут из воды высунулась молоденькая девушка и, ухватившись за борт лодки, начала взволнованно, скороговоркой что-то рассказывать сидящим в ней рыбакам. Не разобрав ни слова, я обратилась за разъяснениями к матросу-меланезийцу, который неплохо

говорил по-английски. Однако, к моему удивлению, Анджей опередил его и спокойно сказал:

— Девушка рассказывает юношам, что чуть было не наступила на этого моллюска. Видимо, ей каким-то образом удалось сообщить экипажу лодки о своем приключении, и два рыбака поспешили на помощь.

— Ты понимаешь, что они говорят?—спросила я с некоторым недоверием.

Анджей не ответил мне. Он задал девушке какой-то вопрос, и она, недоуменно уставившись на него, начала что-то торопливо рассказывать, мило улыбаясь при этом. Когда девушка замолчала, Анджей обратился ко мне и сказал:

— Знаешь ли, Аня, что тридакна, лежащая на подводных рифах, удивительно похожа на куст цветистых водорослей или большой букет цветов и человек очень легко может наступить на нее ногой. Достаточно коснуться пальцами бахромчатых зеленых краев моллюска, чтобы раковина сразу же сомкнулась, захватывая ногу словно в железные клещи. Девушка лишь случайно осталась невредима, так как, уколовшись шипом морского ежа, оперлась на гарпун, который воткнула в самую середину цветистого «букета». В одно мгновение «букет» сомкнулся. Нашей девушке сильно повезло, так как раковина весит около ста килограммов. Если бы рыбацка попала в тиски тридакны, ей бы не поздоровилось.

Красноречие ассистента и его знание меланезийского языка крайне поразили меня. Анджей начал даже меня успокаивать, видимо полагая, что я взволнована приключением девушки. Когда же я объяснила ему, в чем истинная причина моего удивления, он рассмеялся и сказал, что хотя действительно и знает меланезийский язык, однако не имел подходящего случая, чтобы сообщить мне об этом — ведь я никогда не расспрашивала его о научной работе. На Соломоновых островах, продолжал Анджей, существуют столь большие языковые различия, что почти на каждом из них одно и то же слово произносится несколько по-иному. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств он сумел без труда объясниться на Руа-Суре.

Тем временем катер приблизился почти вплотную к лодке, на которой рыбаки принялись разрезать ножом мышцы, сомкнувшие створки раковины. Раскрыв их, они стали извлекать оттуда тридакну. Я схватила кинокаме-

ру, чтобы запечатлеть все происходящее на пленку, как вдруг юноша, возившийся с раковинами, вытащил оттуда тускло блестящий шарик величиной с крупное куриное яйцо. Рыбаки бросились рассматривать находку. Затем они передали ее девушке. Та взяла шарик своими длинными тонкими пальцами, и ее бронзовое лицо озарилось широкой улыбкой. Она долгое время рассматривала находку, а затем, протянув вдруг свою стройную руку, предложила мне в дар огромную жемчужину тридакны.

Признаюсь, я онемела! Эта юная, почти голая меланезийка без тени сожаления отдала мне прекрасную жемчужину, которая хотя и не годилась на продажу, тем не менее представляла огромную ценность для любителя! Естественно, я всячески отказывалась принять этот великолепный сувенир, но, когда все рыбаки также стали упрашивать меня сохранить жемчужину на память, сняла золотые часики, купленные на первые заработанные деньги, и преподнесла девушке. Та с радостью приняла ответный подарок и стала рассматривать его с таким выражением, словно ей досталось бриллиантовое ожерелье.

Прошло каких-нибудь полчаса, проведенных в приятной беседе с меланезийцами, и мы двинулись в дальнейший путь. Папа кончил, наконец, просматривать новейшие этнографические публикации и присел к нам. Я показала ему жемчужину. Отец, разглядев ее, пробормотал что-то о большой ценности подарка, а затем начал рассказывать о местных верованиях, связанных с тридакной. Это было так интересно и настолько близко связано с верой меланезийцев в магические силы, что, слушая его, мы прозевали бы сам островок Нуру, если бы капитан не вернул нас к действительности. Эта местность столь густо заросла кокосовыми пальмами, что выглядела как всплывшая на поверхность моря зеленая поросль. Однако и она оказалась заселенной, так как близ берега видны были слегка покачивавшиеся на волнах рыбацьи лодки.

От островка Нуру мы пошли курсом на юго-восток, как как нам нужно было попасть в Афио — деревушку, находящуюся на острове Литл-Мала, или Марамасике, и отделенную от Малаиты лишь узким проливом. Там капитану катера предстояло оставить почту для управляющего восточным округом и одновременно сообщить ему о нашем плавании в пределах земель, находящихся под его надзором.

Погода все время была чудесной. Хотя катер слегка покачивало, мы все же спустились в кубрик на завтрак. После хорошо поджаренных летучих рыб и разных изысканных, чисто «соломоновых» блюд подали великолепные, свежие папайи⁶. Но едва я успела разрезать плод и впиться зубами в его холодную мякоть, как вдруг почувствовала, что катер резко накренился набок, а затем еще сильнее на нос. Мое сиденье покачнулось так сильно, что я чуть не свалилась с него, зато все фрукты и тяжелый поднос покатались словно мячики и стукнулись о борт, чтобы через мгновение с грохотом удариться о противоположный. Сидевший против меня капитан очутился на столе, а папа и Анджей покатались кубарем и, оказавшись на полу, постарались схватиться за сиденья. В промежутках между ударами было слышно, как заголосил, отчаянно заикаясь, капитан:

— Не волнуйтесь, господа... это только местные тектонические толчки... сейчас все кончится!

Заикался он только из-за внезапных кренов и толчков катера, так как на лице его сияла улыбка, а глаза весело блестели. Я хотела по этому поводу что-то сказать, но тут катер вздрогнул и накренился на правый борт столь неожиданно, что, несмотря на поручни сиденья, я каким-то чудом скатилась вниз и очутилась на полу, а платье запрокинулось мне на голову. Я никак не могла сбросить его с головы. Из этого затруднительного положения меня вывел следующий крен катера, после которого я очутилась у противоположного борта. При этом моя голова оказалась просунутой... в открытый иллюминатор!

Через полчаса большая волна немного стихла и мы могли посмеяться над нашими злоключениями, которые в общем и целом не причинили никому большого вреда, если не считать нескольких синяков. Как объяснил нам капитан, подобные сюрпризы в этих местах — явление настолько обычное, что они мало кого трогают, однако время от времени здесь случаются и серьезные землетрясения.

— Соломоновы острова — не коралловые атоллы или скалистые рифы, хотя своим существованием они в значительной мере обязаны кораллам, — продолжал капитан. — На северной оконечности этой территории есть

---

⁶ Папайя, или дынное дерево, — дерево, получившее такое название в связи с тем, что его съедобные плоды напоминают дыню. — *Прим. ред.*

вулканы на Бугенвиле и Новой Британии; а на юге в северных районах Новых Гебрид — два действующих вулкана — Лопеви и Амбрим. В группе островов Санта-Крус (на одноименном островке) возвышается вулкан Тинакула. Это — безукоризненной формы конус, верхушка которого тонет в облаках дыма; по его склонам стекают в море потоки лавы. Ночью островок представляет незабываемое зрелище: раскаленная лава ярко озаряет его, и Санта-Крус виден в радиусе десятков миль. На Соломоновых островах попадаются фумаролы⁷ и горячие источники. Островки Торрес, окруженные хорошо сложившимися коралловыми барьерами, возникли, видимо, в результате сотрясений морского дна. Западные берега Улавы, острова, на который мы направляемся, круто и обрывисто возвышаются над морем, а скалистые утесы и коралловые рифы кое-где изрезаны стекающими с гор потоками. Восточная сторона острова более доступна, море здесь спокойнее и мельче, а кругом очень красивые песчаные берега и заливы. Согласно древним легендам, этот остров выловил из моря *Поро ва'и хенуа* (Тот, кто выловил страну) — великан с Малаиты, который, сидя на скалах, ловил рыбу. Легенда эта со всей очевидностью доказывает, что остров Улава появился в результате тектонических толчков на дне моря.

— Значит, при первом же землетрясении Улава может погрузиться в морскую пучину, а с нею и мы, — простонала я.

— Для таких опасений нет оснований! — воскликнул капитан. — Было уже несколько больших землетрясений, однако Улава остался невредим. Мы подходим теперь к большому острову Мала, или Малаита. На восточной стороне Малаиты нет отлогих берегов: либо прибрежные скалы тянутся непрерывной цепью вдоль всего побережья, либо из морской глубины выступают коралловые рифы. Зато западная сторона может похвастать несколькими лагунами и заливами, защищенными островками, а кое-где можно найти и чудесные песчаные пляжи. Но Малаита, подобно Флориде, также пострадала от тектонических толчков, в результате которых образовались узкие каналы, отделяющие от нее большие участки суши. Канал между Малаитой и Марамасике имеет в длину

---

⁷ Фумаролы — струи газов, выделяющихся из отверстий и трещин в кратерах и лавовых потоках. — *Прим. пер.*

двадцать восемь миль и пригоден для плавания небольших судов и местных лодок. Северное устье канала имеет несколько миль в ширину, но изобилует маленькими островками, а его берега покрыты мангровыми лесами. Южная же оконечность канала узка, в его глубоких водах полно подводных скал...

— И все-таки мы плывем туда?— вскрикнула я с приторным испугом. — Ведь в этом канале ваш катер, чего доброго, разобьется о скалы.

— Не бойтесь, мисс Энн, катер крепок, и ему не страшны подводные рифы. А впрочем, если мы и утонем... то неподалеку находится Аид⁸ Южных Соломоновых островов, где нас примут с подобающими почестями!— засмеялся капитан.

— Аид на Соломоновых островах? Это любопытно! — вмешался в разговор Анджей.

— Меланезийцы прозвали островок Малапу — *Келани мате*, то есть Местом упокоения усопших, что приблизительно соответствует мифическому Аиду. Малапа, или Марапа, находится на южной оконечности острова Гуадалканал. Жители Саа называют окружающую их группу островков и коралловых рифов *На' она Кела*, причем свято верят тому, что раз в год туда направляются рыбы бониты со своими опекунами, чтобы доставить душам умерших рыбаков сорванные с их удочек крючки. Знаете ли вы, что Гуадалканал, и особенно западная его сторона, изрезан высокими горами, вершины которых достигают двух с половиной тысяч метров? Даже теперь, после войны, эти горы окружены ореолом таинственности. Согласно верованиям и преданиям меланезийцев, в горах Попоманасиу обитают поросшие длинным волосом дикари Муму, у которых вместо ног толстые пни.

— Но ведь война должна была опровергнуть все эти сказочные верования!— воскликнул Анджей, а затем, обращаясь к моему отцу, добавил:— Видно, немало еще подобных вымыслов мы найдем в преданиях и легендах меланезийцев.

Папа замахал рукой, словно прогоняя приставшую к нему назойливую муху. В этот момент на палубе закричали матросы. Капитан бросился из кубрика, а я устремилась за ним. Я была немало поражена, увидев подо-

⁸ Аид — в древнегреческой мифологии — бог подземного мира, владыка царства теней усопших, а также само царство теней. — *Прим. пер.*

шедшего к перилам кока, который размахивал тяжелым железным гарпуном. Рядом с ним стояли полуобнаженные местные жители и глядели вниз через борт. Когда я подбежала к ним и тоже глянула вниз, то увидела чудовищного ската, бьющего по воде своим длинным, крысиным хвостом. Чудовище, казалось, не плыло, а несло по поверхности моря, словно парящая в воздухе птица. Спереди у него были два щупальца или рога, которыми скат придерживал какую-то довольно крупную рыбу. Тут он внезапно нырнул, а затем взвился вверх, стрелой пролетел расстояние в несколько десятков шагов и с сильным всплеском упал в море, подняв огромный столб воды, которая тысячами струек, словно фонтан, стекла обратно в море. Через мгновение после исчезновения ската осталась лишь пенистый след на воде.

Кок, проклиная все на свете, ретировался на камбуз, а матросы буквально покатывались со смеху над незадачливым ловцом. Стоявший около меня капитан взволнованно проговорил:

— Вы видели морского дьявола — огромного шестиметрового ската. Мы встречаем его довольно часто в наших водах, но все усилия кока выловить ската остаются тщетными. Эта тварь весит, вероятно, две или три тонны, но она необычайно ловка и чрезвычайно живуча...

Я прослушала только половину пояснений капитана, так как мое внимание привлекла синеватая полоска, возникшая вдали на востоке. Капитан, видимо, заметил, что меня заинтересовало, и сразу же объявил:

— Там вдали — Малаита! Отсюда пока видна лишь цепь холмов высотой не более четырехсот метров. Но через полчаса мы увидим пальмовые леса, а через час приблизимся к каналу Марамасике. Извините, мне нужно вернуться в рулевую рубку...

После его ухода я оперлась на перила и стала смотреть на пролетающих птиц, на все отчетливее вырисовывавшиеся перед нами очертания суши и, наконец, на взмывших у носа катера летучих рыб, за которыми охотились сотни разных птиц и даже крупных рыб. Затем появился Анджей и стал рядом со мною, также опираясь на перила. Он что-то сказал, но мое внимание всецело поглотили слепка покачивавшиеся на волнах рыбацьи лодки и сидящие в них бронзовые люди, среди которых мне предстояло жить.

Приближался остров Малаита, и веявший с бере-

га легкий ветерок доносил до нас аромат вечнозеленых лесов, сплошной стеной подступавших к самому морю. Вскоре я могла разглядеть отдельные пальмы и даже светло-коричневые домики островитян, а также группу людей, стоявших на прибрежных камнях и внимательно наблюдавших за нами. Ловко проскользнув мимо коралловых рифов, наш катер подошел так близко к берегу, что почти коснулся острых скал, а затем оказался в Суу-Родо, или у входа в канал, отделяющий остров Малаита от Марамасике. Мне страшно хотелось проплыть по каналу до самого устья, однако катер взял вправо, и через десять-пятнадцать минут мы стали на рейде у селения Афио. От берега отчалила большая лодка с тремя гребцами. Когда она подошла к катеру, капитан ловко перебрался в лодку по штурмтрапу и тотчас же поплыл в селение.

Вокруг нас скопилось больше десятка лодок, больших и малых. Мне показалось странным, что в лодках, которыми управляли мужчины, не было женщин, хотя свыше десятка девушек, смеясь, плескались в воде невдалеке от нас. На них были лишь короткие юбочки, в их ушах или, вернее, в ушных раковинах сверкали кусочки раковин тридакны, а плечи украшали тонкие браслеты из ракушек или искусно сплетенных трав. Плавали они, как рыбы. Нырjali и кувырjались в воде с такой ловкостью и грацией, что можно было принять их за сирен.

Мужчины отличались большей частью высоким ростом и хорошим телосложением, чертами лица они напоминали армян или персов. Некоторые были в брюках и рубашках, но одежда большинства состояла из узких набедренных повязок. На широкой бронзовой груди мужчин выделялись большие полированные щиты из перламутровых раковин, подвешенные шнурком к шее. Они были похожи на пластинки с изображением герба, которые некогда носили рыцари. Предплечья украшали большие браслеты из тридакны, а тяжелые серьги оттягивали ушные раковины чуть ли не до ключиц. Я обратила внимание на одного пожилого щеголя, в уши которого были воткнуты красные конусообразные раковины, а в носовой перегородке торчало красивое колечко из какого-то странного материала.

На лицах некоторых молодых людей запечатлелись следы войны. Один из них был явно негроидного типа: широкий, плоский нос и толстые губы; кожа у другого

оказалась значительно светлее, чем у его товарищей; белокурые волосы и явно европейские черты лица выдавали его происхождение. Правда, я несколько удивилась, заметив у большинства мужчин и женщин превосходные и очень пышные... рыжие шевелюры, которым несомненно позавидовала бы не одна из наших женщин, крашенных в рыжий цвет. Как объяснил мне отец, многие меланезийцы пудрят волосы порошком из толченых раковин, окрашивая их в рыжеватые тона. Но поступают они так отнюдь не ради моды, а просто для истребления докучливых насекомых. Я заметила также двух девушек и одного юношу со столь отчетливыми монголоидными чертами, что не было никаких сомнений насчет японского происхождения их отцов.

Члены экипажа «Элис» оживленно и шутливо беседовали с плескавшимися в воде девушками, одновременно рьяно торгуясь с мужчинами, предлагавшими огромных усатых лангуст, отвратительных сепий⁹ и даже черепах-великанов, а также плоды папайи, кокосовые и арековые орехи и много других продуктов, названий и вкуса которых я не знаю. Отец разговорился с пожилыми меланезийцами и даже купил у них два очень тяжелых браслета из тридакны и нанизанные на нитку, отлично отшлифованные, тоненькие пластинки из раковин, которые подарил мне. Анджей тем временем любезничал с какой-то очень красивой девушкой.

Сразу же после возвращения капитана мы снова вышли в море, напутствуемые громкими криками островитян. Грохот поднимаемого якоря распугал сидевших на прибрежных деревьях пестрых попугаев, которые загалдели, выражая тем самым свое недовольство. А большие черные птицы — рогоклювы, перелетавшие с дерева на дерево, старались поразить нас своим лающим гомоном. Резвые и ловкие белоголовые, бронзовые ястребы и огромные соколы, с отливающими черную крыльями и белесой грудью, с поразительной скоростью пролетали или кружили над «Элис», наводя ужас на мелких морских птиц. Высоко на фоне голубого неба виднелось несколько королевских орлов, величаво паривших на просторе. В лучах солнца их подбрюшины сверкали ослепительной белизной.

---

⁹ Сепия, или каракатица — род морских моллюсков. — *Прим. ред.*

На протяжении двадцати восьми миль, отделявших нас от острова Улава, катер непрерывно сопровождали самые разнообразные птицы. Крича и каркая без устали, они целыми стайками набрасывались на косяки мелких рыбешек или рачков, чуть ли не из горла выдирая друг у друга добычу, то отлетая прочь, то вновь появляясь.

В полдень мы обогнули скалистые берега Марамасике, а затем взяли курс на восток. Вскоре я заметила вдаль темные очертания суши, которая все увеличивалась в размерах, и вот уже стали видны сперва лесистые горы, а затем и темно-зеленые рощи кокосовых пальм. Спустя полчаса мы подошли к протянувшемуся на одну милю мысу Нгоронгоро на северной оконечности острова, и катер бросил якорь в порту близ одноименного селения. Итак, мы на острове Улаве!

Крепко целую тебя.

Твоя Анна

Р. С. Следующее письмо постараюсь отправить вскоре. А.

2.

ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ СУУ МОЛИ

Моя дорогая Ева!

Мы высадились на острове Улава, но не в Нгоронгоро, а в единственной доступной для «Элис» гавани Суу Моли, называемой попросту Моли. Это жалкая, маленькая гавань, но в ней находятся склады копры и несколько одноэтажных зданий, в которых разместились управление гавани, полиция и почтовая контора. Тут же, рядом, в высоко расположенной роще арековых пальм находится селение, в котором привлекают к себе внимание каменные здания миссий и довольно большая англиканская церковь. Немного поодаль среди зелени видны домики островитян и садовые участки, где выращивают папайю и бананы. За селением расположились плантации ямса и таро.

Прибытие судна на Улаву, и особенно в Моли, — это своего рода народный праздник, а поэтому в гавани

нас приветствовали все жители Моли и ближайших селений. Рядом с группой английских миссионеров я увидела в толпе меланезийских женщин, одетых в пестрые ситцевые платья, застегнутые до шеи. Одежда темнокожих мужчин состояла преимущественно из светлых брюк и сорочки с галстуками столь яркими, что рябило в глазах. Многие дети были облачены в европейское платье или кричаще пестрые «конверты», однако одежда большинства жителей состояла лишь из узких набедренных повязок и толстых шнурков с нанизанными на них тоненькими пластинками раковин на груди. В густых кудрях детей торчали крупные цветы с раскрытыми чашечками.

Торжественная встреча происходила на футбольном поле. Как только начались речи, я не удержалась и под предлогом присмотра за выгрузкой багажа, собственно говоря, ящиков с моими фотохимикалиями, улизнула с поля. Целая стайка детей бросилась за мной. Вскоре мы подружились, хотя изъяснялись лишь жестами, так как я знаю только несколько слов на их языке.

От Анджея, который разыскал меня у груды ящиков и мешков, я узнала, что нам предложили поселиться в одном из пустующих миссионерских домиков, однако папа, поблагодарив, отказался, решив устроиться в палатках. Он принял лишь приглашение на званый обед, надеясь разузнать у миссионеров что-либо интересное об Улаве и соседних островках.

Мы выбрали чудесный уголок в непосредственной близости к морю, где земля покрыта мелким золотистым песком, и там разбили палатки. Большую помощь в этом деле нам оказали местные юноши, которые, сбросив с бронзовых плеч рубашки, дружно взялись за работу. Каждому из нас досталась, разумеется, отдельная палатка с удобной раскладушкой, матрацем и москитной сеткой. У стен палаток мы поставили тщательно закрытые стальные сундучки с личными вещами. Чуть поодаль устроили кухню, а продуктовый склад присоединили к палатке Анджея, так как он был единогласно избран кладовщиком. С помощью бамбуковых жердей, на которых закрепили большой брезент, мы сделали очень удобную столовую. Лагерь был с трех сторон окружен рощами кокосовых пальм. Однако они находились достаточно далеко от палаток, и нашим головам не грозило близкое знакомство с падающими кокосовыми орехами, каждый из которых весил не менее двух килограммов.

Устроившись в лагере, мы помылись, переоделись и отправились к миссионерам обедать. Пастор Фокс, строгий, седоватый мужчина, уже ждал нас и провел в свою библиотеку, которая служила, очевидно, также конференц-залом. Беседуя с нами, пастор Фокс блеснул своей начитанностью и отличными познаниями в географии, что среди англичан встречается не часто. Он много рассказывал о Соломоновых островах и особенно об острове Улаве. Хотя миссионеры действуют здесь уже около шестидесяти лет, христианство прививается слабо, так как местные жители все еще верят в добрых и злых морских духов, упорно придерживаются старых обычаев или только еще начинают постигать основы новой для них веры. На острове, говорят, есть селения, в которых соблюдаются старые традиции и обряды.

Юноши, правда, учатся в миссионерских школах, затем приобретают специальности механиков, электротехников или рулевых, поступают работать на торговые или китобойные суда, совершая дальние морские плавания, и возвращаются в родные деревни, усвоив различные современные идеи. Во время второй мировой войны жители Соломоновых островов понесли значительные потери, но в то же время стали свидетелями того, как японцы топили английские и американские корабли, как тысячи белокожих людей гибли, разрываемые снарядами и бомбами, что, естественно, подорвало их веру в табу белого человека!

Пастор рассказывал о горестях и радостях миссионерской работы, о различных сектах и их деятельности, а мой папа ловкими наводящими вопросами выуживал у него все больше и больше сведений. Мы с Анджеем внимательно слушали, а я отмечала в памяти некоторые высказывания, намереваясь запечатлеть их в нашей хронике. Беседу прервала жена пастора, пригласившая нас в столовую. Госпожа Фокс — типичная ирландка, подвижная, веселая особа, рыжеволосая, с непременными веснушками на носу. По-видимому, ей около сорока лет, но благодаря свежему лицу с ямочками на обеих щеках она похожа на двадцатилетнюю девушку. На ней было очень практичное и красивое, застегиваемое спереди платье, которое прекрасно подходило к местному жаркому климату.

Столовая Фоксов оказалась миниатюрным этнографическим музеем. Все здесь было весьма тщательно подо-

брано. Старые боевые копья с деревянными или костяными наконечниками и выпиленными по ним грозными зубринами соседствовали с отлично отполированными лицами из твердой древесины, украшенными символическими рельефами. В разных местах стояли чудесной формы деревянные миски, используемые во время торжественных обрядов, также украшенные резьбой и перламутровой инкрустацией. Под стеклянными витринами лежали браслеты всевозможных размеров: одни — тонкие и изящные, по-видимому женские, другие — массивные, тяжелые, изготовленные из раковин тридакны. Однако настоящим кладом оказались ожерелья, сделанные из раковинных дисков или клыков собак и морских свиней. Эти украшения свидетельствовали об огромном терпении и хорошем вкусе меланезийцев. Цветные раковины приходилось резать сперва на мелкие кусочки, затем придавать им круглую форму, просверливать в каждом отверстии, пользуясь весьма примитивным сверлом, и, наконец, шлифовать и нанизывать на шнурок. Отдельные диски очень тонки и аккуратно подогнаны к остальным; при шлифовке они обретают нужный блеск и оттенок. Очень красивыми предметами, продуктами столь же кропотливой работы, были пояса, заياстья, наголенники и какие-то другие тканые изделия с узорами из самых разнообразных раковинных пластинок. Эти мягкие ткани выглядят как новые и приятны на ощупь.

Все эти диковинки собраны на самом острове Улаве и соседних с ним островах, однако экспонатам пастора Фокса мог бы позавидовать даже Британский музей в Лондоне, в котором, несомненно, собрано немало прекрасных образцов искусства меланезийцев. Мы были поглощены осмотром коллекции рыболовных крючков, сделанных из зубов акулы или дерева, когда госпожа Фокс пригласила нас к столу. Видно, супруга миссионера не столько интересовалась его деятельностью по обращению язычников в христианство, сколько заботилась о желудке пастора, ибо это был подлинный лукуллов пир! Затрудняюсь перечислить все кушанья: их местные названия столь замысловаты, что запомнить их нелегко. К обеду подали больше пяти разновидностей рыбы, от мелкой, как сардина, до самой крупной, одного куса которой достаточно, чтобы накормить несколько человек. После этого на столе появились огромные, жирные лангусты под острым соусом, за ними запеченные кальмары,

голотурии с лимоном и, наконец, особым способом замаринованное палоло, или икра морских червей, живущих в расщелинах коралловых рифов. Я так наелась этих яств, что с трудом взялась, наконец, за холодную сочную мякоть папайи, которую нам подали на десерт. Кофе мы пили, сидя в удобных креслах на веранде и пересказывая разные лондонские сплетни.

В лагерь вернулись около десяти часов вечера. Ночь была тихая, только волны глухо бились о коралловые скалы да в лесу курлыкали голуби куру-куру. Я страшно устала после продолжавшегося весь день плавания на катере, последующей разбивки лагеря и, наконец, обеда у Фоксов, поэтому быстренько искупалась в море и, обессиленная, свалилась на кровать. Видно, я тотчас же уснула, но еще до рассвета внезапно проснулась от какого-то адского шума, злых проклятий Анджея, звона падающей посуды, ударов и прежде всего от пронзительного визга... свиней. Я вскочила с постели и, набросив кимоно, выбежала наружу, прихватив с собой большой электрический фонарь. При его свете я увидела стадо свиней, убежавших из палатки Анджея. За ними гнался голый почтенный ассистент. Он нещадно колотил обухом перепуганных животных.

Вид его был столь потешным, что я невольно опустилась на землю и стала судорожно хохотать. Я смеялась до слез, и лишь озабоченный голос отца несколько остудил мое веселье. Оказалось, что вся эта история вовсе не была смешной и ее последствия могли причинить нам немало неприятностей.

Дело в том, дорогая Ева, что свиней на Соломоновых островах считают ценнейшими домашними животными, они предназначены для торжественных пиршеств и жертвоприношений богам. Кража или убийство чужой свиньи считаются большим преступлением и могут даже вызвать вооруженные столкновения между заинтересованными родами. Поэтому английская администрация запретила держать свиней на свободе, однако после войны многое изменилось, и теперь на это смотрят сквозь пальцы. Согласно правилам владельцы этих животных должны запирают их в хлевы и кормить два раза в день, но, поскольку диких собак полностью истребили на мясо, а других хищников на острове нет, свиньи пользуются свободой и сами разыскивают себе корм. Они лезут повсюду, роются в земле, особенно в местах, где находятся

норы крупных кокосовых раков. Огороды, кладбища, сараи с ритуальными лодками и амбары — все приходится защищать от нашествия этой ненасытной своры толстыми стенами из обломков скал и коралловых рифов.

Именно такое стадо, которое вырвалось ночью из хлева в поисках корма, вторглось в нашу кладовую. Животные распороли клыками мешок с рисом, сожрали большой пучок бананов и полную корзинку корней ямса, раздавили больше десятка банок консервов, растоптали бочонок белой муки и вторглись в палатку Анджея, который спал, видно, так крепко, что не слышал шума в находящейся рядом кладовой.

Не хочу злорадствовать, но мне кажется, что наш герой-ассистент проснулся лишь тогда, когда свиньи повалили его вместе с кроватью на землю. Несмотря на ряд каверзных вопросов, мне так и не удалось выведать, каким образом он выбрался из-под москитной сетки и откуда взял топор, которым размахивал так усердно, что убил двух хорошо откормленных поросят.

Мы еще не успели рассмотреть как следует место побоища, чтобы установить потери в кладовой, когда со стороны селения раздались протяжные, хриплые звуки, напоминающие сигналы трембит гуцульских пастухов. Все это производило впечатление какого-то условного сигнала.

Вскоре оказалось, что и на самом деле прозвучал сигнал тревоги, ибо в редющей мгле ночи появились какие-то странные фигуры, небольшими группами направлявшиеся в нашу сторону.

Мне стало не по себе, когда эти люди, осмотрев сперва берег, приблизились к лагерю и окружили его тесным кольцом. На них были только набедренные повязки, а у большинства висели на груди также и диски в виде полушарий, выпиленные из крупных раковин, отполированных и переливающихся всеми цветами радуги. На руках у воинов красовались тяжелые браслеты из раковин тридакны. Здесь было несколько молодых вождей, которых я узнала по диадеме из так называемых тигровых раковин на лбу и чудесным украшениям из раковин тридакны, выполненным в форме стилизованных фрегатов, которые были воткнуты в проколотые носовые перегородки.

При виде свиней, безжизненно лежавших на песке у палатки Анджея, воины издали протяжный крик и, напра-

вив острия копий в нашу сторону, словно по команде стали на одно колено. После длительного, напряженного молчания из окружившего нас кольца поднялись два воина, которые подошли к убитым пороссятам и стали внимательно рассматривать их, обратив особое внимание на странные зарубки на ушах обоих животных. Это были, полагаю, опознавательные знаки владельца, ибо после того, как обследовавшие свиней люди произнесли несколько непонятных мне слов, из круга вышел молодой воин, подбежал к забитым животным, поглядел на их уши, а затем начал причитать столь жалобно, что даже профессиональная индийская плакальщица на похоронах махараджи не могла бы выразить большего отчаяния. На плач из селения сбежались несколько пожилых мужчин и громко голосивших женщин, которые связали свиньям ноги, и на толстых бамбуковых жердях, под аккомпанемент рыданий и причитаний понесли животных к вождю своего клана. Траурное шествие замыкали группки воинов, потрясавших копьями и дубинками, более чем выразительно проявляя этим свое враждебное к нам отношение.

Первый наш завтрак в Суу Моли был отнюдь не из приятных. Папа настолько расстроился, что с трудом проглотил кружку кофе. Анджей сидел за столом и, насупившись, молча и рассеянно глядел на сверкающую золотистыми отблесками морскую гладь, залитую лучами утреннего солнца. Я попыталась расшевелить приунывшего молодого человека несколькими невинными шутками, но, когда он, неблагодарный, огрызнулся в ответ, махнула рукой и взялась за еду. Утро было столь чудесным, свежим и солнечным, оно дышало таким ароматом, что я забыла обо всех горестях и с завидным аппетитом одна съела завтрак, приготовленный для нас троих. Во время еды я заметила, что Анджей отвел взгляд от моря и смотрит на меня с явным изумлением. Я одарила его одной из самых очаровательных своих улыбок, однако мрачный молодой человек отвернулся и молча направился в свою палатку.

Я вымыла посуду и убрала со стола, когда пришли супруги Фокс. Они уже знали о наших злоключениях, так как, поздоровавшись, сразу же начали меня расспрашивать о подробностях происшествия. Поскольку Анджей знал больше, я предпочла позвать его, чтобы ассистент сам рассказал обо всем. Я была приятно удивлена, когда он вышел из палатки уже побритый, в свежей сорочке и

шортах, приняв вполне приличный вид. Любезно поздоровавшись с гостями, он подробно рассказал, как кто-то разбудил его среди ночи, а поскольку было совсем темно, схватил первый попавшийся ему предмет и начал прогонять животных из палатки. Лишь потом он обнаружил, что держит в руках топор, которым наносил чересчур сильные удары.

Едва только Анджей окончил рассказ, как в столовую вошел папа, а за ним вождь деревни и двое пожилых островитян, одетых в длинные брюки и белые рубашки. Все поздоровались очень вежливо, но мы, женщины, решили прогуляться к морю, чтобы дать возможность мужчинам свободно переговорить о ночном инциденте.

Через полчаса нас, сидевших на обломках коралловых рифов, разыскал Анджей. По его веселому выражению лица и улыбающимся глазам мы еще до того, как он начал говорить, поняли, что все обошлось и меланезийцы не имеют к нам никаких претензий. Пастору Фоксу пришлось приложить немало усилий и даже напомнить вождю, что жители Улавы, собственно говоря, не вправе содержать свиней и тот, кто их разводит, совершает преступление.

Власти лишь потому смотрят сквозь пальцы на разведение свиней, что эти животные успешно уничтожают кокосовых раков, представляющих здесь подлинное бедствие. Думаю, говорил пастор Фокс, что если профессор пожалуется властям на нашествие свиней, то губернатор прикажет ликвидировать их на Улаве и владельцу животных придется уплатить изрядную компенсацию за уничтоженную муку и другие продукты. После этого вождь переговорил с жителями, а затем извинился перед нами не только за нашествие свиней, но и за утреннюю враждебную демонстрацию своих воинов. На прощание он снял с себя красивое ожерелье из клыков морской свиньи и преподнес его отцу, упрашивая предать всю эту историю забвению и не подавать жалобу. Папа охотно согласился, и мир был полностью восстановлен.

— Сегодня вечером вы получите приглашение на пир! — воскликнула, смеясь, госпожа Фокс. — Поросят отлично испекут на раскаленных камнях и подадут вместе с клубнями таро под острым соусом, а затем вас угостят печеными плодами хлебного дерева, бананами, папайей и, наконец, орехами арека и кокосовым молоком.

Только теперь я заметила, что, улыбаясь, миссис Фокс

как-то удивительно щурила глаза, и это придавало ей юный и немного озорной вид. Казалось, перед нами сидела девушка, которая умела исключительно удачно острить. Полагаю, Анджей был просто очарован ее красотой и утонченностью, так как глядел на нее с обожанием. Но через мгновение он опомнился и сказал с нескрываемым сожалением:

— О мадам! Через час мы уезжаем с профессором в глубь острова, чтобы найти подходящее место для исследований. Только Аня будет счастлива провести еще несколько дней в вашем милом обществе.

— Жаль, что вы так скоро покинете Моли!— вздохнула госпожа Фокс.— Очевидно, наилучшие условия вы найдете в О'у. Это маленькое селение на восточном побережье, почти на самой южной оконечности острова. Я слышала, что именно там в одну из ближайших недель должно состояться традиционное посвящение мальчиков, так называемых *малаоху*, а также связанное с этим торжественное пиршество. Да, да, приближается как раз *мангадаа*, долгожданный и быстро заканчивающийся сезон ловли бониты, а это всегда сопровождается очень любопытными обычаями. Ведь мой муж тоже советовал избрать именно эту деревню?

— Да, мистер Фокс рекомендовал профессору это селение, но советовал также заглянуть и в другие. В каждом из них можно найти что-нибудь любопытное, говорил он. Аня приедет к нам, когда мы как следует устроимся.

Признаюсь, я не расслышала, о чем еще говорил Анджей, так как все мое внимание привлекла великолепная, очень большая бабочка с крыльями цвета старинного золота. Это чудесное насекомое сверкало на солнце, как драгоценное сокровище, и перелетало с цветка на цветок, порой опускаясь на них, но большей частью паря в воздухе над чашечкой, и, слегка размахивая крыльями, выпивало из нее нектар. Крылья у бабочки были больше моей раскрытой ладони; сидя на цветке, она полностью накрывала его собою. Я очень жалела, что оставила в чемодане мой шелковый сачок, так как легко могла бы поймать ее и поместить в коробку для бабочек. Насколько я припоминаю по урокам зоологии, это была, вероятно, самка *Ornithoptera victoriae*.

Погнавшись за бабочкой, я услышала в густых зарослях такой громкий птичий гомон, что невольно направи-

лась в его сторону. Пройдя несколько десятков шагов, я вышла на небольшую полянку, посередине которой стояло одинокое развесистое фиговое дерево. На его повисшем суку я увидела огромное гнездо стайных воробьев. Гнездо прикрывала общая кровля длиной более метра, такая толстая, что производила впечатление копны сена, разложенной на суку. Под этой стрехой находилась, пожалуй, целая тысяча плотно соприкасающихся между собою гнезд. Можешь себе представить, сколько там было писка, чириканья и трепыхания крыльев! И тем не менее все это птичье царство жило в полном согласии, хотя порой случались кратковременные раздоры. То две самочки подрались между собою, то какой-то старый воробей настиг молодого самца-кавалера, который пытался увести у него ветреную супругу. Кавалеру попало по хохолку, так что только перья полетели, а самочка тихонько забралась в гнездышко и своими бисерными глазками с красной каемкой внимательно наблюдала, как ее злосчастный поклонник увертывался от клюва разгневанного супруга.

Все эти «соседские распри» и «супружеские раздоры» тонули в общем гомоне. То и дело прилетали новые стаи, в то время как старые с громким чириканьем улетали за высмотренной заранее добычей. На обратном пути я увидела более десятка дынных деревьев, столь плотно облепленных этими маленькими и юркими птичками, что под подвижной массой тел и перьев нельзя было разглядеть самих плодов. Папайя — излюбленное лакомство стайных воробьев, и человеку приходится изрядно потрудиться, чтобы защитить великолепные плоды этого дерева от ненасытных маленьких хищников.

Близ нашего лагеря я случайно забрела в банановую рощу и на спелых плодах увидела стаю больших зеленых попугаев, среди которых кое-где попадались красные особи. Своими крепкими клювами попугаи с удивительной ловкостью сдирали кожу с плодов и лакомились их нежной и ароматной мучнистой мякотью. Они ели быстро и жадно и только желтыми глазками подсматривали, не спешит ли часом человек, чтобы прогнать их. Птицы соблюдали полную тишину, только иногда раздавалось довольное шипение или, вернее, скрежет, похожий на трение железа о железо. Но вот их желтые глазки высмотрели меня в зарослях. Красные попугаи тут же бесследно исчезли, а зеленые, взлетая, подняли такой галдеж, что

я чуть не оглохла. Лишь позднее миссис Фокс объяснила мне, что зеленые попугаи — самцы, а красные — самки. Последние весьма пугливы и избегают людей. Когда они устраивают гнезда, для которых собирают массу материала, увидеть их можно очень редко.

Я пришла на территорию лагеря, когда все (то есть папа, пастор, его жена и Анджей) сидели в палатке-столовой, наклонившись над картой, разложенной на столе. Они были так поглощены ее изучением, что сразу не заметили моего прихода. Только миссис Фокс, очаровательно прищутив глаза, одарила меня улыбкой. Она помогла приготовить кофе, расспрашивая, где я была и рассказывая о нравах стайных воробьев и попугаев. Позднее, за кофе, было решено, что наши мужчины отправятся на разведку в глубь острова, а я останусь еще на несколько дней в Моли, чтобы пополнить запасы провианта, уничтоженные нашествием свиней. Я сперва противилась, доказывая, что как фотограф экспедиции должна постоянно сопровождать ее, но после того, как миссис Фокс пообещала мне показать разные любопытные вещи в окрестностях, сдалась.

Около полудня к столовой подъехал старый, скрипучий «форд», на который погрузили часть снаряжения, затем на груде всевозможных вещей усадили обоих ученых. Несколько прощальных окриков, последних напутствий, взмахов руками — и «форд», громко пыхтя и фыркающая, тронулся с места. Водитель, молодой и крепкий меланезиец, не наехал на лежавшую в яме тучную свинью лишь потому, что сумел ловко обогнуть ее. При этом машина резко накренилась, закачалась, словно корабль во время шторма, расшвыряла кучу кокосовых орехов, а затем исчезла в чаще деревьев.

Уже под вечер я направилась с Мюриель (так звали миссис Фокс, которая, кстати, предложила мне перейти на «ты») в китайскую лавку — единственную в Моли. Владелец ее был некий Чжи Лунь-чжан, пожилой китаец, постоянно проживавший в Хониаре и чуть ли не на каждом острове открывавший свой филиал. Лавка была небольшой, но в ней местные жители находили все необходимые им товары. Контора помещалась в просторном здании позади лавки. Молодой продавец провел нас именно туда. Похоже, что эта контора служила одновременно и складом и лавкой для избранных — на полках здесь лежали груды всевозможных консервов и целые ки-

пы ярких тканей, среди которых почетное место занимали чудесные китайские шелка.

В дверях нас встретил китаец лет сорока. На нем был черный сатиновый халат и небольшая шапочка с красным помпончиком. Он поздоровался с Мюриель, как со старой знакомой, на меня же внимательно посмотрел и тут же опустил глаза. Китаец был необыкновенно, даже преувеличенно вежлив. Во время беседы с женой пастора он украдкой разглядывал меня. Во взглядах, которые лавочник бросал в мою сторону, было нечто такое, что заставляло меня быть начеку. Мне захотелось как можно скорее покончить с покупками и уйти.

Но не успела я раскрыть рта, как купец стал показывать нам свои шелка. Одновременно он сыпал благоволения на раскаленные угольки. От сильного запаха у меня перехватило дыхание. Одно мгновение мне показалось, что теряю сознание, но я собралась с силами, и чувство слабости прошло. А Мюриель тем временем придирчиво перебирала шелка. Одни она примеряла на себя, другие набрасывала на меня, настаивая, чтобы я смотрела в зеркало, которое хитрый купец поставил перед нами. Стоило Мюриель окутать меня прямо-таки сказочным, блестящим золотистым шелком, легким и нежным, словно дуновение ветерка, как в контору вошел рослый китаец. Вместо того чтобы поздороваться, он уставился на меня, а затем начал быстро что-то говорить. И снова я перехватила тот же неприятный взгляд, который, казалось, раздевал меня.

Я так разозлилась, что отшвырнула шелк в сторону и сухим, официальным тоном заказала нужные нам продукты. Затем я взяла изумленную Мюриель под руку и вышла из лавки. На улице я объяснила ей, почему так поступила. Мюриель сначала только посмеялась, а потом призналась, что и сама заметила странные взгляды, которые бросали на меня оба китайца. У ворот миссионерского дома я попрощалась с несколько обеспокоенной Мюриель и, несмотря на ее приглашение, вернулась в свою палатку.

Солнце уже клонилось к закату, когда я надела купальник и направилась на крошечный пляж, на который наткнулась во время утренней прогулки с Мюриель. Весь пляж длиной не более десяти-пятнадцати метров состоял из мелкого и такого мягкого песка, что ноги проваливались по самую щиколотку. На расстоянии каких-нибудь

пятидесяти метров от берега высилось несколько огромных скал, о которые раскатисто разбивались морские волны. Вода бурлила и пенилась там, словно кипяток, но в заливчик стекали только тихие струйки, изредка несущие с собою клочки пены.

Вода здесь была теплой, но стоило сделать несколько шагов от берега, как песчаное дно вдруг круто обрывалось, а около скал даже такому опытному пловцу, как я, было трудно достать дно. Поэтому я подплыла к скалам и, спугнув с одной из них огромное количество крабов, забралась во впадину, захлестываемую струями разбивающихся волн. Какое же это было блаженство! По тебе словно обухом бьет водяной бич, и пока одна волна струится по телу, на подходе уже следующая. Я чувствовала, как после каждого удара тело словно немеет, а кожа становится такой гладкой, что вода стекает по ней, как по отполированному мрамору.

Наконец, красная как рак, оглушенная грохотом и ревом волн, используя небольшую паузу между ними, я поплыла в заливчик... и тут же очутилась среди местных купальщиц. Казалось, обе стороны были застигнуты врасплох. Девушки на мгновение остолбенели, но вскоре заливчик покрылся пеной от воды, стремительно рассекаемой бронзовыми плечами. Словно стая рыб перед грозным хищником, они в панике уплывали, и лишь одна из них обернулась в мою сторону, слегка замешкалась, а затем стала звать подруг. Вскоре все они с громким хохотом окружили меня. Сопровождаемая веселыми девушками, я выбралась на берег и, измученная, бросилась на мягкий песок.

Весело смеясь, девушки стали что-то рассказывать, но я поняла только слово «Нгориеру», что означает имя одного из морских божеств. Я догадалась, что со страху они сначала приняли меня за божество, так как никто из живущих здесь островитян не отважился бы забраться на скалы, которые все еще считались обиталищем мифических существ. Это, конечно, рассмешило меня, так как у Фоксов я видела вырезанное из дерева изображение Нгориеру в виде человека с головой акулы, сидящего на рыбе, со стилизованной барракудой¹⁰ на спине, держащего в руке бониту в форме тонкой и длинной рыбины.

---

¹⁰ Барракуда — хищная морская тропическая и субтропическая рыба из рода акул. — *Прим. пер.*

Пока мы объяснялись жестами, я успела хорошенько рассмотреть девушек. Им было не более двенадцати-шестнадцати лет. Совершенно обнаженные, они вели себя так, словно всегда обходились без одежды. По темно-коричневой, цвета бархата, коже еще стекали капельки воды, похожие на мелкие бисеринки. Черты лица у одних девушек были характерными для папуасок, другие походили на меланезиек. Овальные лица, широкие рты с толстыми губами, средней высоты лбы и преимущественно карие или черные глаза... Немало европейских женщин позавидовали бы их густым шевелюрам! Волосы купальщиц не были длинными, у некоторых вились локонами, и лишь у троих-четверых головы украшали чудесные медно-красные волосы, искусственно окрашенные в этот цвет пудрой из раковин, о чем я упоминала в прошлом письме. Почти все девушки носили серьги из раковинных дисков, а у двоих я видела большие продолговатые палочки из тридакны, проткнутые сквозь носовую перегородку.

Несколько менее робких купальщиц стали с любопытством рассматривать мой купальный костюм и в мгновение ока стянули с меня лифчик. Затем две из них схватили меня за руки и потащили в воду. В заливишке мы плескались, догоняли друг друга и ныряли, причем мои бронзовые подруги вылавливали со дна крупных омаров, усатых лангуст и чудесные раковины.

Почувствовав легкую усталость, мы вышли из воды и легли на теплый песок. Я спокойно наблюдала за девушками, влажная кожа которых принимала в лучах заходящего солнца цвет очень старой, покрытой легким налетом бронзы, когда в кокосовой роще раздались вдруг мужские голоса и на берегу показалась группа юношей. Это отнюдь не смутило моих новых знакомых, они спокойно надели короткие юбочки и, весело смеясь, стали заигрывать с пришельцами. Я быстро накинула купальный халат и, несмотря на уговоры купальщиц, покинула пляж, хотя мне очень хотелось посмотреть, как молодые люди ухаживают за девушками.

В лагерь я вернулась уже в сумерки, зажгла керосиновую лампу и при свете ее приготовила себе роскошный ужин из фруктов, а затем, лежа на раскладушке, стала читать великолепную книгу Гаппи «Соломоновы острова и их аборигены», которая раскрыла мне много загадок местного фольклора. В десять часов я погасила свет и вскоре заснула.

Мой крепкий сон был внезапно нарушен звуками ударов по чему-то твердому. Ты хорошо знаешь, что я не очень пуглива — ведь недаром мы прошли с тобой курс борьбы дзю-до; однако стук раздавался так отчетливо, будто кто-то уже забрался в палатку. Некоторое время я продолжала лежать, хотя сердце колотилось все сильнее, и лихорадочно пыталась нащупать электрический фонарь под подушкой, который, как назло, куда-то запропастился. В конце концов я отыскала его, вскочила с кровати и зажгла. Яркий луч света залил палатку, и я увидела на земле среди валявшихся там кокосовых орехов двух огромных раков, обычно называемых здесь «пальмовыми ворами». Один из них сдирал клешнями скорлупу, а другой расширял уже пробитое отверстие в другом орехе и пытался всадить в него свою четвертую конечность, снабженную небольшими клешнями. Раки были так поглощены работой, что даже внезапно вспыхнувший свет фонаря не произвел на них особого впечатления.

Некоторое время я с интересом рассматривала непрошенных гостей, но затем все же решила прогнать их. Схватив какую-то палку, я набросилась на первого с краю рака. Но, вместо того чтобы бежать, он поднял вверх свои клешни, схватил ими палку... и без особого труда перекусил, словно она была из теста. Это проявление недюжинной силы настолько поразило меня, что я решила сфотографировать раков-разбойников. Взяв один из фотоаппаратов, висевших на столбе, я вложила батарейку в лампу-вспышку и сделала более десятка великолепных снимков, в том числе раков, в момент, когда они перерезали палку диаметром более трех сантиметров. Затем я схватила их за панцири на спине и выкинула, как можно дальше от палатки.

Убрав орехи с земли, я вновь легла на кровать, однако мне не суждено было этой ночью заснуть: на деревьях близ лагеря уселись голуби, громкое курлыканье которых не давало спать. К гомону голубей присоединилось басовитое кваканье лягушек, а время от времени в этот концерт врывался резкий крик цапли, охотившейся у берега.

Вдруг что-то, видимо, спугнуло голубей, так как они улетели, пронзительно свистя крыльями. Голуби вновь опустились, но, вероятно, уже где-то далеко, ибо их гомон стал значительно слабее, будто сдавленный лесной чащо-

бой. На некоторое время стало тихо, только слышался монотонный шум волн, разбивающихся о скалы, а потом опять раздались кваканье лягушек и писк какой-то птицы. Вдруг за шелковой стенкой палатки послышались чьи-то тихие, осторожно крадущиеся шаги. Как-то машинально я бесшумно сползла с кровати, накинула халатик и, съездившись, уселась на земле у стенки. Наступила тишина, затем раздался еле слышный шелест шагов и что-то похожее на легкое прикосновение к полотну палатки. Через несколько секунд шелест повторился, на этот раз у самого полога. Я отчетливо слышала, как чьи-то пальцы искали петли, на которые застегивалась палатка. Мелькнул тусклый луч света и тотчас же погас; однако и этого времени оказалось достаточно для злоумышленника. Я хорошо слышала, как он один за другим отстегивал деревянные колышки, и отверстие полога становилось все шире.

Я продолжала сидеть, съездившись и затаив дыхание. Жаль, что под рукой не оказалось фонаря, который я оставила под подушкой; доставать его уже не было времени. Хотя сердце мое сильно колотилось и временами, казалось, удары подступали к самому горлу, создавшееся положение, несмотря на свою необычность, меня слегка развлекало. Я не знала, конечно, какую цель преследует налетчик, но было ясно, что он ничего не собирался красть. Ведь в противном случае он мог безнаказанно шарить в кладовой, где все консервы лежали лишь накрытые брезентом. Однако вместо этого неизвестный пытался вломиться именно в мою палатку. Или, может быть, он полагал, что найдет здесь деньги?

Тем временем полог приподнялся, и в нем показалась чья-то ссутулившаяся фигура, которая при свете затемненного фонарика кралась прямо к моей кровати. Я заметила, однако, что налетчик держал в руке нечто похожее на одеяло. Когда непрошенный гость приблизился к кровати и осветил ее, я поднялась с земли и, молниеносно настигнув его, приемом дзю-до повалила на землю, отчего злосчастный громко застонал. Но тут передо мной выросла другая фигура. В вытянутых руках человек держал одеяло, которое попытался набросить мне на голову. Он едва не преуспел в этом, но я увернулась и изо всей силы пнула его ногой в живот. Застонав от боли, он уронил одеяло и, держась руками за живот, камнем выкатился из палатки. Я подбежала к кровати и, отбросив

подушку, схватила фонарь, но, когда зажгла его, второй злоумышленник уже удирал, крадучись, в лес. Я больше чем уверена, что это не был местный островитянин.

На месте схватки остались два толстых одеяла и фетровая китайская туфля. Позднее я нашла на дворе нож, но сомневаюсь, чтобы его собирались использовать против меня. Скорее всего, он выпал из футляра одного из злоумышленников.

Было уже около четырех часов утра. Я больше не ложилась, развела огонь под нашей полевой кухней, сложенной из нескольких камней, и заварила себе крепкий кофе. Подкрепляясь ароматным напитком, я размышляла над ночным нападением. Совершенно очевидно, что меня собирались похитить, иначе зачем бы понадобились эти два толстых одеяла? Но кому я все-таки была нужна? Или налетчики рассчитывали на выкуп? А быть может, это были торговцы живым товаром?

Я долго раздумывала над этой загадкой, и все это время всплывали воспоминания о наглых взглядах, которыми мерили меня китайские купцы. Имели ли они какое-то отношение к ночному нападению? Но в палатке осталась утерянная налетчиком фетровая туфля, которая могла принадлежать только китайцу, поскольку островитяне, как правило, ходят босиком.

Мои размышления прервала большая пестрая лягушка, называемая жителями Улавы *адаада луму*, которая каким-то образом прыгнула на стол и своими выпученными глазницами смотрела на меня. Ты знаешь, какое отвращение я питаю к земноводным, поэтому, не приставляясь особенно к лягушке, я поддела ее палкой и швырнула подальше в кусты. При этом мой взгляд упал на большой куст гибискуса, сплошь покрытый крупными цветами. В чашечке одного из этих великолепных пурпурных цветков я увидела канарейку, которая своим длинным клювиком выпивала нектар. У этой маленькой ярко-желтой птички был блестящий черный подгрудок и такая же шейка, резко контрастирующая с остальным оперением. Впервые я встретилась с такими красивыми птичками.

Так как солнце стояло уже довольно высоко, я поспешила искупаться в море. Заливчик тонул в лучах солнца, и, казалось, вода в нем перегрелась. Я плавала и ныряла, надо мною высоко в воздухе летали проворные крач-

ки и крикливо голосили чайки, а на скале сидел коричневый белоголовый ястреб и пронзительно перекликался с другим, которого не было видно.

Искупавшись, я легла на разогретом песке и стала следить за силуэтом огромного орла, который величественно кружил на фоне ярко-голубого неба. Затем мое внимание привлекла маленькая трясогузка. Эта желто-серая птичка проворно плясала на песке близ воды, время от времени хватая клювиком какого-либо червячка или личинку, выброшенных волной, а затем, словно похваляясь, пела: «циит, циит, циит» и вновь принималась за свое.

Тепло солнечных лучей и безмятежный покой так меня убаюкали, что я чуть не задремала. Однако в десять утра я должна была встретиться с Мюриель у нее дома: нам предстояло отправиться в ближайшее селение. Поэтому, чтобы разогнать сон, я еще раз прыгнула в воду, а затем побежала в лагерь. Едва я успела навести порядок в палатке и соответственно одеться для предстоящей экскурсии, как у нашей столовой раздались мужские голоса. Это два носильщика принесли из китайской лавочки заказанные нами продукты. Привел их сам купец, который столь нагло разглядывал меня вчера.

Вежливо, но сухо я ответила на его очень учтивое приветствие и потребовала счет. Китаец, одетый в отлично сшитый светлый тропический костюм европейского покроя, начал мне очень подробно объяснять, что европейцы на Соломоновых островах не расплачиваются наличными, а раз в месяц выдают чеки на банк в Хониаре, которые центральный магазин в свое время инкассирует.

Хотя я хорошо знала, что здесь существует такой порядок, я потребовала все-таки счет, после чего кивком головы отпустила купца, давая ему понять, что разговор окончен. Однако китаец или притворился, что не понял, или был действительно глуп (в чем сомневаюсь), так как начал расспрашивать, не боюсь ли я жить здесь одна, хорошо ли спала в эту ночь (ему мешало курлыкание голубей) и когда приедет мой отец с ассистентом. Он задавал мне еще много других, казалось маловажных, вопросов, но из них можно было составить себе ясное представление о моем образе жизни.

Еще с утра я решила не рассказывать никому о ночном происшествии, поэтому отвечала сперва односложно, а затем как бы мимоходом заметила, что у себя на роди-

не окончила курс джиу-джитсу, а в дзю-до имею степень «дан», что делает меня весьма опасным противником, которого не стоит задирать. Закончила я несколько нетерпеливо, заявив, что должна попрощаться, так как спешу в дом пастора. Однако, к моему удивлению и крайней досаде, китаец очень вежливо, я бы сказала — даже изысканно, попросил разрешения сопровождать меня, так как и у него есть дело к пастору. Я была взбешена, но оказалась вынужденной согласиться. Перед тем как уйти, я заперла в стальном сундучке китайскую туфлю и оба одеяла, затем взяла деньги, окликнула китайца, ожидавшего в столовой, и мы направились к дому пастора. По пути он рассказывал мне какие-то необыкновенные истории, но о чем именно — не могу вспомнить, так как все время думала о ночном налете и связывала его с вопросами, которые задавал китаец. Я обрадовалась и с облегчением вздохнула, когда на полпути увидела Мюриель, вышедшую мне навстречу. Прощаясь с купцом, я еще раз напомнила ему о счете и попросила прислать его на дом к пастору.

Когда китаец отошел в сторону, Мюриель сообщила, что сегодняшняя экскурсия, к сожалению, не состоится, так как в автомашине пастора сломались рессоры и придется доставить из Хониары новые, что займет несколько дней. После этого мне уже не захотелось идти в дом пастора, чтобы не встретиться вновь с китайцем, и мы пошли к морю, где можно было спокойно поболтать и поглядеть на девушек, занятых ловлей лангуст. Я рассказала Мюриель, как купалась вчера в заливчике, где встретила девушек и прибежавших туда юношей. Мюриель сощурила свои очаровательные глазки, затем рассмеялась, как молодая, и воскликнула:

— Ох, Энн, эти вечерние свидания девчат и юношей так огорчают моего мужа! Он ведь заботится о чистоте тел и душ своей паствы, а ночью с девушкой всякое может случиться, хотя еще перед тем, как в Моли была создана миссия, добрачные связи карались смертью. Есть здесь, конечно, и такие островки, на которых половая жизнь начинается очень рано. Молоденькие девушки с едва формирующимся бюстом узнают о тайнах любви от своих старших подруг, а всему остальному их обучают уже сами юноши. Девушка может отдаться любому холостому мужчине, и этим она не приобретет себе дурной славы, пока... не станет матерью, что случается, одна-

ко, очень редко. Эти связи продолжаютсЯ до тех пор, пока женщина не встретит молодого человека, к которому почувствует искреннюю симпатию или даже любовь. Такая пара сожительствует только друг с другом и считается помолвленной, хотя молодые люди и не обязаны соблюдать верность. Однако поиски любовных приключений — это грубая бестактность, и сторона, допустившая измену, подвергается всеобщему осуждению.

— Каким же образом девушки избегают беременности? Употребляют какие-нибудь предохранительные средства или, быть может, знают календарь бесплодных дней?—воскликнула я с любопытством.

— Я пыталась разузнать что-либо у мужа по этому поводу, однако, по его словам, он ничего не знает или, может быть, просто не хочет мне говорить. Удивительно, что почти все замужние женщины уже через год становятся матерями, а потом ежегодно или через каждые два года рожают детей, хотя до брака вступали в любовные связи и никогда не беременели.

— Быть может, мистер Фокс не интересуется такими вопросами...

— О, мой муж — пуританин, он избегает даже упоминания о подобных вещах.

Мне показалось, что в голосе Мюриель я ощутила нотку горечи и сожаления, поэтому поскорее взяла в руки фотоаппарат, приладила телеобъектив и начала фотографировать девушек, вынырывающих из воды с лангустами в руках. Мюриель сидела, опустив голову, но вскоре, глядя на меня уже с улыбкой, сказала:

— Смотри, Энн, чтобы девушки не заметили, как ты их фотографируешь! Согласно поверью, существующему среди местных жителей, проявленная фотопленка или пластинка может стать предметом черной магии, наслать болезнь или даже смерть на человека...

— О! А я-то делала снимки, когда нас встречали!

— Тогда там были мы, европейцы, — сказала Мюриель весело, — а островитяне уверяют, будто бы белый человек ничего не смыслит в черной магии, хотя кое-кто и утверждает обратное. Но ты не беспокойся, Энн, групповые снимки не опасны, так как имеешь дело со многими людьми, а околдовывать, как говорят, лучше всего одного человека.

Пока пасторша говорила, девушки вышли из воды, надели короткие юбочки и с мешочками, полными лангуст,

подбежали к нам. Все девушки были стройны, здоровы, лица их искрились весельем и какой-то неумемной жизнерадостностью. Они бросили мешочки на песок, окружили нас тесным кольцом и стали наперебой болтать с такой поспешностью, что Мюриель с трудом понимала их. Они рассказывали, вероятно, что-то очень смешное, так как хохотали столь заразительно, что даже я, не понимая, о чем речь, не могла удержаться от смеха. Позднее Мюриель рассказала мне, что девушек развеселил обнаруженный ими между подводными рифами огромный осьминог, который протягивал из своего убежища мощные щупальца, пытаясь схватить кого-либо из них.

Я почувствовала, как мурашки поползли у меня по спине. Ведь осьминог, пытающийся напасть на взрослого человека, должен быть огромен, и его щупальца, снабженные присосками, могли достигать нескольких метров в длину. А девушки беспечно смеялись над этим чудовищем и, наверное, там, в воде, задирали его, пытаясь заставить притаившуюся тварь выйти из своего укрытия.

Перед уходом они показали нам свою добычу — великолепных лангуст с фиолетово-красными щитами и с многочисленными длинными шипами. Для безопасности их следовало хватать за хвост. Этими шипами на щите природа как бы вознаградила лангуст за отсутствие клешней, которые есть у омаров. Представь себе, что некоторые из выловленных лангуст оказались настоящими великанами, так как имели сорок пять сантиметров в длину, тогда как взрослые раки обычно достигают длины всего лишь в тридцать пять — сорок сантиметров. Выброшенные на песок лангусты задирали свои длинные усики и некоторое время шевелили ими во всех направлениях, как бы устанавливая пеленгаторные антенны, а затем, перебирая тонкими ножками, направлялись в сторону воды. Но вместо моря они вновь очутились в мешках, которые девушки закинули за спины и понесли домой на кухню.

После их ухода мы пошли прогуляться к «моему» заливику, чтобы искупаться и почувствовать себя бодрее. В лагере мы надели купальные костюмы, причем Мюриель пришлось воспользоваться одним из моих.

А как плавает эта женщина! Она, пожалуй, смело могла бы состязаться с дельфинами. Как прекрасно она выглядит в открытом купальном костюме, облегающем ее молодое, смуглое, золотистого цвета тело! Думаю, что

если бы ее, расшалившуюся и столь заразительно смеющуюся, увидел сейчас строгий пастор Фокс, то, несмотря на всю свою степенность, он еще раз потерял бы голову. Мюриель, однако, не дала мне возможности долго восхищаться ею, хотя, как всякой женщине, это должно было доставить ей удовольствие. Она накинула купальный халат, сняла шапочку, распустила свои роскошные рыжие волосы, которые словно блестящий ореол обрамляли ее личико, и легла на песок.

Мы пролежали довольно долго, не проронив ни слова, пока, наконец, моя подруга, вздохнув, не сказала:

— Так хорошо лежать на теплом песке, однако надо возвращаться домой и состряпать что-нибудь к обеду. Ты, Энн, пойдешь, конечно, со мною и пообедаешь с нами. Потом мы отправимся на прогулку. Может, удастся пройти вдоль всего мыса. Это всего две мили. А мыс этот называют «Волосы на голове». Не правда ли, причудливое название?

Я кивнула головой и лениво поднялась с песчаного пляжа. Мюриель, потягиваясь, последовала моему примеру. Придя в дом, мы узнали, что пастор отправился инспектировать миссии, и отобедали одни. Стол украшали креветки, поджаренные на масле (пальчики оближешь!), кусок огромной морской рыбы, затем ростбиф с бататами, салатом и еще какой-то зеленью.

На десерт подали пудинг, на выбор чай или кофе с великолепным печеньем, которое, судя по клейму фирмы на упаковке: «Шафранек», было изготовлено в польской пекарне.

Мы уже выпили кофе, когда прибежал запыхавшийся слуга и срывающимся от волнения голосом сообщил, что два часа назад в Нгоронгоро скончался известный всему острову колдун. Согласно обычаю, сказал слуга, он должен побывать в доме покойного и просит отпустить его на два дня.

На Мюриель это печальное известие произвело большое впечатление. Она отпустила слугу и сказала:

— Я хорошо знала Халумване и часто с ним беседовала. Это был пожилой человек, полвека выполнявший обязанности колдуна и лекаря. Улава очень многим обязана ему. Он был на острове во время эпидемии дезинтерии, скосившей почти половину населения, пережил здесь и войну, во время которой погибло много жителей, а постройки на Улаве были в основном разруше-

ны. Именно он способствовал сохранению на острове старых обычаев и верований, хотя миссионеры, и в частности мой муж, старались искоренить их у островитян, обращая аборигенов в христианство, дух которого им чужд. Родные и друзья устроят ему, наверно, пышные похороны и захоронят по старому обычаю в доме ритуальных лодок. Энн, нам надо пойти в Нгоронгоро и отдать дань умершему!

Мы прошли через селение, состоявшее из трех отдельных поселков, возглавляемых тремя вождями, имевших три отдельных кладбища и три клубных дома, после чего пошли по тропинке, ведущей над морем в сторону мыса. Хотя и было жарко, зной нам не докучал, так как мы шли в тени плантаций кокосовых и арековых пальм, съедобных каштанов и деревьев *су'у*, ветви которых усеяны красными ягодами, напоминающими плоды кофейного и других деревьев, подступающих к самому берегу. Океан бурлил. Огромные волны с ужасающим грохотом разбивались о высокие прибрежные коралловые скалы, выступающие из вспененной воды. Глядя на них, я невольно представляла себе крепость, безуспешно атакуемую врагом. Какой-то, быть может, великий и могущественный вождь направляет многочисленное войско, которое, как ошалелое, устремляется на штурм, со страшным ревом наносит удары по фортам, защищающим крепость, и... гибнет. За ним следуют, невзирая ни на что, новые отряды воинов... и все снова повторяется.

Кое-где нам приходилось переходить по мосткам, проложенным над ручьями, которые служат прибежищем для рыбачьих лодок, хотя многие и запружены у устьев галькой и голышами. Вдоль берегов довольно часто попадаются узкие расщелины в рифах, по-местному *маа-лавиты*, используемые в качестве причалов для лодок.

Небо было прозрачным и солнечным, только кое-где по нему скользили небольшие облака, собиравшиеся в тучку. Ветер растягивал ее в длинную, расплывчатую и еле видимую дымку. Над синими океанскими волнами летали целые стаи птиц, которые голосили, пищали и щебетали и через мгновение взлетали вверх с бьющейся рыбой в клюве. Высоко в небе кружили огромные фрегаты, внимательно следя за этой птичьей возней. Как только крачка или чайка взмывала из воды, один из фрегатов тотчас же камнем кидался на нее и, по праву сильного, отнимал добычу.

Некоторое время мы шли молча, обгоняемые островитянами, спешившими в Нгоронгоро. Видимо, известие о смерти Халумване достигло самых отдаленных селений острова, ибо среди спешивших к дому покойника попадались много совершенно незнакомых мне людей. Они вежливо здоровались с нами, порой перекидывались несколькими словами с Мюриель, но большей частью шли молча.

Почти на всех мужчинах были надеты лишь набедренные повязки, но зато они щеголяли полным набором украшений. Большинство из них носили повязки на лбу, состоящие из тесно соединенных друг с другом белых раковин. В середине — большая, размером около семи сантиметров, а остальные все меньше и меньше. Раковины расходились в обе стороны, пока самые маленькие из них не утопали в волосах. Некоторые островитяне украсили свои головы шнурками с нанизанными на них зубами рыб, собак или морских свиней. У всех в ушах красовались серьги из раковин, а в копны волос были воткнуты пурпурные цветы гибискуса. Грудь мужчин украшали большие полированные диски из тридакны или перламутра, вырезанные в форме круга или полумесяца, а на запястьях и лодыжках были надеты манжеты, необычайно искусно изготовленные из разноцветных ракушек, уложенных в красивые узоры. Такой же пояс обвивал живот и переходил в прекрасно вышитую ракушками набедренную повязку. На плечах у всех красовались тяжелые браслеты из тридакны.

Женщины, большей частью христианки, носили светлые полотняные платья, застегнутые до шеи. Что же касается девушек, то лишь на немногих была европейская одежда. Большинство ограничивалось набедренными повязками, а также короткими юбочками из ткани или шелковичного луба. Хотя их «одежда» и была незатейливой, зато сверкала богатством украшений, состоящих из множества разноцветных пластинок, выполненных из редкостных раковин и нанизанных на шнурки. Подумать только! Каждый шнурок складывается из нескольких ниток с крошечными пластинками из раковин. А ведь такую пластинку нужно было вырезать из большой раковины, подпилить, просверлить посередине, отшлифовать, нанизать на нитку и еще раз подпилить под размер остальных! Подобные шнурки делаются вручную и представляют большую ценность. Кроме того, есть не-

сколько видов шнурков-«монет», каждый из которых имеет определенную стоимость.

У многих женщин и девушек были проколоты носовые перегородки и в это отверстие пропущен колышек, вырезанный из раковины тридакны и выпиленный в виде кружка. У мужчин я не заметила этого украшения, и голько все юноши, принадлежавшие к семьям вождей, щеголяли красивыми палочками для носа из раковин тридакны, указывающими на их ранг.

Среди девушек я заметила несколько франтих. Они были так обвешаны украшениями из раковин, шнурками с нанизанными на них зубами летучих собак, морских свиной и еще каких-то животных, что все эти предметы полностью скрывали их тело. Несколько щеголих носило необычные серьги, представлявшие собой пластинки из белых ракушек диаметром около пяти сантиметров с округленным утолщением на конце размером в сантиметр. Посередине пластинки находилось крошечное отверстие, от него лучами расходились тридцать углублений, которые заканчивались снова тремя отверстиями, причем последнее приходилось под самым утолщением. В одном месте к краю пластинки был прикреплен короткий шнурок, состоящий из множества ниток, на которые нанизаны кружочки из разноцветных ракушек, заканчивающиеся двумя рядами зубов летучих собак.

Мюриель, беседовавшая с одной из девушек, заметила, с каким интересом я рассматривала эти серьги, и, когда ее собеседница удалилась, сказала:

— Вижу, Энн, что тебе нравится это украшение. Что ж, согласно местным обычаям такие серьги вправе носить только девушки и женщины, занимающие высокое общественное положение, то есть дочери вождей, колдунов или очень богатых и влиятельных людей. Такое украшение называют здесь «эхо», а испанцы, которые открыли эти острова в 1568 году, прозвали его «звездой из раковин» или «розой»; от матерей серьги наследуют дочери, и, кто знает, не их ли видели тогда испанцы.

— Неужели они столь давнего происхождения?— воскликнула я недоверчиво.

— Конечно! Некоторые из местных украшений существовали, по всей вероятности, уже за много поколений до того, как их увидели первые открыватели Соломоновых островов. На Улаве находят порой сокровища из

раковин, некогда закопанные людьми, которым почему-либо пришлось внезапно бежать из родного селения. Причиной этому мог быть набег охотников за черепами из Сан-Кристобаля, нападение диких горных племен, не говоря уже о землетрясении, которое когда-то уничтожило много селений. Еще несколько десятков лет назад на этом острове делали серьги и другие украшения, но теперь лишь изредка можно встретить настоящего мастера. Некоторые, более ценные снизки жители Улавы вынуждены приобретать за деньги или путем обмена на других, отдаленных островах, где до сих пор в прибрежных водах находят цветные раковины, представляющие определенную ценность. Когда-то остров Улава был богат и имел большое население, но теперь — после эпидемии гриппа и войны — он обеднел, и жителей почти совсем не осталось. Днем с огнем не сыскать людей, которые обитали здесь пятьдесят лет назад и помнят старые времена. Колдун Халумване — один из последних!

— Ну, а вот эти люди, толпой спешащие на его похороны, знают старые обычаи и традиции? — спросила я.

— Только благодаря Халумване и немногим другим пожилым аборигенам! — ответила Мюриель и затем, понизив голос, продолжала: — Многие молодые люди крестились, а дети зачастую рождались в уже обращенных в христианство семьях, однако... в душе большинство из них верит в духов и божества, а старые обряды и ритуалы столь привлекательны и так действуют на воображение местных жителей, что колдунам нетрудно найти путь к сердцам своих соотечественников.

Море — основной кормилец этих людей, поэтому жители острова Улавы населили его целой массой добрых и злых божеств и духов, делающих добро или причиняющих вред людям. Появление косяков рыбы боится в этих водах считается поводом для признания зрелости у мальчиков, конечно после соблюдения некоторых специальных обрядов, о которых ты, наверное, узнаешь, хотя женщинам вход в дом ритуальных лодок строго воспрещен. Мы, европейцы, кроме насилия и угнетения, а также миссий, основанных за последние несколько десятилетий, ничего населению Улавы не дали. В начале девятнадцатого века Соломоновыми островами заинтересовались испанские рабовладельцы, которые грабили

местных жителей и увозили их в Перу на тяжелые работы. Вслед за испанцами сюда нагрянули авантюристы из Англии и других стран, заинтересованные в ловле трепангов, морских черепах и сборе местных сельскохозяйственных продуктов. Они также безнаказанно грабили коренное население, а сопротивлявшихся увозили на своих судах и продавали в рабство на плантации, находившиеся вдалеке от их родных островов. Немало натерпелись островитяне и от капитанов китобойных судов, которые коварно похищали их, чтобы укомплектовать свои команды. Почти никто не возвращался домой. Наконец, в шестидесятых годах прошлого века со зверской жестокостью начали похищать канака¹¹ с Соломоновых островов для работы на плантациях в Австралии и Океании, откуда обычно не было возврата. Лишь за несколько лет до начала двадцатого века протекторат над шестью большими и многими малыми островами перешел к Англии. Однако, кроме относительного спокойствия и нескольких миссий, Англия ничего не дала этим людям. После второй мировой войны, которая причинила много бедствий Соломоновым островам и истребила почти третью часть их населения, было построено несколько десятков миль дорог и аэродромов, а на более крупных островах основано пять или шесть школ. И это все!

Согласно прежним обычаям, умерших вождей, колдунов и влиятельных людей помещали в челн, затем хоронили в доме ритуальных лодок или пускали челн в морские воды, а простых людей просто бросали в море, где их трупы пожирала акулы. Полвека назад верховный комиссар протектората велел предавать всех умерших земле на кладбищах, но, несмотря на этот приказ, местную элиту все еще хоронят в клубных домах и лишь через полгода извлекают оттуда кости. Очищенный череп помещают внутри специального резного деревянного изображения меч-рыбы и хранят в качестве реликвии в доме ритуальных лодок, а тщательно вымытые кости, завернутые в луб шетковицы или чистую тряпку, кладут за стропилами этого дома. От приказа же комиссара больше всего пострадали простые люди, так как теперь

---

¹¹ К а н а к а — этим словом, означаящим «человек», темнокожие жители Океании называют людей вообще и в частности самих себя. — *Прим. пер.*

их душам трудно попасть на остров Малапу, где согласно их верованиям находится рай для усопших.

Жена пастора умолкла, а я смотрела на нее так, словно открыла совершенно нового для себя человека. Спустя немного времени я шепнула:

— Мюриель, ты, видно, очень любишь меланезийцев! Лишь тот, кто глубоко ощущает несправедливость, может так говорить...

— Ты права, Энн,—с горячностью прервала меня приятельница,—я очень люблю этих бронзовых людей за их честность, благородную манеру держать себя, за доброе сердце, веселый нрав и прежде всего за большой жизненный опыт, который в будущем может причинить Англии немало забот. Хотя они и лишены школ и образования, тем не менее многие представители местной молодежи плавают под разными флагами по всем морям мира и возвращаются на родные острова, исполненные жажды свободы...

Мюриель внезапно замолкла. Мы подходили к Нгоронгоро. Между хижинами и на примыкающей к деревне плантации кокосовых пальм собралось около двухсот человек, щеголявших великолепными праздничными украшениями. Когда мы проходили мимо, они вежливо, кивком головы, приветствовали нас, продолжая заниматься своим делом — связывать пойманных свиней у клубного дома или срубать кокосовые пальмы. Уже более десятка деревьев лежало на земле. Моя приятельница пояснила мне шепотом, что рубка деревьев, принадлежавших покойному,—обычай, позаимствованный на острове Марамасике, где таким способом воздают покойнику почести; однако на Улаве этот обычай очень редко соблюдается наследниками, которые действуют прежде всего в своих собственных интересах. Группа женщин и девушек отправилась с корзинами на головах на огороды за ямсом и клубнями таро, другая группа — молодых мужчин и подростков — начала стряхивать с пальм арековые и кокосовые орехи для погребального обряда.

Найти погруженный в траур дом было нетрудно, так как около него толпилось множество людей. Когда мы подошли, люди расступились, и мы без труда попали внутрь. Пока мои глаза привыкали к царившему там мраку, я услышала в глубине тихие причитания женщин и увидела усопшего колдуна. Он лежал в богато украшенном гробу-ладье на подстилке из листьев саговой

пальмы, сплошь покрытый листьями пандануса¹². Только кое-где просвечивали многочисленные украшения и снизки дисков из раковин. На изжелта-бронзовом, иссохшем лице покойного застыла улыбка, однако мне оно почему-то напоминало какую-то хищную птицу. На лбу виднелась повязка из крупных белых раковин, а нос был проткнут валиком из раковины тридакны с пучком разноцветных дисков, увенчанным несколькими зубами летучей собаки. Уши украшали серьги редкостной красоты.

Вокруг гроба-ладьи, инкрустированного перламутром и фрегатами, выпиленными из раковин тридакны, застыли ближайšie родственники колдуна. Видимо, здесь был заведен определенный порядок: ближе всего к покойнику сидели две его вдовы: одна — уже пожилая, сгорбленная женщина, а другая — лет сорока на вид. У нее было миловидное, свежее лицо и красивые, совершенно молодые глаза. Обе одеты по-вдовьи, в своего рода рясу из листьев пандануса, которая закрывала все тело и голову, оставляя открытым только лицо. Около вдов сидели сыновья и дочери, несколько поодаль — внуки, еще дальше другие родственники, свойственники и, наконец, друзья и знакомые, которые пришли «спать с покойником», то есть попросту провести ночь рядом с ним. У ног Халумване лежало много сломанных копий, брошенных на ладью.

Свойственники несколько отодвинулись, и мы смогли подойти почти к самой ладье. Возложив венок, мы молча постояли некоторое время и через несколько минут вышли. Я вздохнула полной грудью, так как от сперттого воздуха в переполненной людьми хижине кружилась голова. В доме покойника стояла духота, усугубленная едким запахом вспотевших человеческих тел, а также трупным зловонием начинавших разлагаться останков.

Когда мы возвращались, Мюриель сказала:

— Похороны Халумване состоятся завтра. Ладью, в которой лежит покойник, разрежут пополам и сложат носовую часть с кормовой, а разрез заделают плотно подогнанным обрубком. Покойник должен лежать ногами к форштевню и корме, а головой — к обрубку. Затем

---

¹² П а н д а н у с — род однодольных деревьев и кустарников семейства пандановых. Стволы и воздушные корни панданусов имеют тонкие подставки и узкие листья, расположенные по спирали — *Прим. ред.*

крепко свяжут этот гроб ротанговой тетивой и похоронят в *тавау*, то есть в доме сакральных реликвий. В Ахия, на южной части острова, колдунов, которым приписывали власть над уловами рыбы бониты, хоронили иначе. Их трупы ставили в вертикальное положение, обвивали листьями саговой пальмы, а голову обвязывали *сата* — вьющимся папоротником и подпирали раздвоенной палкой. Иногда череп и кости складывали на скалах, вдалеке от причала. Такой скальный ковчежец с мощами называли *нима ни эси* (морская хижина) или *таоха ни эси* (хижина челна на море). Иногда еще при жизни колдуна готовили огромное резное изображение меч-рыбы, в которое после смерти уместали все тело покойника. Но это делали уже очень редко...

С большим интересом слушала я рассказы моей приятельницы, от которой узнала о разных обычаях, частично уже преданных забвению вследствие запретов английских властей и постепенно проникающей на остров цивилизации. Слушая милый голосок Мюриель, я и не заметила, как мы очутились на пороге ее дома. Войдя в комнату, я увидела большую желтую бабочку, преспокойно разгуливавшую по подоконнику, и обратила на нее внимание Мюриель. Она весело воскликнула:

— О Энн, островитяне считают это добрым предзнаменованием! Какой-то очень милый человек посетит нас сегодня!

На этом я кончаю свое длинное письмо и крепко тебя целую.

Твоя Анна

3.

СОЛОМОНЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ О'У

Моя дорогая Ева!

Давно не писала тебе — была очень занята, да и впечатлений накопилось столько, что необходимо привести их в порядок, выбрать самые интересные и поделиться с тобой.

Ты помнишь, конечно, о желтой бабочке, про которую я писала в своем последнем письме. Мюриель уверяла, что согласно верованиям островитян бабочка — хорошее

предзнаменование и какой-то милый мне человек должен посетить нас сегодня. Она оказалась права! Когда мы сидели за чаем, дверь внезапно открылась и на пороге появился Анджей. У меня так забилося сердце, что казалось, я вот-вот упаду в обморок, и ноги мои стали словно ватными. Не помню уже, как я очутилась около Анджея, бросилась ему на шею и расцеловала в обе щеки. Он сперва оторопел, а затем начал жадно целовать мои глаза, щеки и даже искать губы, однако я уже пришла в себя, вырвалась из его объятий и за руку привела к столу.

Представляю, что ты подумаешь обо мне. Скажешь, сначала бросается молодому человеку на шею, а затем убегает. Да, это так, я просто испугалась! Когда он заключил меня в свои объятия, я чуть было не осталась в них...

Мюриель посматривала на эту сценку с озорной улыбкой. Она сердечно поздоровалась с Анджеем, позаботилась о том, чтобы он вымыл руки и стряхнул пыль с одежды, и, наконец, пригласила к столу. Я понемногу приходила в себя, и беседа потекла гладко. Анджей рассказал, что профессор пока поселился в селении О'у и его прислал за мной, а также просил захватить оставшиеся здесь продукты. Анджей довольно подробно описал поездку по Улаве, отметив, какой богатый материал можно найти на этом острове. Разговор затянулся. Нас пригласили к обеду, к которому успел вернуться хозяин дома. После обеда мы продолжили беседу за кофе. Ночевали в любезно предоставленных нам комнатах для гостей.

Наутро я поднялась чуть свет, оделась, тихонько вышла во двор и поспешила в лагерь. И хотя все там казалось на первый взгляд нетронутым, я могла поклясться, что в мое отсутствие какой-то человек хозяйничал в палатке. Видно, он брал в руки некоторые мелкие предметы и неумело ставил их на место. На замках, подвешенных к стальным сундучкам, виднелись свежие царапины. Мой взор привлек карман палатки на одной из ее стенок. С него свисало несколько едва заметных зеленоватых шнурков, сквозь которые блестели какие-то сверкающие предметы. Хорошо помню, что в первый же день, когда мы устанавливали палатки, я положила в этот карман коробку с жилками и блеснами для удочек, к которым потом не притрагивалась. Коробку я перетянула резинкой. Откуда же могли взяться шнурки?

Я осторожно подошла к полотняной стенке, отстегнула пуговицу, подняла вверх клапан и заглянула внутрь. Представь себе мое удивление, когда я увидела, что коробка раскрыта, блесны в беспорядке перемешаны с жилками, а на картоне... осталось несколько темно-коричневых пятен, удивительно похожих на свернувшуюся кровь. Несколько капель виднелось также на брезентовом полу, на котором я заметила довольно отчетливый след китайской туфли!

Итак, непрошеным гостем, производившим у меня обыск, был китаец. Но что же он искал? Ключи от сундучков? Я терялась в догадках. Наконец, я достала ключи из кармана юбки и открыла стальные сундучки. Все вещи лежали в них так, как я оставила, уходя из палатки. Видно, незваный гость, полагая, что ключи положены в карман палатки, заинтересовался найденной в ней коробкой, открыл ее и случайно вонзил себе в палец один из крючков, свисавших с блесен. Он пытался, видимо, вытащить крючок из ранки, однако тот так глубоко впился в руку, что вор растерялся, побросал все, как попало, а сам с блесной на пальце выбежал из палатки.

Незнакомец интересовался мною. Это было ясно. Оставался только один вопрос: кто он и почему сюда явился? По всем данным, это был какой-то китаец, однако цель его нападения и последующего обыска в палатке оставалась загадкой. Вряд ли кто-то хотел нас ограбить, поскольку на столбе, поддерживающем палатку, висела низка подаренных мне отцом зубов морской свиньи. Снизу никто не тронул, хотя она сразу же бросается в глаза.

После глубоких раздумий я решила никому ничего не рассказывать и об этом происшествии. Зачем поднимать панику, когда и так через два-три часа я уеду из Моли, и кто знает, побываю ли еще когда-нибудь в этих местах?

Солнце уже взошло. Прибрежный туман начал рассеиваться. Я надела купальный костюм и пошла в заливчик. Вода была теплой, но огромные волны со страшным ревом перекатывались через коралловые рифы, заливая песчаный пляж. Океан бурлил сильнее обычного, но ни легкий бриз, ни ясная, солнечная погода не могли быть тому причиной. Видимо, вулкан где-то на юге или на севере снова проснулся и слегка встряхнул земную кору.

Когда я вошла в столовую, в доме пастора как раз садились к завтраку. Влажные пряди волос на висках выдавали меня с головой. Пришлось рассказать об утренней прогулке. Впрочем, разговор сразу же коснулся нашего отъезда. Мюриель и ее муж засыпали Анджея вопросами.

После завтрака вместе с Мюриель и Анджеем я отправилась в лавку Чжи Лунь-чжана, чтобы уплатить по счету. Принял нас тот же молодой, элегантный китаец, который позавчера доставил муку и консервы. Согнувшись чуть ли не до земли, он приветствовал меня и Мюриель, а с Анджеем поздоровался весьма сердечно, улыбался, лебезил, разложил самые лучшие шелка, показал богатую коллекцию местных украшений, наконец, зажег в нашу честь ароматные палочки, одуряющий дым которых наполнил помещение конторы. Видимо, этот тяжелый запах так подействовал на моих друзей, что Мюриель купила красивую лаковую шкатулку, а Анджей — прекрасной работы серьги «эхо» из белых и красных ракушек и... подарил мне. Вручая подарок, он тихо шепнул:

— Это за вчерашнее приветствие!

Мюриель, увидев в моих руках подарок Анджея, побежала ко мне, обняла за шею, поцеловала, вручила шкатулку и сказала:

— Возьми эту лаковую безделушку, Энн, она действительно достойна прекрасных сережек.

Затем она взяла из моих рук «эхо» и осторожно уложила их в шкатулку, которая была словно специально сделана для хранения таких хрупких украшений.

Оба подарка на самом деле были прекрасными, ценными и притом очень понравились мне, но я чувствовала себя тем не менее глупо и считала, что мои друзья могли бы подождать, пока мы не уйдем из конторы, и не устраивать зрелища на глазах у китайца, который при этом ухмылялся и подсыпал свежий фимиам к уголькам.

Я благодарила Мюриель и Анджея, когда дверь вдруг распахнулась и в контору вбежал один из земляков купца. И тут я заметила... забинтованный палец. Не знаю, почему этот палец сразу же напомнил мне об обыске в палатке, но, видно, что-то отразилось в моих глазах, ибо купец буркнул себе под нос несколько слов, после чего его земляк тут же ретировался.

Все это ускользнуло от внимания моих друзей, но мне

дало повод для размышлений. Я пыталась внушить себе, что запах фимиама просто одурманил меня и теперь я готова каждого китайца считать преступником. Расстроившись, я потеряла всякий интерес к товарам, уплатила по счету, но оторвать Мюриель от шелков, а Анджея — от коллекции украшений, изготовленных, вероятно, на островах Фиджи, мне так скоро не удалось.

Из лавки мы направились в лагерь, где менее чем за час свернули палатки и погрузили весь провиант на уже поджидавший нас грузовик, который также принадлежал фирме «Чжи Лунь-чжан». Прощание с Мюриель было очень грустным. Мы обе ревели в три ручья, зато со строгим пастором Фоксом дело обстояло значительно проще. Казалось, что он даже рад нашему отъезду, видимо потому, что его жена в последнее время посвящала мне слишком много времени, да и Анджей был красивым молодым человеком, который мог нравиться женщинам...

Мы ехали целый час вдоль западного побережья острова, так как на восточном горы часто подступали так близко к морю, что проехать здесь, по словам шофера, почти невозможно. Я полагаю, однако, что это была простая отговорка нашего водителя, симпатичного островитянина, носившего звучное имя Халуторо, который предпочитал объезжать горы, так как в них, по его мнению, обитали «дикие люди», враждебно относящиеся к европейцам. Я понимала, конечно, что это плод фантазии самого Халуторо, которому хотелось придать нашей поездке приключенческий характер, а поэтому не обращала никакого внимания на эти сказки.

Покинув Моли, мы сразу же углубились в леса, представляющие собой плантации кокосовых пальм, рощи съедобных каштанов, различных видов фиговых деревьев, арековых пальм, деревьев *су'а* и многих других, совершенно мне незнакомых. Временами близ дороги виднелись ползучие растения, осыпанные голубыми цветками, издававшими столь сильный и душистый запах, что я чувствовала его на расстоянии. Попадались также деревья *махе* с широкими желтыми листьями, которыми местные жители пользуются, как говорят, для колдовских заклинаний. Халуторо показал мне также разновидность ароматной травы, из которой соломонцы делают душистые кольца для плеч и лодыжек.

Широкая вначале дорога становилась все уже и уже,

изобилуя выбоинами, сомнительного качества мостиками и разваливающимися перекладами. С гор стекало множество ручьев, перерезавших дорогу, поэтому нам то и дело приходилось останавливаться и выходить из машины. Анджей и водитель брали в руки топоры и ремонтировали мостик или чаще всего сооружали новый. Не знаю, много ли пользы мог принести этот ремонт в дальнейшем, так как свежесрезанные и уложенные ветви с треском лопались под тяжестью грузовика, а весь мостик дрожал под его колесами, как в лихорадке.

Остров Улава имеет в длину тридцать два, а в ширину — немногим более одиннадцати километров, однако я сомневаюсь, что при езде со скоростью семь-восемь километров в час и частых остановках мы доберемся к вечеру в О'у. Чтобы скоротать время, я наблюдала за довольно часто попадавшимися навстречу людьми. И лишь теперь заметила, что у аборигенов разный цвет кожи, хотя преобладает здесь шоколадно-бронзовый оттенок. Все одеяние большинства девушек и молодых женщин состояло из шнурка на бедрах, нескольких колец из раковин тридакны на руках и ногах и пунцового гибискуса в кудрявых волосах. Только женщины, имеющие детей, после рождения первого ребенка надевали что-то вроде передничков из тонкой бахромы. Я видела, правда, и женщин, одетых в длинные, до земли, платья с глухим вырезом, но это были, по-видимому, христианки, которые предпочитали прикрывать грешное тело и обливать-ся потом, но не подражать своим нагим соседкам.

Дети обоих полов резвились совершенно голыми, мужчины же носили узкие набедренные повязки и производили впечатление здоровых, мускулистых и проворных людей, хотя тропические болезни наложили на них свою печать. Особенно часто встречались различные грибковые заболевания кожи и покрывающие большие ее участки лишай. У детей я заметила несколько случаев фрамбезии¹³. Здесь, на Соломоновых островах, эта болезнь подстерегает малышей и может оставить ощутимые последствия на их коже в виде деформаций и рубцов.

Порой, во время вынужденных остановок, я пыталась купить немного фруктов или какой-нибудь особенно кра-

¹³ Ф р а м б е з и я — заболевание, по этиологии и патогенезу напоминающее сифилис. Эта болезнь вызывается одним из видов спирохет. Фрамбезия легко излечивается антибиотиками. — *Прим. ред.*

сивый предмет домашнего обихода. Но женщины, которые несли эти вещи, сразу же смущались, пытаясь на ломаном английском языке и жестами объяснить мне, что данный предмет им не принадлежит, а составляет собственность родственника или какого-нибудь совсем чужого человека, почему они и не могут его продать. Когда я обратилась за помощью к Анджею, он рассмеялся и сказал, что так ведут себя все меланезийцы, относящиеся к европейцам с опаской и недоверием. Я не хотела верить этому, вспоминая свои отношения с девушками в Моли, но Анджей утверждал, что эти последние уже привыкли к миссионерам и поэтому утратили свою природную робость и чувство неприязни.

Хотя мы все время ехали через плантации и леса, тем не менее проезжали порой и мимо селений. Первое из них — Хараина — единственный поселок, расположенный довольно далеко от моря. Он состоял из большого числа хижин, затененных деревьями, а речка, протекающая почти посередине селения, обеспечивала жителям прямую связь с морем. Хижины напоминали большие шалаши, построенные на крепких сваях и покрытые двусторонними кровлями со стрехами из листьев саговых пальм. Окон не было, а дверные проемы находились в одной из более узких стен, под выступающим навесом крыши. Стены и стропила изготавливались из бамбуковых жердей. Лишь хижина вождя отличалась от остальных красивой резьбой фасада, на котором виднелись еще остатки росписи. В стороне стоял дом ритуальных лодок, но, так как женщинам вход в него строго запрещен, мне удалось, воспользовавшись солнцем, которое освещало внутренность дома, сделать лишь несколько снимков телеобъективом.

Перед многими хижинами я заметила врытые в землю большие деревянные ступы, в которых девушки толкли пестами ямс или таро. Рядом лежали целые связки арековых орехов, а кое-где валялись обломки скорлупы кокосов да заржавленная европейская посуда. Женщины с грудными детьми сидели прямо на земле или на пнях срубленных деревьев и болтали с соседками или искали насекомых в головах старших детей. В тени огромного дерева *таотсоро* играла стайка мальчишек. Они так увлеклись, что даже появление нашего грузовика с его неистово тархтевшим двигателем не оторвало их от своего занятия. С речки возвращались девочки-

подростки; они несли на плечах длинные бамбуковые жерди с прикрепленными к ним сосудами из выдолбленных кокосовых орехов. К жердям сосуды с водой крепились веревкой, зажатой в скорлупе. Мужчин встречалось мало. Это были главным образом пожилые люди с большими трубками в беззубых ртах; они смотрели на нас с таким безразличием, словно мы для них — пустое место. Несколько собак отлеживались на солнце, уставившись на свиней, которые рылись в земле в поисках кокосовых раков.

Проехав селение, мы миновали небольшие огороды, на которых выращивали ямс, таро, бананы, дынные деревья и различные овощные культуры. На огородах женщины и молодые девушки пололи и окучивали овощи. Как я успела заметить, у всех женщин на Улаве очень длинные и тонкие пальцы. Полагаю, что это результат постоянной прополки и выдергивания сорняков. Их пальцы столь ловки и сильны, что они легко вытаскивают глубоко сидящие в земле корни, которые у нас может взять только лопата.

Мы миновали Мвадо'а, Нипу и Мваро'а — селения у самого берега моря. Близ Мвадо'а Халуторо показал мне любопытный бассейн для купания, расположенный в ущелье, куда ведут ступеньки, высеченные легендарными людьми маси. Говорят, эти маси вырезали отверстия в мягкой стеатитовой породе, ввели в них бамбуковые трубки, а через последние вода из близлежащего ручья потекла в бассейн. Они сделали все это, естественно, при помощи каменных орудий, так как железа на Соломоновых островах тогда еще не знали. Близ купальни маси высекли на скале изображение огромной свиньи, обращенной рылом к бассейну. Свалившееся дерево откололо рыло, а впоследствии местные жители, бравшие камни для изгороди, уничтожили и свиной хвост. Возле этого загадочного монумента кто-то высек на массивной скале изображение фрегата с расправленными крыльями и рядом голову человека.

Миновав Мвадо'а, мы повернули на восток. Сперва путь наш шел через плантации кокосовых и арековых пальм и крупных канарских орехов, являющихся редкостью на севере острова, а затем мы углубились в лес. Тропа, по которой мы ехали, ничем, конечно, не напоминала автостраду. Это было настоящее бездорожье: выбоины, грязевые лужи, переплетенные, словно клубок

змей, лианами, а также корни и обломки скальной породы. Грузовик трясся, колыхался, кренился из стороны в сторону, как корабль во время шторма, скрипел, трещал и гремел, а временами, когда колеса попадали в выбоину или упирались в корни и буксовали, просто останавливался.

Я поражалась выдержке нашего Халуторо, который никогда не злился и не сыпал проклятиями, а лишь, улыбаясь, вылезал из машины, хватал лопату или топор и убирал препятствие. Часто ему помогал Анджей, также с улыбкой, хотя при этом обливался потом и весь покрывался пылью. Пока мужчины возились возле машины, я бродила по окрестностям с фотоаппаратом в руках. В этом истинно тропическом лесу я увидела много больших деревьев, из которых, к сожалению, узнала лишь несколько фиговых да огромные баньяны. Высокие папоротники, разросшиеся кусты и целая масса самых разнообразных вьющихся растений — все это образовывало столь густые заросли, что продрасться сквозь них не было ни малейшей возможности.

Мое внимание привлекла вдруг большая иссиня-черная птица, вертевшаяся среди ветвей, на которых, подобно летучим мышам, висели большие желтые бабочки. Едва я успела взять в руки фотоаппарат, как сразу же налетела, громко трепыхая крыльями, стая перелетных голубей, и мои бабочки взмыли, словно сверкающее облако. У голубей очень красивое оперение: подгрудок почти белый, несколько ниже его — ярко-красные пятна, подбрюшина зеленоватая, спинка ярко-зеленая, на крыльях — две коричневые полосы; такого же цвета кончики маховых перьев и хвост. У этих птиц довольно странный нрав: целыми стаями они перелетают с острова Марама-сике на Улаву, а через несколько часов возвращаются обратно, совершая порой такого рода перелеты по три раза в день. Мне захотелось сфотографировать этих птиц. Я поставила телеобъектив на фотоаппарат, заряженный цветной пленкой, и тихонько, огибая папоротники, приблизилась к ветвистому дереву, на котором уселись голуби.

Вдруг почти у самых моих ног оказалась большая черная змея. Мне было известно, что на Улаве нет ядовитых пресмыкающихся, однако неожиданное появление змеи так меня испугало, что я громко вскрикнула и отшатнулась. Голуби, конечно, улетели, а я так запуталась

в колючках, что не могла из них выбраться. Выдираясь из густых зарослей, я заметила в нескольких шагах перед собой высокий помост на жердях, а на нем — какой-то большой сверток, уложенный на двух палках и крепко привязанный к ним ротанговой тетивой.

Эта находка меня чрезвычайно заинтересовала, но я не могла подойти к свертку, так как при каждом движении терны ранили мне ноги и вонзались в руки. Услышав мой крик, прибежали Анджей и Халуторо с топорами в руках и, срубив тернистые кусты, освободили меня из плена. Пока они это делали, несколько сот колючек длиной с палец успели глубоко вонзиться в мое тело. Когда я вытерла, наконец, кровь и вынула колючки, то показала Анджею помост со свертком. Заинтересованный, он уже собрался подойти, но тут его удержал испуганный крик Халуторо:

— Мистер, вы не идти туда... это могила один великий человек! Вы туда не ходить!

Хотя нам обоим очень хотелось поближе познакомиться с таким своеобразным способом погребения умерших, мы тем не менее уняли свое любопытство, не желая оскорблять чувств нашего водителя. Я только сделала несколько снимков, могущих наглядно подтвердить, как аборигены обходят строгие приказы властей протектората.

Остаток пути мы проделали без особых приключений. Халуторо пояснил нам, что в этой лесной гробнице покоятся останки очень богатого островитянина, который пожелал сохранить свой череп и кости в качестве реликвий, что будет сделано, как только тело совсем истлеет. Закончив рассказ, он замолк, а когда мы стали его расспрашивать, нехотя процедил несколько слов, что казалось довольно странным для столь словоохотливого человека.

Было уже далеко за полдень, когда с восточной стороны до нас докатился приглушенный шум моря, свидетельствовавший о том, что берег близок. Вскоре мы очутились в засохшем лесу с потрескавшимися деревьями, расположенном вокруг сгоревшей деревушки и заросших сорняками огородов. Навезавшие грусть обгоревшие стволы деревьев и испепеленные хижины — следы опустошительной войны, которая когда-то пронеслась над этим тихим, далеким островком. Говорят, что на Улаве есть еще такие же сгоревшие или опустевшие поселения,

жители которых или погибли от снарядов корабельных орудий и авиабомб, или успели спастись бегством в горы. Так аборигены Соломоновых островов познакомились с цивилизацией.

Наконец наш грузовик вновь оказался среди плантаций кокосовых пальм и других полезных деревьев, затем проехал мимо огородов и въехал в селение, встретившее нас громким лаем собак, визгом убежавших из-под колес свиней, а также криками сбежавшихся навстречу совершенно обнаженных детей. Едва я успела ступить на землю, как очутилась в объятиях отца, который выбежал из палатки и приветствовал меня, словно я возвратилась к нему после по меньшей мере целого года разлуки.

Пользуясь вечерним бризом, я пишу тебе это письмо, так как Халуторо возвращается рано утром в Моли, а мне хотелось бы, чтобы он захватил почту, которая, быть может, попадет на самолет, вылетающий из Хониары.

Крепко обнимаю и целую тебя.

Твоя Аня

4.

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ О'У

Моя дорогая Ева!

Итак, я уже две недели в О'у! Это небольшое селение, прильнувшее, словно ласточкино гнездо, к миниатюрному песчаному заливчику, в который в тихую погоду могут заходить довольно большие лодки. О'у переживало бурные времена. Неоднократно здесь свирепствовали эпидемии, косившие местное население, несколько раз оно сгорало дотла, а во время последней войны было совершенно уничтожено и сровнено с землей, причем его уцелевшие жители с трудом спаслись, убежав в горные леса. Однако на всем восточном побережье острова есть только три или четыре удобных места для высадки, поэтому оставшиеся в живых люди вернулись в сгоревшее селение и начали вновь отстраивать его, вступать в браки и рожать детей. Поселок оживился и сейчас насчитывает уже около шестидесяти жителей.

На месте сгоревших плантаций посажены кокосовые, арековые и саговые пальмы, новые рощи канарских орехов нгали, манговые и многие другие деревья. Женщины посадили на своих огородах ямс, таро, бананы, дынное дерево, бобы и разные овощи.

Большинство жителей О'у — меланезийцы, хотя среди них есть несколько человек с примесью полинезийской крови, что легко узнать по более светлому, золотистому цвету кожи и тонким чертам лица. Живут здесь все безмятежно, в соответствии со старыми обычаями и верованиями, не преследуемые миссионерами или купцами. Один или два раза в год на рейде перед заливом появляется китайское судно. Местные жители доставляют на его борт копру, трепангов и лангуст, получая взамен железные орудия или снизки разноцветных раковин для украшений. Этим исчерпывается весь контакт с цивилизацией, так как даже налоги их вождь уплачивает сам, отправляясь для этого в Лопе, небольшую гавань на восточном побережье, куда раз в год на моторной лодке прибывает сборщик налогов.

Хижины здесь разбросаны среди деревьев, и только близ небольшой площади, откуда виден залив, стоит дом вождя, а рядом с ним — клубный дом для пожилых одиноких мужчин и молодых холостяков. Наши палатки расположены несколько в стороне, но отсюда открывается вид на море; с помощью бинокля я в состоянии даже заглянуть внутрь дома ритуальных лодок. Я уже писала тебе, что согласно местному обычаю женщинам вход туда строго запрещен.

Посреди селения протекает быстрый ручей; на другом его берегу расположился О'у номер два — маленький поселок, лепящийся к хижине второго по рангу вождя. Там также есть клубный дом, отдельный причал для лодок и несколько хижин, в которых живут родичи вождя.

Первые несколько дней по приезде в О'у я чувствовала себя очень неловко. Мужчины, женщины, девушки и дети молчаливо, но весьма внимательно наблюдали за мной. Следили за каждым шагом, каждым движением, но делали вид, что вовсе мной не интересуются. Подслушав разговоры местных жителей, Анджей рассказал, что больше всего их удивляют мои светлые волосы, а также шорты, которые я постоянно ношу здесь из-за жаркого климата. Я пригласила поэтому нескольких девушек в

свою палатку, распустила волосы, позволила потрогать и убедиться, что они не покрашены и не осыпаны перламутровой пудрой. С тех пор я могу ходить куда хочу, и никто даже не достаивает меня взглядом.

Отец с Анджеем трудятся с утра до вечера. Они ежедневно усаживаются с пожилыми мужчинами и расспрашивают их о божествах, духах, старых обычаях, разных торжествах и посвящениях молодежи, а я тем временем фотографирую все, что удастся, занимаюсь хозяйством или же уплываю с девушками на ловлю лангуст и осьминогов, а порой участвую в играх и плясках. Это самый верный способ завоевать доверие местных жителей и познакомиться с их бытом.

Должна сказать тебе, что девушки здесь пользуются известной свободой, но обязаны подчиняться многим запретам и странным для нас, европейцев, обычаям. Например, девушка не должна шутить с родным братом или близкими родственниками! Ей не разрешается перешагнуть через циновку, на которой спит ее брат или какой-нибудь близкий родственник; она обязана сперва спросить, кто там лежит. Если какая-нибудь женщина шутит с мужчиной, то все знают, что их связывает нечто большее, чем просто дружеские отношения.

Когда я прибыла в О'у, там как раз собрался жениться один молодой человек. Сваты нашли ему молоденькую девушку, дочь вождя соседнего селения Рипу. Тщательной проверкой было установлено, что девушка не связана родственными узами с *кому*, то есть с кем-либо из семьи молодого человека, и не принадлежит к его роду. Несколько женщин и девушек, надевших на себя множество красивых раковинных снизок и других украшений, а также ожерелья из зубов морской свиньи, собак и больших летучих мышей, отправились в обществе столь же богато наряженного дядюшки молодого человека в Рипу, чтобы поглядеть на девушку и внести за нее часть выкупа. Видно, все обстояло благополучно, и девушка согласилась на брак, так как ее матери преподнесли несколько великолепных снизок для «осушения слез», а невесту в сопровождении родичей, сватов и посланцев из О'у привели в дом родителей молодого человека. Теперь туда начали приходить все родственники и знакомые, чтобы посмотреть на нареченную и по ее лицу и поведению определить, будет ли она весела, мила и работяща или же надута, ленива и нерадива. Обсужда-

ли также ее поведение в родном селении, отношение к местным юношам, любовные увлечения и тому подобное. Видимо, невесту ни в чем нельзя было упрекнуть, так как никто не решился бросить ей обвинение, выражающееся в словах: «Ну, теперь начнутся неприятности!»

Лилиекени, во всей красе своей молодости, обвешанная украшениями, вступила в дом родителей жениха и поселилась в нем, а сам он ушел ночевать в клуб и посещал родительский дом только раз в день, развлекая свою будущую жену беседами, которые она охотно поддерживала. Однако еду для жениха, приготовленную дома, относили ему в условленное место. Согласно старинному обычаю девушка не должна ничего давать жениху сама, ей следует пользоваться для этого посредниками, но на практике нареченные оказывали друг другу разные мелкие услуги и даже ели вместе арековые орехи. Однако она дружила лишь с женщинами, а он пребывал в обществе мужчин.

В этот период они как бы узнавали друг друга, и от поведения девушки зависело, останется ли она здесь или же вернется в отцовскую деревню. Раньше, когда убеждались, что девушка флиртует с юношами или ведет себя аморально, ее могли просто задушить, теперь же отсылают обратно к отцу, который должен заколоть свинью и угостить сватов. В отношении Лилиекени об этом не могло быть и речи. Молоденькая девушка, очень милая и красивая, всегда была веселой и работящей. Поэтому семья жениха начала заготавливать ямс, таро, бананы, кокосовые и арековые орехи, каштаны *нгали* и *ареу* и много других овощей и фруктов. Купили также сорок свиней и откормили так, что те едва двигались. Угощения к свадебному пиру должны были подаваться на старинных народных блюдах, в деревянных мисках и корытах, украшенных резьбой и инкрустированных перламутром в виде оригинальных орнаментов, изображений змей, черепах и фрегатов с расправленными крыльями. Такие миски выдалбливаются из мягкой древесины; они бывают разной величины — от небольших, литровых, до огромных, пяти- и шестиметровых корыт, в которых легко умещаются целая откормленная свинья или клецки, приготовленные из нескольких десятков килограммов ямса или таро.

Перед свадьбой молодым делали татуировку. Много лет назад первой татуировке подлежали дети в возрасте

четырёх-пяти лет; одновременно им прокалывали носовую перегородку и вкладывали в нее свиток листьев или маленькую деревянную палочку, чтобы ранка зажила и в нее можно было впоследствии воткнуть красиво разрисованный стержень из раковины тридакны. Однако в О'у я видела только двух женщин, все тело которых покрывала татуировка — искусные традиционные разводы. Этот обычай стал отмирать на Улаве еще до войны. Однако теперь старые обычаи понемногу возрождаются, и татуировка, возможно, опять станет популярной формой украшения тела. Пока что ею покрывают лишь лоб, однако кое-где ее можно увидеть на плечах и даже на груди.

За несколько дней до этой операции Лиликени отправилась в обществе своих ровесниц в лес, набрала там смолы миндального дерева, которую затем обожгла, растерла в порошок и стала мешать с водой до тех пор, пока не получилась темно-синяя краска. Затем к делу приступила «художница», знакомая со всякого рода символическими рисунками. Остро отточенной косточкой птицы фрегат, разрезанной на кончике как гусиное перо, она нажимала на кожу лба девушки так сильно, что текла кровь. Смыв кровь, «художница» вдавливала в ранку краску. Вся операция продолжалась полтора часа. На лбу девушки отчетливо обозначился узор, называемый *су'усу'уне кауле*, — косой прямоугольник посередине лба с тройным зигзагом до самого виска, оканчивающийся с обеих сторон стилизованным рисунком безголовых фрегатов. Эта процедура стоила Лиликену трех дней острой лихорадки. У ее жениха операция прошла более благополучно: он болел только один день. Вместо фрегатов ему сделали узор в виде раскрытых пасть двух хищных рыб, по-видимому, бонит.

В качестве оплаты «художники» получили по одной монете, то есть связке четырех снизок утолщенных раковинных дисков, равных по сумме приблизительно двум фунтам стерлингов.

Затем состоялась встреча, на которой демонстрировался весь выкуп за девушку. Происходила она в селении Рипу. Невеста прибыла сюда в окружении женщин и девушек из обоих селений. Когда мы с отцом и Анджеем пришли утром в Рипу, то увидели перед домом вождя высокий столб с перекладиной, на которой семья жениха развесила множество великолепных украшений: шнур-

ков со снизками, набедренных повязок, запястий и наголенников, поясов, искусно изготовленных из разноцветных раковин, нагрудников из полированного перламутра и раковин тридакны, ручных и ножных браслетов, легких и массивных, для женщин и для мужчин, свитых из душистой травы, выпиленных из тридакны или других цветных раковин. Хотя в коллекциях верховного комиссара Хониары, а также пастора Фокса в Моли я видела немало чудесных украшений, все они показались бы мне ничтожными по сравнению с выставленным здесь великолепием. Полагаю, что некоторые из украшений, как, например, большие круглые перламутровые диски, тщательно отполированные и украшенные глубокой гравировкой в виде замысловатых орнаментов, выполненных черной краской, были очень древними и составляли семейное сокровище, относящееся, быть может, к тем временам, когда остров Улава еще не открыли испанцы.

Анджей обратил мое внимание на оригинальную повязку длиной более метра, предназначенную, вероятно, для украшения девичьих бедер. Она состояла из четырех снизок белых раковинных дисков, столь тесно уложенных, что они образовали эластичный, неломкий пояс, в который были вплетены три очень искусно выполненных орнамента из разноцветных ракушек, зубов летучих собак и небольших хищных рыб, отделанных снизу бисером и мелкими дисками из красных блестящих ракушек. Ширина пояса не превышала двух пальцев, длина вплетенных в него украшений составляла примерно десять и ширина — четыре сантиметра. Пояс завязывался на бедрах двумя сплетенными шнурками. Представь себе, какую сенсацию произвела бы в Варшаве женщина, надевшая на шею такое украшение к своему вечернему платью!

На демонстрацию выкупа собралось множество людей из окрестных селений, порой даже весьма отдаленных. Большинство мужчин предстало в своем традиционном одеянии: повязка на бедрах, раковинные диски на груди и массивные наплечники; в нос вставлены украшенные резьбой палочки. Молодые и более франтоватые мужчины носили на сгибах рук запястья, а на ногах — наголенники с искусно расшитыми узорами из разноцветных ракушек. Некоторые гости пришли даже с легкими деревянными танцевальными палицами с резьбой. Лишь немногие, преимущественно молодые люди, рабо-

тающие на плантациях, носили брюки и рубашки. Видимо, они чувствовали себя не очень удобно в европейской одежде, так как вскоре сняли ее.

Молодые женщины и девушки блистали во всем великолепии чудесных украшений. Лилиекени была обвешана шнурками с нанизанными на них раковинами так, что они почти полностью прикрывали ее смуглое тело. Как девушки, так и молодые щеголи осыпали свои густые кудри размельченной в порошок известкой из раковин, отчего их волосы приобрели рыжий цвет, а зубы подчернили красителем из *лава* — речного камня, который обжигают, а затем растирают в порошок и хранят в маленьких бамбуковых коробочках.

Осмотрев выкуп, все посторонние отошли немного назад, а места впереди заняли члены обоих заинтересованных семейств. И те и другие сели на землю, некоторое время как бы предаваясь раздумью, затем поднялся дядюшка жениха и начал громко расхваливать выкуп, вернее, каждое украшение, определяя при этом его цену и в некоторых случаях рассказывая о его происхождении. Пока отец записывал эту речь, Анджей шепотом переводил ее мне. Представь, как я изумилась, когда оратор, указывая на одну из повязок, сказал, что она принадлежит их семейству уже очень давно, была приобретена на острове Велья-Лавелья прапрапрадедом Халу Херере, который привез из военного похода девушку, опоясанную именно этим украшением. Девушку звали Упвехо, и она стала женой своего завоевателя, а значит, прапрапрабабушкой Вате, жениха Лилиекени.

Все слушали речь очень внимательно, ведь дело шло о брачном союзе младшей дочери вождя деревни Рипу с единственным сыном очень состоятельной семьи из О'у, то есть происходило важное для Улавы событие. Затем выступил брат отца Вате, солидного вида, полный, немного грубоватый мужчина, оказавшийся прекрасным оратором; каждую фразу он подчеркивал соответствующим жестом рук или выражением лица. Указывая на отдельные шнурки со снизками и другие украшения, он перечислял всех предков, по меньшей мере от десятого колена, а также их походы с горсткой родичей или друзей на соседние острова то за неприятельскими головами, то за рабами. Так уж повелось, что предки Вате привозили из этих походов преимущественно молодых и здоровых девушек, которые в большинстве случаев ста-

новились их женами. Таким образом, род Оху Сеу, отца Вате, имеет родичей на островах Малаита, Уги, Гуадалканал, Нггала, Велья-Лавелья, Тетепари, Сан-Кристебаль и даже Малаупабма.

Следующие ораторы от семьи жениха не прибавили ничего нового, но каждый из них подчеркивал богатство выкупа, древность рода и широкие родственные связи, установленные на соседних островах.

Когда ораторы со стороны Оху Сеу закончили наконец свои речи, слово взял брат жены вождя, Синехануэ, пожилой мужчина среднего роста, широкоплечий и мускулистый, с черными как смоль, глубоко посаженными глазами, толстыми губами и большим мясистым носом. Голос у него был, однако, настолько приятным и говорил он так легко, что мы слушали его с большим удовольствием. Он признал, что выкуп вполне удовлетворителен. В то же время Синехануэ напомнил слушателям, что Лилиекени стоит всех этих вещей не только ввиду своего высокого общественного положения, но также благодаря молодости и мягкому характеру. Впрочем, она и сама обладает весьма ценными украшениями и снизками, а кроме того, собственным огородом, в котором растет ямс, у нее своя плантация каштанов, кокосовых и арековых пальм, а также стадо свиней. Все это дает Лилиекени возможность содержать себя и будущих детей, не рассчитывая только на состояние мужа.

На этом, собственно, и закончились речи, так как в других высказываниях не было ничего интересного, кроме восхваления невесты и ее рода. После этого женщины и девушки обвили талию Лилиекени очень нарядным шнурком со снизками раковин и повели ее в обширную новую хижину, которую Вате построил после помолвки. С этого момента она стала *ху'э*, то есть замужней женщиной.

Начались приготовления к свадебному пиру, причем прежде всего стали торжественно толочь клубни таро с миндалем. Во двор вынесли четыре огромные деревянные ступы, вокруг каждой из них вбили в землю кольца, так, чтобы ступы стояли неподвижно. Затем их наполнили клубнями и миндалем, а рядом положили тяжелые, длинной около двух метров песты, расширенный конец которых был обожжен и чисто соскоблен. К ступам подошли двое певцов: один затянул какую-то причудливую, печально-надрывную песню, другой вторил ему. Опираясь

на ступу, держа в одной руке палки и описывая круги над головой, они поджидали двух мужчин, которые, двигаясь в такт песни, боком подходили к ним. Затем певцы отступили на два шага и, глядя на свои руки, поднятые над головой, энергично закрутили палками. В это время подошедшие мужчины схватили песты и начали толочь клубни. Подобные манипуляции повторялись по нескольку раз у каждой ступы. Певцы кружились в бешеных пируэтах и размахивали палками. Тем временем, как бы украдкой, к ним подбирались все новые и новые мужчины и, низко нагибаясь, чтобы избежать ударов палками, в свою очередь, хватали песты. И та и другая группа проделывала почти одинаковые движения; казалось, их руками руководила единая мысль. Наконец, клубни тара были истолчены, разделены на небольшие кучки и завернуты в листья, после чего их стали варить с мясом или печь, как пудинг. В качестве платы за труд Вате надел на плечи певцов по снизке зубов морской свиньи.

Моя дорогая Ева, ты не можешь себе представить, сколько в состоянии съесть местные жители! На свадебном пиру Лилиекени и Вате не пользовались европейской эмалированной посудой, а варили еду в больших деревянных корытах. Каждое из них имеет особое название в зависимости от назначения. В самые большие, длиной в несколько метров, клали целые или порубленные на куски туши тюленей, небольших морских коров, свиней или огромных черепах, обкладывали их разными ароматными листьями, заливали морской водой, а затем варили, бросая в корыта раскаленные камни. Большие корыта именуется здесь *хохото*. В меньших, так называемых *вареаху ни ману*, готовили рыбу разных сортов, лангуст, креветок, кокосовых раков, летучих собак, мегалоподов, улиток и даже больших, толстых, белых гусениц жуков-носорогов. Немного поодаль разожгли костер, раскалили в нем несколько десятков камней величиной с кулак каждый. Затем убрали камни, и в горячую волю положили завернутые в листья клубни, смешанные с мясом, на них — раскаленные камни и все снова покрыли слоем листьев. Кроме того, на горячих камнях жарили рыбу, креветок, черепах, мегалоподов и много всякой другой снеди. Я заметила, однако, что ни к мясу, ни к другим блюдам не добавляли жир — все варилось или жарилось в собственном соку.

Обычно островитяне едят все вместе, и часто совер-

шенно посторонние люди обоих полов приходят со всем семейством к ужину. Однако на торжественных пиршествах принят совершенно иной порядок: мужчины и женщины едят отдельно. Поэтому девушки втянули меня в свой круг, а отец и Анджей должны были пировать с мужчинами. Сама Лилиекени поставила передо мной деревянную мисочку, красиво инкрустированную перламутром, и подкладывала в нее самые различные кушанья. Черепашье мясо, отдававшее запахом ароматических трав, было превосходным, но еще вкуснее показался мне мегапод. Эта хищная птица величиной с фазана, принадлежащая к подотряду *Meqapodium*, обитает на Улаве и других островах Океании, парами или в одиночку, в лесной чаще. Крупные яйца она, однако кладет в прибрежном песке, зарывая их в глубокие ямы. Жители О'у ловят этих птиц в силки и пекут их мясо в горячей золе. Перед приготовлением они насаживают птицу таро с миндалем, а затем обортывают ароматическими листьями. Мясо варится в собственном жиру, а таро приобретает столь пикантный вкус, что я с аппетитом съела целых две порции. Изумителен был также пудинг из ямса, приправленный креветками или кокосовыми раками. При этом клубни тщательно пропитываются кокосовым маслом, которое рак накапливает в своем брюшке.

После пира все принялись жевать бетель. Каждый островитянин носит с собой маленькую бамбуковую коробочку, в которой хранит измельченную в порошок известку от раковин. В лист бетельного перца заворачивают несколько ломтиков арекового ореха, посыпают щепоткой извести и кладут в рот. Я тоже попыталась жевать бетель, но у него такой отвратительный вкус, что пришлось тут же выплюнуть. Местные жители привыкли к бетелю, к тому же, как утверждают, он полностью уничтожает любых глистов у человека.

Потом начались танцы — неотъемлемый атрибут любого торжества. Они носят здесь преимущественно религиозный характер и исполняются мужчинами; женщины присутствуют лишь в качестве зрителей. Никакими музыкальными инструментами при этом не пользуются, все танцы исполняются под аккомпанемент пения. На песок пляжа вышли два певца: один затянул удивительно монотонную песню, а другой протяжно повторял припев. Оба стояли со сложенными на груди руками, глядя на

неторопливые движения выстроившихся в шеренгу танцоров.

Каждый мужчина держал в правой руке легкую, широкую, изогнутую танцевальную палицу и двигал ею, поднимая при этом ногу. Палицы походили по форме на нос ритуальной ладьи; у них длинные рукоятки с особого рода выпуклой пуговицей на конце. В первой фигуре танцоры крепко прижимали к груди рукоятки, которые держали обеими руками, а широкие навершия наклоняли то влево, то вправо, как бы подражая движениям рыболовных крючков с приманкой. Во второй фигуре навершия палиц резко выталкивались вперед, а затем отводились назад (я так и не сумела выяснить, что означал этот жест).

Танцоры держали в руках разорванные пополам молодые листья кокосовых пальм. Проходящие посередине листьев жилки служили лентами, которыми перевязали грудь. Лево́й ладонью они производили какое-то странное движение, словно пытаясь схватить палицу. Во время танца исполнители держались прямо, иногда поворачиваясь лицом к певцам и семеня при этом ногами на очень маленьком пространстве.

В последней фигуре танцоры отложили палицы в сторону и к пальцам правой руки прикрепили кастаньеты — связки высушенных орехов, зерна которых при малейшем движении колотились в твердой скорлупе. Затем певцы встали между выстраивавшимися парами танцоров и мелкими шагами двинулись вперед, всякий раз поворачивая голову то вправо, то влево. Когда они завершили, таким образом, круг и пришли на исходное место, танец был закончен.

Следующий любопытный танец изображал сцену поисков мужем похищенной у него жены. Муж ходит с места на место, ищет, выпрашивает, но нигде не может найти свою супругу. В конце концов, измученный и истощенный, он попадает в чашу, находящуюся близ незнакомого ему селения, и падает, обессиленный, на землю. Отчаявшись, он тоскливо взывает к духу-покровителю Сихо-и-Сало. Тем временем одна из женщин в селении, направившаяся за водой, узнает голос супруга, у которого ее похитили и привезли именно в это селение. Она незаметно убегает и, следуя за звуком голоса, приходит к месту, где лежит ее муж. Радость, которую он испытывает, найдя свою верную подругу, возвращает любяше-

му супругу силы и здоровье. После длительного и опасного перехода они — в родном селении.

Этот полный романтической выразительности танец основан, как говорят, на фольклорной легенде и прославляет супружескую любовь и привязанность, которые так характерны для Улавы.

Несколько поодаль от старших мужчин группа молодежи развлекалась борьбой. В этой области спорта отчетливо сквозило влияние американского вольного стиля борьбы: молодые люди состязались по системе: «хватай за все, за что только можно». Судили борцов двое коренастых и крепких юношей, которые предварительно сняли с себя европейское платье; это были, вероятно, машинисты или электрики с какого-то корабля, а может быть, просто рабочие с европейских плантаций, прибывшие на свадьбу своего сородича.

Издали, с укромного пляжа, защищенного высокими коралловыми рифами от ветра и волн, доносились хохот и пение детей. Мне захотелось их сфотографировать. Я подтолкнула Анджея, мы незаметно выскользнули из круга зрителей, любовавшихся плясками мужчин, и окольным путем направились в сторону распевавших хором детей. Мы как раз подходили к группе хлебных деревьев, когда из-за поворота тропинки, уходящей в чашу, появился молодой китаец, служащий фирмы «Чжи Луньчжан» из Моли, а за ним — несколько его соотечественников. Мы столкнулись с ними чуть ли не лицом к лицу, причем столь неожиданно, что остановились как вкопанные, недоуменно уставившись друг на друга.

Первым пришел в себя китаец. Лицо его расплылось в стереотипной улыбке, он быстро снял модную шляпу-панаму и, согнувшись в низком поклоне, заговорил на хорошем английском языке, отвратительно коверкая при этом наши польские фамилии:

— Добрый день, мисс Леки, добрый день, мистер Кетки, очень рад видеть вас здесь. Как поживаете? Как идут исследования? Надеюсь, все обстоит хорошо?

Я никогда не питала особого доверия к приторно вежливым людям. Быть может, это простое предубеждение, но должна признаться, что не только не люблю неестественно любезных и учтивых людей, но и опасаясь их. И теперь, глядя на этого элегантного, как бы сошедшего с картинки в модном журнале, полностью европеизированного, изысканного и преувеличенно услужли-

вого молодого человека, который слащаво нам улыбался, я заметила, что улыбались только губы, а взгляд оставался холодным, жестоким и испытующим, в нем даже сквозила какая-то легкая насмешка. Его товарищи глядели на нас исподлобья.

Анджей не менее вежливо ответил на приветствие китайца, а затем тем же тоном спросил купца, как идут дела, и, наконец, выразил надежду, что погода, наверное, будет и дальше нам благоприятствовать.

Анджей говорил в столь типично китайской манере и в то же время на таком отличном английском языке, что я посмотрела на него с удивлением. Таким я еще никогда его не видела...

Видимо, китаец заметил удивление в моих глазах, так как его улыбающиеся губы исказила какая-то гримаса, но он сразу же овладел собою и по-прежнему вежливо сказал:

— Очень сожалею, что должен попрощаться с вами; у меня еще много дел, связанных с торжествами по случаю посвящения *малаоху*. Сегодня вечером, если позволит время, буду иметь честь нанести визит господину профессору Леки, и вам, мистер Кетки, и... госпоже... мисс Энн.

Я не успела ничего ответить на это фамильярное «мисс Энн», как купец, низко поклонившись, исчез со своими спутниками так же быстро, как это сделал бы в чаще спугнутый мегапод.

Мы долго не могли прийти в себя; и только пройдя некоторое расстояние, я вдруг остановилась и со злостью спросила:

— Скажи, Анджей, почему ты так вежливо разговаривал с этим китайцем?

Анджей молча посмотрел на меня, улыбнулся, взял за руку, пожал ее и сказал:

— Признаться, мне очень хотелось крепко отчитать этого сверхвежливого купчика за те... сальные взгляды, которые он бросал на тебя, а также за иронию, с которой он ко мне обращался. К счастью, я вовремя вспомнил, что он какой-то близкий родственник владельца фирмы, от которой во многом зависит наше благополучное пребывание здесь...

— Ты шутишь, Анджей!

— Нисколько! Торговый дом фирмы «Чжи Луньчжан» — крупнейшее предприятие подобного рода на

Соломоновых островах. Он имеет свои филиалы на каждом острове и почти каждом островке, на собственных судах доставляет товары и скупает все, что производят или вылавливают местные жители. Благодаря этому он пользуется значительным влиянием и может сделать больше, чем даже здешние административные власти. Насколько мне известно, сам верховный комиссар очень считается с этой фирмой и часто бывает у ее владельца на приемах, а чиновники...

В это время из-за коралловых рифов с криком и смехом выбежала стайка подростков. Заметив нас, они разделились на две группы: одна направилась дальше в селение, а другая приблизилась к нам. Рассказывая что-то скороговоркой и энергично жестикулируя, дети взяли нас за руки и торжественно повели на пляж. Я не знаю еще языка островитян, но понимаю уже много отдельных слов. Впрочем, сегодня мне на помощь пришел Анджей. Как оказалось, один из парней, обладающий исключительно хорошим зрением, заметил далеко в море что-то похожее на кочки из водорослей, которые неслись по волнам. Он рассказал об этом лежавшим на пляже юношам, которые сразу же поплыли на лодке в указанном направлении, полагая, что там, где плывут водоросли, должна находиться черепаха.

Предположение оказалось правильным. Юноши увидели массу слепившихся водорослей, а также огромную черепаху, которая, наевшись досыта, сладко дремала на поверхности моря. После короткой, но ожесточенной схватки юношам удалось перевернуть застигнутое врасплох пресмыкающееся на спину, втащить на лодку и поплыть с ценной добычей к берегу. В тот момент, когда мы прибежали на пляж, лодка уже стояла, зарывшись носом в песок, а юноши с помощью подростков тащили узницу. Видимо, черепаха оказалась очень тяжелой, так как восемь мускулистых островитян с большим трудом перетащили ее на берег и повалили спиной на песок.

К морю тем временем направилось множество людей. Подростки всполошили селение. Сюда пришли и пожилые, запыхавшиеся, полные мужчины, и молодые люди — недавние танцоры, и замужние женщины — стройные, упитанные или хилые, украшенные снизками из раковин, и девушки. Все удивленно охали, задавали вопросы и смеялись, с любопытством разглядывая огромную черепаху, которая отчаянно размахивала в воздухе своими

мощными, похожими на весла конечностями. Островитяне мерили длину ее панциря и одобрительно стучали по толстым роговым щитам. Обсуждался вопрос, как лучше использовать черепашие мясо. Одни предлагали сразу же умертвить пресмыкающееся, а мясо испечь с ямсом на раскаленных углях, другие советовали сохранить черепаху до того времени, пока будут съедены мясные блюда, приготовленные к свадебному пиру. Возобладало последнее мнение. Сразу же снарядили группу молодых людей, вооруженных топорами, за толстыми жердями из твердой древесины высоких кустарников, в изобилии растущих на прибрежном грунте. Когда доставили жерди на берег, их концы обтесали с одной стороны и вбили глубоко в песок вокруг панциря черепахи. Получилась крепкая и достаточно высокая ограда, из которой черепаха не могла выбраться, даже если ей удалось бы перевернуться спиной вверх. Место, где была устроена ограда, заливали волны, поэтому узица была обеспечена холодным душем.

Покончив с черепахой, взрослые мужчины вернулись к прерванным танцам и беседам, женщины направились к очагам, чтобы позаботиться о жарком на ужин, а юноши и подростки вновь принялись за игры. Играющие перетягивали канат, сооружали из песка и палок два дома ритуальных лодок, причем одна из сторон должна была отгадать, где закопана *алили* (то есть скорлупа большой раковины), а также названия отдельных разновидностей ямса и таро (с возделыванием съедобных растений девушки знакомы лучше, чем юноши). Устраивались и другие разнообразные игры, во время которых все хором напевали связанные с ними песни. Отец и Анджей переходили от одной группы к другой, старательно записывая слова, а я фотографировала.

Солнце уже начало скрываться за лесом, когда раздался глухой рев раковинного рога, созывавшего жителей О'у и их гостей к ужину. Молодые люди побежали купаться в море, мы же все трое направились в свои палатки, чтобы сменить промокшую от пота одежду, ну и, конечно, умыться. Отец с Анджеем взяли полотенца и пошли на свой «мужской» пляж, я же надела купальный костюм и побежала туда, где обычно купаются женщины и девушки.

Место это — прелестный, маленький залив, который может, однако, одновременно вместить с полсотни чело-

век. С трех сторон его обрамляет вздымающееся амфитеатром песчаное побережье, и лишь с четвертой, окруженной раскрошенными коралловыми рифами, имеется узкий проход, соединяющий залив с морем. Этот канал, также образованный из кораллов, столь узок и мелководен, что через него только с трудом может протиснуться легкий челн, используемый женщинами для ловли лангуст, морских ежей, палоло и других даров моря. Пространство между коралловыми обломками, отделяющими залив от моря, настолько узко, что никакая лодка не в состоянии пройти через него, и лишь волны пробираются туда вспененными струями.

Со стороны суши к заливчику примыкает подлесок из редко расположенных густых кустарников. Это место «уединения женщин». Мужчинам сюда вход воспрещен под страхом смерти.

По узкой, но хорошо утоптанной тропинке я перебежала через подлесок и сразу же очутилась на высоком берегу заливчика. Внизу, на песке, я увидела группу девушек. Одни сидели на корточках, тогда как другие плясали в воде вокруг Лилиекени. Не задумываясь, я прыгнула вниз, сбросила купальный халат на песок и нырнула в воду. Несколько сильных движений плечами — и я посредине залива. Девушки со смехом и криком окружили меня со всех сторон, пытаясь сорвать мой купальник. Но я нырнула и доплыла под водой до устья канала. Всплыв на поверхность, я попала под сильный душ. На океане как раз был прилив, волны с ревом и оглушительным грохотом хлестали по коралловой осыпи. Неожиданно среди этого адского шума я уловила где-то вблизи стрекот мотора.

«Кто бы это мог быть столь легкомысленным, чтобы во время прилива приближаться к каменистому побережью?» — подумала я, снова ныряя, чтобы спастись от очередного удара волн. Плывая под водой, я решила, что ни у кого в О'у нет моторной лодки и весьма сомнительно, чтобы чужой решился проплыть в утлом челне во время прилива вдоль берега, защищаемого коралловым барьером. Стало быть, это какой-то другой звук или же галлюцинация... Однако у меня никогда не было раньше подобных расстройств слуха!

Тут я всплыла, как тунец, охотящийся за летучими рыбами, на поверхность и попала прямо в объятия Лилиекени и других девушек. В мгновение ока они сорвали

с меня бикини и, смеясь, стали удирать, видимо рассчитывая, что я стану их преследовать. Купаясь на территории, предназначенной для женщин, я не пыталась поймать их и отобрать свой купальник. Какое же это было блаженство полностью подставлять свое тело воде, чувствовать, как она обволакивает его словно бархатной, податливой, ничем не стесняющей туникой!

Почти стемнело, когда мы с Лилиекени вышли на берег, где нас ожидали девушки, которые уже надели свои богатые украшения из раковин. Все они были высокими, стройными, с их бронзовых тел стекали бисеринками капли воды, они походили на водяных фей из волшебного озера. Девушки торопились, чтобы отвести молодую жену в ее красивый домик, который построил ей супруг, с нетерпением ожидавший свою избранницу на мягких циновках. Они надели на молодое и упругое тело Лилиекени все украшения из раковин, опоясали ее живот изящной повязкой, на плечи и икры нацепили манжеты и наголенники, сделанные из дорогих и редких раковин. Вскоре мы с Лилиекени уже бежали через лесок, держась за руки, а девушки окружали нас, словно личная стража. Вдруг одна из них остановилась и испуганно вскрикнула:

— А куда девались Упвехо и Аулу? Неужели остались купаться? Как бы их не похитил *мвасиу* (вампир)!

Мы остановились как вкопанные, беспомощно уставившись друг на друга. Но тут девушки из нашего окружения стали шептаться между собой, хихикать, а затем, приснув со смеха, принялись успокаивать нас, уверяя, что Упвехо и Аулу поспешили, очевидно, в укромное «местечко для женщин» и вскоре вернуться, если уже не возвратились в селение. Нам не оставалось ничего другого, как побежать домой. Лилиекени направилась к своему молодому мужу, а я надела платье и вместе с отцом и Анджеем бодро зашагала на торжественный ужин. По дороге я выслушала несколько язвительных замечаний по поводу всегда опаздывающих женщин, но не придавала им особого значения.

У большой хижины Оху Сеу сновало множество празднично разукрашенных женщин и мужчин, среди которых я неожиданно увидела нашего молодого китайского купца, но не в обычном для него европейском костюме, а в длинном халате и маленькой шапочке с красным помпончиком. Многословно поздоровавшись с отцом, он

завел с ним долгий разговор, темой которого (как мне позднее рассказал папа) был островок Санта-Каталина. По словам Си Ян-цзи — так, кажется, звали китайца, — это рай для исследователей фольклора, по сравнению с которым Улава — высокоцивилизованный остров. Китаец обещал всевозможную помощь, включая даже судно, которое может доставить всех нас на Санта-Каталину.

Не понимаю, почему Си Ян-цзи так хотелось поскорее спровадить нас с Улавы. Ведь в Ути и на Санта-Каталину мы хотели выехать лишь по окончании торжества посвящения, которое начинается в О'у только через месяц, хотя приготовления к нему уже велись полным ходом. Однако я от души посмеялась, когда Анджей объяснил мне, что Си Ян-цзи в переводе с китайского означает «Прелестный козлик»! И такое невинное имя носит человек, которого по-настоящему следовало бы называть «Хитрой лисой» или «Коварной змеей»!

В течение всего вечернего пиршества я находилась в обществе девушек, от которых получила много новых сведений, связанных с разного рода суевериями. Одни из них основаны на вере в духов, другие касаются запрещения употреблять в пищу некоторые виды рыб и фруктов. В былые времена эти запреты, как говорят, строго соблюдались, но под влиянием христианства и европейской культуры их либо отменили, либо смягчили.

В О'у до сих пор верят в духа *Ма'а суу*, олицетворяемого в виде летучей змеи, резное изображение которой довольно часто встречается на форштевнях лодок или вешается в качестве украшения высоко на фасадах хижин. Семейства, принадлежащие к роду летучей змеи, не должны употреблять в пищу съедобные фиговые листья, свинину или рыбу *ма'эа*, пока не кончится сезон посадок.

Во время срезки клубней ямса двери хижин должны быть тщательно закрыты. При этом нельзя оставлять огонь в хижинах, а детям не разрешается ничего есть в отсутствие взрослых. (Эти два последних запрета мне вполне понятны, да и в самой Польше не мешало бы выдумать какого-нибудь *Ма'а суу*, чтобы ребяташки не баловались спичками!)

Существуют здесь также запрещения, относящиеся к периоду беременности и деторождения. В первую оче-

редь это диета. Так, не только сама беременная женщина, но и ее муж не должны есть определенного сорта красной рыбы, выловленной ночью, или гигантского окуня, вес которого достигает двухсот килограммов. Им не разрешается также употреблять в пищу плоды, гроздьями свисающие на очень длинных и тонких плодоножках и очень похожие на рыбью икру. Запрет этот обязателен для обоих супругов с момента, когда женщина забеременеет, и вплоть до того, как ребенка отнимут от груди. В противном случае младенец рождается слабым, хилым и нередко страдает конвульсиями. Такого ребенка называют *ваисинга*, то есть «пойманная рыба». Если дети все время плачут, то говорят, что их сглазили зеленые попугаи *а'а* — птицы, которые неустанно кричат хриплым голосом. В таких случаях считают, что кто-либо из родителей съел, должно быть, такого попугая. Беременной женщине не следует также придерживать ляжками небольшую деревянную ступу, в которой толкут таро или ямс, или купаться во время прилива, так как это может повредить ребенку в ее чреве.

Продолжая объясняться с девушками (отчасти жестами, а отчасти пользуясь известными мне словами), я заметила на большой гряде разного рода фруктов две разновидности бананов. В одной кисти плоды свисали вниз, в другой — стояли почти торчком. Говорят, это местный сорт, который раньше произрастал на Улаве в нескольких видах, но по каким-то причинам совершенно исчез и уступил место бананам, ввезенным с других островов.

Желая попробовать этот сорт на вкус, я сорвала один плод и, содрав с него кожуру, поднесла ко рту. Но тут одна из моих подруг подскочила, как рысь, отняла у меня банан, положила на угли, испекла и только тогда подала мне на деревянной тарелке. Оказывается, в большинстве селений на Улаве никто не ест сырые бананы, а только печеные! Обычай этот сохранился, вероятно, со времен эпидемии дизентерии, которая свирепствовала на острове в 1869 году. Кисть, от которой я оторвала плод, предназначалась для женщин, и никто из мужчин не имел на нее права.

Одна очень старая, беззубая уже женщина стала мне рассказывать, как в старые времена пищу, приготовленную к большим торжествам, складывали на празднично прибранном помосте, установленном на раскрашенных

и украшенных резьбой столбах. Но тут прибежала явно взволнованная и удрученная Даниху (та самая, которая обнаружила отсутствие Упвехо и Аулу) и начала что-то шептать на ухо одной из девушек. Та слушала некоторое время с явным недоверием, а затем с испугом вскочила и, обращаясь к нам, крикнула:

— Даниху говорит, что Упвехо и Аулу не вернулись в свои хижиньки. Их нет и среди людей в селении...

Тут полилась столь стремительная лавина разных слов и возгласов, что я ничего не могла разобрать, кроме без конца повторяемого выражения *мвасиу*. Девушки казались сильно взволнованными, и лишь сидевшая рядом со мною старушка, улыбаясь беззубым ртом, с таинственным видом прошептала:

— Видно, юноши с Уги или Мелауламо, а может быть, с Малсупалма или Нарангори прибыли на своих боевых лодках и похитили девушек... А почему бы нет... и теперь это бывает! Много, много лет назад, когда и я была такой же молодой девушкой, как Даниху, юноши с Улавы похитили нас четырех на берегу близ родного селения Таварога, связали и бросили в лодку. Одну из нас, которая отчаянно кричала и сопротивлялась, они убили палицами и швырнули в море, а с остальными уплыли в океан. Я лежала на дне лодки и слышала, что нас продадут людям Толона Хануэ, обитающим в горах на севере Марамасике. Но когда нас доставили к причалу в О'у и велели выйти из лодки, один из тех, кто похитил нас, подошел ко мне, стал внимательно присматриваться и поворачивать во все стороны, пока наконец не взял за руку и не повел в хижину своей матери... А затем... он женился на мне,— закончила старушка с улыбкой столь светлой, что ее сморщенное лицо, казалось, совершенно разгладилось.

Ее сверкавшие глаза и эта улыбка яснее ясного свидетельствовали, что она ничуть не жалеет о своем похищении с родного Сан-Кристовалея!

Тут и мужчины обратили внимание на причитания девушек. Из хаотических ответов и возгласов они быстро узнали обо всем. Одни не придали особого значения происшествию и, ухмыляясь, твердили, что пропавшие девушки вскоре, наверное, найдутся, другие, и в том числе возлюбленный Упвехо, немедленно кинулись на поиски. Вооруженные палицами и копьями, с факелами в руках, они обшарили несколько километров побережья,

но девушек и след простыл. На песке нашли лишь разорванный шнурок со снизками раковинных дисков, а в скальном углублении у коралловой осыпи — одну из сережек типа «эхо», принадлежавшую Аулу.

Когда я вернулась в палатку, было уже поздно, но следовало закончить это довольно длинное письмо, так как завтра почту заберет Си Ян-цзи, выезжающий в Моли. Хотя я пользуюсь его услугами, он определенно мне не нравится... более того, просто внушает отвращение. Он в полном смысле этого слова хорошо воспитанный человек, отлично говорит по-английски, одевается, как лорд, и по-своему даже красив, но тем не менее... Именно во время его краткого пребывания в О'у исчезли две девушки!

Никто не мог объяснить мне стрекота мотора за коралловым барьером заливчика. Отец и Анджей уверяли, что это какая-то галлюцинация или обман слуха, а один из старожилков селения утверждал, что шум исходил от *Поро таро* — акулы, которая обитает на отмели между Улавой и Олу Малау, одним из островков Трех сестер.

— Это, вероятно, акула заманила девушек в море и сожрала их, — сказал он невозмутимо.

Пора заканчивать, дорогая Ева, так как через полотняные стенки палатки уже проглядывает рассвет, а я так устала и хочу спать, что клюю носом. Следующее письмо напишу уже после обряда *малаоху*, который состоится через месяц.

Твоя Аня

5.

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ О'У

Моя дорогая Ева!

Прошло два месяца с тех пор, как ты получила от меня последнее письмо. Два месяца напряженного труда, а в конце — приступ малярии (к счастью, не опасный, но достаточно сильный, чтобы отбить у меня охоту ко всякой деятельности). Теперь я уже здорова и хочу поделиться с тобой всем, что произошло за это время в нашей маленькой деревне.

Ты помнишь, наверное, что в день свадьбы Лилиеке-

ни в О'у исчезли две девушки — Упвехо и Аулу. Поиски не дали никаких результатов. Островитянки пропали бесследно, если не считать разорванного шнурка со снизками раковинных дисков и одной сережки, которые пашли на песке заливчика и на коралловой осыпи. Подруги Аулу утверждали, что украшения принадлежат ей, но другие девушки доказывали, что это могли быть остатки сережек «эхо» давно умершей женщины, оставленные в этом месте с целью превратить их потом в реликвию. Так или иначе, жители О'у ломали себе головы над жалкими кусочками некогда изящных украшений, пока наконец не возобладало мнение, что духи столкнули исчезнувших девушек с кораллового берега в морскую пучину, а остальное довершили акулы. Одни прямо поворили, что девушек съела акула, часто появляющаяся на отмели между Улавой и островками Трех сестер. Другие утверждали, что это дело рук только речного духа, Пвауру Охо, который специально охотится за представительницами прекрасного пола и тщательно прячет тела похищенных.

Через неделю об исчезнувших девушках уже не вспоминали, и только маленькая Даниху плакала втихомолку. Днем я часто заставляла ее сидящей на песке в заливчике с поникшей головой. Я не могла, конечно, поверить в духов, убивающих молодых, красивых девушек, и поэтому была готова согласиться скорее со старой Халукени, утверждавшей, что пропавших девушек похитили воины с других островов и сделали своими женами или же продали. Но когда я пыталась заговорить об этом с некоторыми юношами, то те или уклонялись от ответа, или же рассерженно замечали, что уже много лет никто с соседних островов не умыкает девушек, так как теперь люди не соблюдают запрет бракосочетания со своими сородичами и у себя дома можно найти достаточно невест. Иного мнения был Рехе, возлюбленный Упвехо. Этот крепкий, мускулистый и предприимчивый молодой человек с острова Малаита, работающий механиком на одной из плантаций, приехал на Улаву в отпуск. Он не верил, что девушки погибли в пасти акулы или же убиты речным или каким-либо другим духом. По его мнению, их скорее всего похитили и продали на близлежащих островах. Рехе решил уйти с работы, купить моторную лодку и с несколькими смельчаками отправиться на поиски девушек.

Ни шумная свадьба Лилиекени, ни исчезновение Упвехо и Аулу не оказали ни малейшего влияния на приготовления к обряду посвящения молодежи. Все было уже давно готово, оставалось лишь закончить отделку высокого помоста для будущего пира. Жители селения украшали резьбой поддерживающие его столбы, расписывали изображения духов-хранителей, приводили в порядок ритуальные лодки, инкрустировали их перламутром, составляя символические узоры. Подростки, подлежащие посвящению — от восьмилетних ребятишек до семнадцатилетних юношей, — уже давно находились в двух хижинах с ритуальными лодками. Им запрещался любой контакт с девушками и женщинами, даже с родными матерями. Спали они в доме холостяков, а еду им приносили в условленное место, откуда готовящиеся к посвящению забирали ее.

Так как женщинам не разрешалось даже глядеть на подростков, а также на хижины, лодки и помост, то я, не желая подвергаться возможным неприятностям со стороны аборигенов, не собиралась нарушать их запреты, но не имела ни малейшего желания воздерживаться от фотографирования. Я нашла укромный уголок, откуда могла делать снимки с помощью телеобъектива. Проявив несколько пробных кадров, я убедилась, что место выбрано удачно и фотоснимки торжества посвящения должны получиться очень четкими, если только подростки не обнаружат мой тайник! Чтобы уберечь меня от неприятных сюрпризов, папа посоветовал установить над моим «укрытием» макет лесной гробницы, поскольку в период совершения обряда никто не подходит к могилам. И вот Анджей в течение нескольких дней под предлогом охоты на мегаподов скрывался поутру в лесной чаще. Он украдкой подбирался к моему тайнику и, соблюдая величайшую осторожность, сооружал над ним «могилу».

Насколько же он оказался смекалист в таких делах! Когда я впервые увидела законченный макет, то подумала, что это настоящая могила! Сверток на помосте был весь в пятнах, истрепан дождем и солнцем, потрескался и порвался, а из дыр проглядывали кости. Для большего эффекта он ползжил на мешок змею, что придало могиле какой-то жуткий вид. Правда, змеи на Улаве совершенно безвредны, но само появление этого пресмыкающегося воспринимается островитянами как плохое предзнаменование. Я только тогда решилась войти в ук-

рытие, когда своими глазами убедилась, что на мешке лежит всего лишь чучело змеи. Вскоре я так привыкла к моему убежищу, что неоднократно сладко дремала в нем.

На Улаве заканчивался «зимний» и начинался «жаркий» сезон. Этот переход вызывается здесь ветрами. Непрерывно веявший до сих пор юго-восточный пассат уступил место северо-западным ветрам. Если «зимний» период довольно приятен для европейцев, проживающих на Соломоновых островах, то этим «жарким» сезоном нас пугали еще в Лондоне, а затем на корабле и в Хониаре. Но как раз во время жары океан становится спокойным и у побережья островов появляются крупные косяки бониты, охотящейся за летучими рыбами, головоногими моллюсками и другими обитателями моря. Для жителей Соломоновых островов ловля бониты была и остается вопросом существования; не случайно с этой рыбой у них связаны разного рода верования и обряды. Согласно старинным обычаям, бониты не простые рыбы; их «матерями» считаются огромные восьми- или десятиметровые акулы, которые два раза в день, утром и вечером, позволяют своим «чадам» охотиться на поверхности моря, поджидая их в глубокой воде. По представлениям местных жителей, бонита священна и для ее ловли недостаточно простой ловкости рыбака. В каждом сезоне *мангадаа* первая выловленная бонита преподносится колдуну, который спрашивает у морских духов, можно ли ему ее съесть. Разумеется, ответ почти всегда оказывается положительным, после чего рыбаки отправляются на лов. Удивительно здесь то, что колдун указывает направление, в котором им следует плыть, чтобы встретить косяки рыб, хотя зачастую небо затягивают черные тучи и с расстояния двадцати шагов на море ничего не видно. Рыбаки прибывают на место, иногда ждут час или больше, но в конце концов море вокруг них начинает «кипеть» и рыба клюет.

Бонита — близкий родственник тунца, но меньше последнего; ее длина не превышает восьмидесяти сантиметров, а вес достигает четырех-пяти килограммов. Кожа гладкая, но покрыта чешуей серебристо-голубого цвета с черными поперечными полосками по бокам. Мясо бониты сочное и очень вкусное.

Период появления косяков бониты близ берегов Улавы обозначается на местном языке словом *мангадаа*, а

подростки, подвергающиеся обряду посвящения и отправляющиеся на море, чтобы впервые выловить эту священную рыбу, называются *малаоху*. Это словосочетание из двух частей: *мала* — делать и *оху* — кипеть, что символизирует «кипение» моря, когда рыба выпрыгивает из воды, хватая добычу.

В давние времена люди на Улаве преуспевали; они не знали денег, не работали на чужих плантациях, не должны были платить налоги, имели вдоволь свинины, ямса, кокосовых орехов и плодов саговых пальм, а в море водилось несметное количество рыбы. Обряды посвящения совершались тогда довольно часто и каждый раз заканчивались великолепным пиршеством, устраиваемым вождем селения или состоятельными людьми, которые могли позволить себе большие расходы, ибо кроме искусно инкрустированных лодок, участвовавших в обряде *малаоху*, кроме расходов на изготовление резных украшений на столбах и помосте, кроме массы съестных припасов, заготавливаемых для трапезы, устройству пиршества приходилось также доставлять на торжество девушек, которые должны были развлекать гостей. Их вербовали на других островах, например на Уги, Био, Малаупалме, Сан-Кристобале и Санта-Ане. На лодках девушек привозили на Улаву.

Этим молодым, здоровым и крепким женщинам любовные приключения были хорошо знакомы, так как на многих островах половая жизнь начиналась очень рано. Это, конечно, разновидность проституции, однако с девушками никто не обращался презрительно или грубо, а по окончании торжеств их щедро вознаграждали и отвозили в родные селения, где они быстро выходили замуж.

С течением времени жизнь на Улаве начала меняться. Все чаще в водах, омывающих остров, появлялись китобойные суда, стремившиеся пополнить свои команды, затем скрывающиеся под личиной вербовщиков торговцы живым товаром, которые похищали аборигенов и продавали их на плантации в Перу или на Зондские острова, сея насилие и опустошение и заноса незнакомые здесь до той поры болезни. Наконец, на Соломоновых островах появились первые евангелические миссионеры, малообразованные фанатики, которые все не связанное с христианством считали порождением дьявола.

На Улаву европейская цивилизация стала проникать сравнительно поздно. Однако и здесь она давала о себе

знать. Вожди становились все беднее и постепенно теряли свое значение, поэтому и обряды посвящения *малаоху* совершались все реже. Их приходилось устраивать нескольким селениям сообща, так как связанные с торжествами огромные расходы стали совершенно непосильны для отдельных людей. В то же время родители всячески старались провести своих детей через обряд посвящения в соответствии со старыми обычаями. И вот, на наше счастье, этот необычайно любопытный обряд совершается теперь в О'у.

Согласно одной из местных легенд, обычай посвящения *малаоху* привил на Улаве некий колдун. Он прибыл с острова Тего (около пятидесяти миль к югу от Улавы), который был когда-то затоплен водами океана и погрузился в морскую пучину. Этнографы же считают, что этот древний обряд пришел из Индонезии вместе с культом духа моря, почитанием акул и ловлей бониты. Так как ни ты, дорогая Ева, ни я не собираемся проникать в далекое прошлое жителей Соломоновых островов и нас не очень волнует, чью культуру они заимствовали, то предоставим решать эту проблему отцу и Анджею, а сами обратимся к повседневным делам.

Ежедневно утром независимо от погоды после купания в заливчике и завтрака, который мне приходилось готовить для всех (мыть посуду иногда помогает «ассистент», но чаще всего это делают местные девушки), я брала уложенные в футляры фотоаппараты и шла в лес, чтобы затем перейти через речку, разделяющую селение на две части. Каждый раз меня поражала ее чистота. И не только прозрачность самой воды, стремительным потоком бегущей с гор в море, но и весьма опрятный вид, в котором содержатся берега реки.

В самой речке и на ее берегах не найдешь никакого сора, даже горстки мусора. Каждый камешек, палочку или листок жители тщательно собирают, а землю подметают чуть ли не до блеска. Детей с малолетства приучают соблюдать чистоту у речки. Недаром там царствует речной дух Пвауру Охо! Когда он гневается, то вздымает на ней волны, которые бурлят и пенятся. Никто до сих пор не мог объяснить подобное явление, но оно, по-видимому, связано с частыми тектоническими процессами в этом районе, который подвержен подземным толчкам. Ужас обуревает в такое время жителей селения, и, когда вода успокаивается, они сразу же начинают искать при-

чину, разгневавшую духа. Разумеется, всегда находится какой-нибудь небрежно брошенный на берегу предмет, оставленный незадачливым островитянином, который брал воду для приготовления пищи или для купания детей; зачастую это всего лишь плюска каштана или твердая скорлупа канарского ореха.

Переходя через речку, я всегда снимала с ног сандалии и бродила по воде, ощущая под ступнями острые кораллы. Иногда я заходила в речку до самых бедер, порой, когда никого не было поблизости, снимала шорты и майку и вся погружалась в воду. Даже во время сильной жары вода в речке остается прохладной и приятно освежает тело.

Я шла на «верфь», если можно так назвать место, где здесь строятся лодки. Почти полгода назад в этнографическом отделении Британского музея я восхищалась свисавшей с потолка на железных прутьях великолепной боевой ладьей, доставленной... с острова Улавы. Я понятия не имела тогда, что буду жить на этом острове, но сама лодка, ее стройные формы и прежде всего перламутровая инкрустация привели меня в восторг. Глядя на безукоризненную отделку лодки, трудно было поверить, что ее смастерили «дикие жители затерявшихся в далеком океане островов». Теперь же я получила возможность воочию увидеть, как строятся такие лодки.

Хотя жители Улавы пользуются ныне отличными инструментами, которые доставляются из Гонконга, процедура изготовления лодок осталась такой же, какой была много веков назад. Правда, на Улаве сейчас покупают лодки, которые строят... китайцы, но это результат последней войны, лишившей жителей Улавы искусных плотников. К счастью для меня, в О'у есть пожилой человек по имени Доравиви, знающий все тайны этого ремесла. Поэтому я могу подробно описать тебе, как именно сооружаются здесь лодки.

Насколько мне известно, каждой семье на Улаве принадлежит в лесу делянка с дикорастущими деревьями специальных сортов или же такие деревья сажаются самим владельцем. Так как Вату, молодому мужу Лилиекени, предстояло построить новую лодку, то его отец и он сам, сопровождаемые почти всем семейством и друзьями, ушли в лес на поиски необходимого материала.

На местном диалекте лодка называется *йола*; состоит она из килья, двух пар бортовых досок, нескольких шпангоутов, форштевня и кормы. На киль идет твердая древесина темно-вишневого цвета, на бортовые доски — светло-желтая помягче. Нужно срубить два дерева особого сорта, так как из одного ствола вытесывают только две доски.

После того как нужные деревья найдены, спилены и очищены от ветвей, их слегка обрубают с обеих сторон, а затем доставляют в селение. Здесь более мягкие стволы режут пополам, а ствол вишневого цвета начерно обтесывают. На шпангоуты выбирают ветви очень эластичного, но твердого дерева, соответствующим образом изогнутые, а на форштевень и корму идут легкие и мягкие доски, вытесанные из дерева *танаа* — того самого, из которого изготавливают утварь и кубки для пиршеств.

В былые времена, когда на Улаве еще не знали железа, деревья срубали и обтесывали каменными топорами, привязывая их к топорищу очень крепкой тетивой. Мне удалось приобрести такой топор. Он тяжел и неудобен, но имеет весьма грозный вид. Его всегда клали на первую доску под крышей, чтобы иметь под рукой в случае вооруженного нападения жителей соседних островов.

Когда Вату и его отец подготовили материал, на строительной площадке в окружении друзей появился Доравиви. Как и подобает пожилому мужчине из почтенной семьи, он держал себя с достоинством, осмотрел колоду, предназначенную на киль, разрезанные пополам стволы, постучал по ним обухом, определил длину лодки и принялся за работу. Поверь мне, только щепки летели! Он действовал тяжелым плотничьим топором с такой легкостью и какой-то непонятной для меня точностью, что вскоре колода уже стала приобретать очертания килья. Он не пользовался ни линейкой, ни рулеткой, однако, глядя на его работу, поневоле ищешь метку, которая указывала бы, куда следует ударить топором. Затем он вырезал на киле две глубокие борозды для бортовых досок и на этом пока закончил работу над колодой темно-вишневого цвета.

После этого Доравиви принялся за доски. Он обтесал их начерно сперва с наружной, а затем с внутренней стороны, оставляя выступы, к которым следовало прикрепить шпангоуты. Когда первые две доски были готовы, Доравиви насадил их на киль. Они подошли так

точно, как будто всегда там стояли. Я была поражена необычайной остротой зрения мастера: ведь он не вычерчивал и не измерял изгиба лодки, однако ему достаточно было слегка подтесать тут и там доски, как они точно вошли в пазы киля. Затем Доравиви пробуравил в досках и киле отверстия с интервалами в несколько дюймов и короткой тетивой соединил все в одно целое. Мне показалось, что обе доски, справа и слева, пришиты к килю!

Заметив, что его работа повергает меня в изумление, старый Доравиви улыбнулся и начал рассказывать мне, как его отец не только пользовался каменным топором, но и отверстия в киле пробивал с помощью каменных пробойников! Представь себе, какой это был адский труд, если боевая ладья, предназначенная для дальних плаваний на острова Нью-Джорджия, Санта-Исабель или Флорида, имела в длину от восьми до десяти метров.

Пока Доравиви со своими помощниками обрабатывал вторую пару досок, женщин послали в лес собирать опавшие орехи тунгового дерева, мякоть которых содержит клейкую, студенистую массу. Женщины ежедневно собирали огромное количество этих орехов и приносили в селение. Там их складывали на площадке, где строились лодки.

Вторая пара досок была надлежащим образом обтесана, после чего борта так крепко соединили с килем, что они уже не могли сместиться. В таком виде лодка называлась *йола хуу*, то есть «сырой остов».

Неделю лодка просыхала, затем временные швы были сняты, а доски перенесены к берегу моря, где их стали скоблить и выравнивать. Эту работу проделывали сильные мужчины, пользуясь специального рода камнем, так называемым *хола танаа*. Доски они положили на прежнее место, где сшили их очень крепкой тетивой *ваарао*. По-видимому, это разновидность ротанга¹⁴, так как ее можно делить на полосы любой толщины длиной в сто метров и более.

Теперь на площадке появилась целая орава мальчишек. Им роздали орехи, с которых ребята сдирали толстую скорлупу и гладкими камешками выскребывали из-

¹⁴ Ротанг — пальмы рода *Calamus*, типичные лазящие лианы; их стебли толщиной в три-пять сантиметров достигают четырехсот метров в длину. — *Прим. ред.*

нутри студенистую массу, которая с успехом заменяет отличную натуральную шпаклевку. Лодку перевернули вверх дном и толстым слоем «шпаклевки» покрыли все швы как внутри, так и снаружи. Мальчики и взрослые мужчины носились как угорелые, так как студенистая масса очень быстро застывала на воздухе, становясь сперва розовато-желтой, а затем почти совершенно темной. Каждую трещину, каждое отверстие, углубление или неровность замазывали этой чудесной «шпаклевкой», которая, высохнув, делается водонепроницаемой. Внутренние ребра или шпангоуты прочной тетивой привязали к килю и доскам. Обычно от числа шпангоутов зависит и численность экипажа лодки.

Оставалось лишь отделать лодку, то есть насадить носовой брус и корму, а также разукрасить ее в зависимости от назначения. Женские лодки, предназначенные для ловли лангуст, осьминогов или мурен, изготавливаются обычно из одного выдолбленного ствола; у них нет надстроенных форштевня и кормы, они не украшены резьбой и не инкрустированы перламутром. У обычных рыбацких лодок, которыми пользуются мужчины, оба конца высоко приподняты и часто снабжены так называемым *хаку* — коротким форштевнем, защищающим лодку от волн. У лодок, предназначенных для ловли бониты, как и у больших боевых ладей, высокие форштевень и корма. Рыбачьи лодки украшаются барельефами фрегата, держащего в клюве бониту. Боевые же ладьи обычно гладко обструганы, высоко приподняты и украшены по носу и корме резьбой. На мягкой подстилке из раскрашенных тонких пальмовых волокон лежат кокосовые орехи, а сверху ладьи гордо вздымается плюмаж. Лодки для ловли бониты в нескольких дюймах над ватерлинией покрыты резьбой, изображающей половину разрезанной пополам собаки, другую ее половину можно увидеть на этой же высоте ближе к корме.

Как нос, так и корма лодки изготавливаются из легких, мягких досок хлебного дерева, которые пришивают к корпусу, заделывают «шпаклевкой», выравнивают и полируют. Перламутровую инкрустацию накладывают на «шпаклевку» и прижимают к доскам, а после того как она прилипнет, полируют. К аккуратно выровненному и украшенному полированным перламутром форштевню прикрепляют с обеих сторон стилизованные резные изображения акулы, а к корме — такие же изображения фрегатов.

Орнамент, расположенный в две линии вдоль всей лодки, также состоит большей частью из фрегатов, выложенных из кусков перламутра.

Украшение лодки продолжается нередко значительно дольше, чем само ее сооружение. Поэтому я не просиживала все время около Доравиви, а ежедневно приходила в свое укрытие и следила за тем, что происходит среди *малаоху*. Отец был занят своими исследованиями и записью легенд, которые ему пересказывали аборигены. С утра до вечера бродил он между селением, площадкой, где строились лодки, и ритуальными домами бониты, а потому в лес меня иногда провожал Анджей.

Как он изменился! Все так же внимателен и деликатен, но временами заключает меня в объятия, как свою собственность, и целует. Вероятно, вернемся в Польшу уже как супруги, хотя пока я еще не совсем уверена, люблю ли его так сильно, чтобы связать свою судьбу с ним на всю жизнь, или это просто местный климат разжигает мою страсть. Я честно сказала, что ему очень симпатизирую и, если ни он, ни я не разочаруемся друг в друге, стану его женой.

Из своего тайника я следила за участниками посвящения, а когда погода благоприятствовала, то снимала на фотопленку все, что удавалось. Посылаю тебе несколько снимков как доказательство, что не трачу попусту ни пленку, ни фотобумагу. На первом ты увидишь нескольких подростков в праздничном одеянии. Эти мальчики прибыли из разных селений и даже с соседних островков, но между ними нет большой разницы. Как видишь, вся их одежда — это весьма искусно сплетенные пояса из разноцветных ракушек и красные набедренные повязки, а на запястьях и голенях — манжеты также из разноцветных ракушек. Выше над локтями видны широкие браслеты из раковин тридакны или крупных океанических моллюсков, а еще выше — наплечники, вышитые красивыми узорами из белых, красных и черных ракушек. Ниже колен у всех повязки из раковин, застегнутые посередине большой белой полированной пластинкой, на которой вырезаны символические фрегаты и знаки, так называемые *ха'а ли'ули'у*. На груди у одних — круглые, а у других — полукруглые диски из толстого полированного перламутра, из-под которых выступают кончики разноцветных ожерелий, отделанных клыками летучих собак или морских свинок. Некоторые под-

ростки отделяют эти ожерелья зубами хищных рыб или диких собак. Все носят мастерски выполненные серьги. На лбу у мальчиков — повязка из больших полированных белых раковин. Волосы посыпаны слоем извести; в них воткнут высокий гребешок в виде суживающихся кверху трех палочек, каждая заканчивается пышной свисающей кистью из окрашенных в красный цвет волокон.

На головах двух мальчиков, стоящих с краю (гребешки они уже вынули), — миски с едой, доставленной им из селения; другие подростки держат в руках ритуальные копья из твердого красного дерева. Заусеницы острия, асимметрично вырезанные в древке, украшены у основания пучком волокон из цветных папоротников особых сортов.

На третьем снимке виден почти полностью законченный помост. Уже теперь вожди селений складывают сюда фрукты и орехи, позднее они принесут на помост и другие съестные припасы. К сожалению, снимок черно-белый и не отражает всего великолепия красок, которыми расписано это сооружение. Так, опорные столбы помоста окрашены белой, красной и черной красками, а их верхняя обшивка — желтой. На ней видны черные стилизованные изображения меченосов. Над этим обрамлением возвышается невысокая решетчатая стенка из реек, уложенных косо, с интервалами, украшенная на всех четырех углах огромными резными по дереву изображениями тунцов. Говорят, что фигуры тунцов содержали в прежние времена реликвии, но теперь, очевидно, они служат лишь декоративным украшением. К помосту ведут ступеньки, по которым мальчики поднимутся, чтобы представиться старшим, собравшимся на пир.

Анджей показал мне свои снимки помоста, сделанные со стороны моря, а поэтому недоступные для моего объектива. На них видны две деревянные фигуры, изображающие необычайно рослых женщину и мужчину. Говорят, это олицетворение каких-то духов, стерегущих разложенную на помосте еду или же другой вход на помост, у которого они стоят.

На шестом снимке видна двенадцатилетняя девочка, увешанная целой массой снизок из раковин. На голове у нее диадема, в ушах — серьги типа «эхо», а на животе — узорчатый пояс. Посмотри на ее щеки и обрати внимание на искусно выполненные треугольные украше-

ния из красных раковин, соединенные двумя тоненькими нитками с нанизанными на них пластинками.

Посылаю тебе фотографии отца и Анджея за работой, а также несколько случайных дорожных снимков. Может быть, они дадут представление об окружающей меня буйной тропической растительности. Если удастся, привезу в Польшу полнометражный цветной фильм, на просмотр которого заранее тебя приглашаю.

Сидя в укрытии, я становлюсь порой свидетельницей самой сокровенной жизни леса. Так, однажды, когда я установила телеобъектив на фотоаппарат, укрепив его на штативе, то неожиданно услышала поблизости звук, похожий на басовитое кудахтанье курицы и хрипкое кваканье остроголовой лягушки — очень интересной разновидности, встречающейся, как говорят, только на Соломоновых островах. Хотя лягушка широко распространена на Улаве, я видела только один экземпляр этого земноводного, вернее, его чучело, установленное на витрине коллекции пастора Фокса. Пастор рассказал мне, что эта лягушка с остроконечной треугольной головой так хорошо сливается с корой местных деревьев, на которых проводит большую часть жизни, что обнаружить ее можно лишь в том случае, если неожиданно коснешься рукой ствола. Представь себе, как я обрадовалась, полагая, что увижу прыгающей где-то на ближайшем дереве эту недосыгаемую для меня до сих пор лягушку. Я тихонько съежилась в моем укрытии и внимательно огляделась.

Через две-три минуты крик повторился и одновременно послышался громкий шелест, словно кто-то сгребал сухие листья. Разумеется, шум этот не мог исходить от маленькой, всего в восемь сантиметров длиной, лягушки; источником его было какое-то другое, более крупное существо. «Быть может, это дикая собака», — мелькнула у меня мысль, и мурашки поползли по спине. Вскоре я сообразила, однако, что у этого хищника отличное обоняние; он несомненно ощутил бы мое присутствие и, вместо того чтобы валяться рядом на листьях, попытался бы потихоньку убраться с опасного для него места. Предусмотрительно накрыв голову большим увядшим банановым листом, я осторожно выглянула из своего тайника.

Вокруг простирался высокоствольный лес, перемежавшийся столь густыми кустарниковыми зарослями, что,

кроме сплетенной листвы, из-под которой проглядывали коричневые полосы стволов и стеблей, я ничего не могла разглядеть. Разочарованная, я уже собралась перевести взгляд в сторону моря, как вдруг все тот же хриплый крик повторился где-то очень близко, а вслед за ним зашелестели сухие листья. Я оцепенела, а затем, пользуясь тем, что шелест все продолжался, начала потихоньку раздвигать пальцами окружающую меня листву. Когда наконец мне удалось убрать последнее препятствие в виде огромного листа болотного таро, передо мною открылась поляна, посередине которой стояло большое каучуковое дерево. Под его стволом я увидела широкую и довольно высокую кучу листьев, а на ней большого мегалопа. Если бы птица стояла на земле, то я, вероятно, не заметила ее, так как светло-коричневое оперение полностью сливалось с широкими, плоскими, как доски, корнями дерева. Мегалоп, повернувшись хвостом ко мне, могучей лапой выкапывал ямку в бугре. Вскоре он вновь закудахтал. На зов мегалопа из чащи прибежала самка, размером несколько меньше его и значительно более хрупкая. Мегалоп нахохлился, широко расправил коричневато-серые крылья, грузно спрыгнул с бугра, обежал, приплясывая, вокруг курицы, а затем тяжестью всего тела прижал ее к земле. Через мгновение, встряхивая перьями, он уже стоял рядом, а курица ловко вскарабкалась на бугор и снесла яйцо. Затем она бережно захватила его лапой и положила в ямку. Самец прикрыл гнездо тонкими ветками, корой и корешками, а сверху забросал толстым слоем листьев. Какое-то время вместе с подругой они осматривали сделанную работу, а затем исчезли в густых зарослях.

Когда вечером я рассказала о своих наблюдениях мужчинам, отец объяснил, что мегалопы сами не высиживают яйца, а закапывают их в горячий прибрежный песок или попросту используют для этой цели тепло, выделяющееся при испарении влажных листьев, которые они сгребают в большие кучи. Говорят, сооружением таких куч занимаются только самцы, целыми месяцами собирая листья, и, после того как куры положат в них яйца, поддерживают там необходимую температуру в течение нескольких недель.

Анджей очень обрадовался, узнав, что я нашла гнездо мегалопа, так как коллекционирование яиц — одно из его довольно многочисленных хобби. На следующий день

он пошел со мной и вынул одно яйцо из гнезда, чтобы пополнить свою богатую коллекцию. В гряде листьев мы обнаружили уже девять яиц; все они были уложены ровненько, одно к одному, и воткнуты суженным концом в песчаную подстилку под кучей листьев. Вряд ли можно считать, что курица укладывает яйца торчком сознательно, скорее всего она делает это инстинктивно. Хотя яйца достигают примерно девяти с половиной сантиметров в длину, их скорлупа столь тонка и хрупка, что лопнула бы, если расположить яйца в гнездах так, как это делают другие птицы.

Едва Анджей успел засыпать кучу листьями, как на полянке появился мегапод. Нам показалось, что мы застигли его врасплох, но вскоре наросты на шее птицы надулись, из пурпурных стали лиловыми, мегапод нахохлился и, пронзительно кудахтая, прыгнул в нашу сторону. Я думала, что он кинется на нас и начнет долбить своим сильным клювом, но мегапод повернулся, крепкой лапой сгреб землю и стал швырять в нас песок, камешки и кусочки коры. Он проделывал это так ловко и метко, что я едва успевала прикрывать лицо и глаза руками, однако сильные удары камешков ощущала по всему телу. В значительно худшем положении оказался Анджей: он не мог прикрыть лицо, так как держал в руках драгоценное яйцо, и буквально в одно мгновение его голова и тело покрылись песком. Я схватила беднягу за руку и почти силой заставила бежать. Он спотыкался о корни, несколько раз чуть не падал, но яйцо из рук не ронял. Впоследствии, уже в палатке, когда я промыла ему глаза и Анджей смог наконец взглянуть на белый свет, он прежде всего посмотрел на добытое им яйцо и, лишь вдоволь налюбовавшись им, улыбнулся мне!

Несколько дней спустя я встала утром совершенно разбитая. Все небо затянуло темными, свинцовыми тучами, и было так душно, что, пока я добралась до заливчика, пот стекал с меня ручьями. Я взглянула на океан. Его волны показались мне совершенно черными; они лениво качались, словно залитые густым маслом. Я сбросила купальный халат на горячий песок побережья и погрузилась в нагретую воду. Чайки и крачки, сидевшие на коралловых скалах, поднялись с оглушающим криком и начали стайками кружить надо мною, как бы желая отвадить от купания. Пытаясь избавиться от

них, я нырнула вглубь и через мгновение всплыла на поверхность почти у самого кораллового барьера. Еще несколько сильных движений — и я очутилась у высокой скалы, верхушка которой выдавалась над коралловой осыпью в виде башенки высотой в несколько метров.

Скала была вся в расщелинах; в каждой ямке или углублении гнезилось множество разнообразных крабов, которые при моем приближении разбегались в стороны или попросту скатывались в море. Я быстро вскарабкалась на скалу и удобно уселась на ее сплюсненной верхушке, слегка наклоненной к морю.

Каменная башня оказалась значительно выше, чем я сначала предполагала. С одной стороны с нее открывался обширный участок океана, лениво перекатывавшего свои волны, с другой — виднелись черные, почти неподвижные воды заливчика, а дальше, несколько левее, — участок, предназначенный для купания женщин. Неожиданно я заметила, как несколько девушек, появившихся из-за кустов, остановились на высоком берегу, что-то высматривая в безбрежной дали океана. У меня отличное зрение, но сначала я долго ничего не могла увидеть и, лишь присмотревшись, заметила несколько неясных коричневых полосок, похожих на рыбацьи лодки. Мне было известно, что вчера рыбаки отправились на отмели, расположенные между островами Улава и Трех сестер, для ловли трепангов, но я полагала, что они уже давно вернулись домой. В лодках, должно быть, находились очень сильные гребцы или же их было много, так как суденышки приближались довольно быстро. Они то и дело исчезали из виду в широких бороздах океана, но вскоре их стало уже отчетливо видно.

Внезапно подул сильный ветер. Он хлестнул по скале с такой силой, что, пожалуй лишь инстинктивно прижавшись к шершавому кораллу всем телом, я удержалась на каменной поверхности. Неожиданно ветер угас. Стало так тихо, что даже в ушах зазвенело. Чайки и буревестники исчезли с коралловой осыпи, где они обычно сидели, не слышно было ни курлыканья перелетных голубей, ни сварливых криков зеленых попугаев в близлежащем лесу. Эта тишина или, быть может, почти совершенно черное небо, которое, казалось, полностью сливалось со столь же темным океаном, произвели на меня настолько жуткое впечатление, что я безотчетно скатилась в заливчик. Правда, это движение стоило мне

сломаных ногтей, стертых до крови кончиков пальцев и ушибленных коленок, но я не обратила тогда внимания на кровоточащие ранки, так как стремилась поскорее очутиться среди людей.

Не успела я доплыть до середины заливчика, как вновь налетел вихрь. Теперь это был уже настоящий смерч, поднявший целую тучу листьев, обломков деревьев и иссохших ветвей. Он закружил их, вздыбил в одно мгновение воды заливчика и с ужасным грохотом ударил по коралловому барьеру. Я заметила, что мой купальный халат поднялся как вздутый парус в воздух и исчез где-то далеко в океане. Следующий порыв ветра швырнул в заливчик несколько крупных ветвей, отломившихся от хлебного дерева или канарского ореха, и вспенил воду. Что-то большое и тяжелое со свистом пролетело над моей головой и ударило по воде с такой силой, что она брызнула гейзером вверх, а вихрь раздробил неизвестный предмет на мелкие щепки и тут же унес с собою. Вскоре ничего, кроме адского воя и дикого свиста (его, как я выяснила впоследствии, вызвал ураган, гуляя по многочисленным расщелинам кораллового рифа-башенки), уже не было слышно.

Как я очутилась на берегу, наполовину засыпанная песком, разбитая, измученная и обессиленная, этого я уже не помню... Кажется только, что среди разбушевавшейся стихии я боролась за жизнь не столько сознанием, сколько повинуюсь простому инстинкту самосохранения.

Не знаю, долго ли я лежала, лишенная каких бы то ни было мыслей, но, когда ко мне вернулось сознание, поразила и испугалась, поняв, что полностью засыпана песком и не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Когда я сумела все же освободить сперва одну, а затем и другую руку, то обнаружила, что не задохнулась под этой насыпью лишь благодаря крупным листьям хлебного дерева, которые каким-то чудом прикрыли мне лицо и голову. Однако мне пришлось приложить немало усилий и труда, чтобы освободиться от песка, так как на моих коленях лежала огромная, тяжелая ветвь. Когда наконец я выбралась из-под всей этой насыпи, чуть было не ставшей моей могилой, то с ужасом, но и с большим облегчением увидела, что вихрь швырнул на меня огромную ветвь, отломанную от хлебного дерева. Эта ветвь спасла меня от смерти, но с таким же успехом

могла и убить, так как упала на песок совсем рядом и затем опрокинулась на меня, а одна из веток с листьями прикрыла мне лицо. Купальный костюм, увы, разорвался в клочья, а натянуть даже эти жалкие лохмотья я была просто не в состоянии.

Пролежав некоторое время на берегу, я стала размышлять, что же мне теперь делать. Возвращаться в селение я не могла, так как ветер дул с такой силой, что буквально валил с ног и захватывал дух. Впрочем, если бы даже мне удалось каким-то образом добраться до хижин, то можно себе представить, какое зрелище представила бы для местных жителей совершенно обнаженная белая девушка! К счастью, я вспомнила в этот момент, что где-то наверху, на территории, предназначенной для женщин, я видела нескольких девушек. Их общество казалось мне в этот момент спасением. Они могли, правда, успеть скрыться еще перед бурей, но такая возможность представлялась маловероятной. Уже слишком коротко было затишье, чтобы успеть пробежать хотя бы с полсотни шагов.

Я собрала все силы и вскочила на ноги. Хотела вскарабкаться на обрыв и укрыться за растущими на его краю кустами. Но стоило мне сделать первый шаг, как сильнейший порыв ветра свалил меня с ног, и я вновь растянулась на песке. Затем перекатилась несколько метров, поранившись колючими раковинами и кораллами, пока наконец мне не удалось удержаться за выступавший из земли пень, которого я раньше ни разу здесь не замечала. Этот опыт доказал мне, что при ураганном ветре я ничего не сумею сделать, стоя на ногах. Поэтому я медленно поползла, стараясь защитить глаза и рот от песка. Такой способ передвижения оказался более удачным: хотя на меня сыпались кучи песка, камней и обломков деревьев, швыряемых резкими порывами ветра и причинявших мне нестерпимую боль, я все же оказалась на откосе. Теперь требовалось, однако, следить, чтобы вихрь не оторвал меня от земли и не швырнул на коралловую осыпь, где свирепствовала разбушевавшаяся стихия. Я ползла словно змея, цепляясь пальцами за каждую щель, каждое углубление, пыталась опереться на каждый нащупанный мною камень, пока наконец, к великому счастью, не ухватила пальцами за ветви какого-то куста. Еще одно движение — и я окажусь на откосе...

Ухватившись левой рукой за куст, я оперлась правой на выступавший из-под земли коралл, который залегал, должно быть, глубоко в грунте, так как даже не дрогнул, когда я попыталась сдвинуть его с места. Держась за коралл, я выпустила куст из левой руки, чтобы схватить другой, более крупный, находившийся всего в полуметре от первого. Но в это мгновение коралл треснул у меня в руке, и вихрь смел меня с откоса, как соломинку. Я перекувырнулась, пожалуй, раз двадцать и ударилась о какой-то твердый предмет так сильно, что долго не могла сообразить, что случилось. Когда наконец сознание вернулось ко мне, я никак не могла открыть глаза, так как под веки забился песок. Рот также был полон песка, а на небе ощущался привкус травы. К счастью, я могла дышать носом, вернее, одной ноздрей, так как вторая была забита чем-то твердым. Я попыталась двинуть руками и ногами. Несмотря на ужасную боль, стало ясно, что они целы... Дотронуться до какой-либо части тела я была просто не в состоянии, так как оно было втиснуто во что-то хотя и гнущееся на ветру, но зажавшее меня, словно в клещах.

Я долго ломала голову, пытаюсь оценить свое положение, потом решила действовать. Обеими руками я начала шарить по сторонам. Сначала ничего не попадалось, но вот кончиками пальцев правой руки я зацепилась за какую-то ветку или сухой стебель. Вскоре в руке оказался тонкий, но крепкий и эластичный прут куста, очень распространенного на этом побережье. Я попробовала согнуть руку в локте, а когда это удалось, решила коснуться пальцами лица. Тут, однако, я наткнулась на какое-то препятствие, которое не давало руке двинуться дальше. Я начала теперь манипулировать левой рукой, и после долгих усилий, сопровождаемых болезненными уколами и царапинами, мне удалось все же коснуться лица. Прежде всего я очистила рот от песка, а затем слегка помассировала веки. И это помогло! К счастью, со слезами уплыли песчинки, причинявшие мне адскую боль. Наконец я смогла раскрыть глаза, хотя это оказалось весьма болезненным.

Над собой я увидела сперва черные тучи, которые ветер гнал с бешеной скоростью, затем согнутые ураганом побеги куста и, наконец... Я закрыла, а потом вновь открыла глаза, желая убедиться, что это не сон, а явь. Вихрь швырнул меня в самую середину широко развет-

вленного куста, вросшего своими корнями в край обрыва у высокого берега, под которым с ревом и грохотом катились волны. При каждом порыве ураганного ветра куст сгибался все сильнее, и казалось, что он вот-вот свалится со мною в бездну разбушевавшегося океана...

Пришла пора спасать жизнь от страшной угрозы! Моя левая рука оказалась совершенно свободной, и я схватилась ею за несколько прутьев куста, пытаясь слегка приподнять тело. Мне удалось немного отодвинуться назад, но тут я поняла, что мою правую руку зажало между двумя ветвями. Нужно было каким-то образом освободить ее из этой ловушки. Я начала изгибаться, как змея, а затем стала производить все известные мне гимнастические упражнения, пока, наконец, мне это не удалось! Гибкая ветвь выстрелила подо мною, словно ракета, оставив кровавый рубец на ягодицах. Невзирая на адскую боль, я радовалась тому, что обе руки теперь свободны!

Дальше пошло уже легче. Наученная горьким опытом, я старалась по возможности уберечься от ветра. Во всяком случае, необходимо было сначала подыскать себе подходящее убежище. Обрыв был еще слишком близок, чтобы забыть о морской пучине. Дюйм за дюймом сползала я с куста, не обращая внимания на острые сучья, которые ранили мне спину, а потом ползла на животе к находившимся позади зарослям. Они крепко вросли в грунт, поэтому я отдохнула под их сенью, а затем двинулась дальше. Тут кустарник был уже гуще и рос целыми группами, так что ветер дул не так сильно. Правда, несколько раз мне приходилось связывать волосы, которые так стегали меня по лицу и спине, что я дала себе слово подрезать их, как только доберусь до лагеря.

Ползая среди кустарников, образующих густые, плотные заросли, я вдруг услышала сквозь вой ветра какие-то голоса. Не раздумывая ни минуты, я рванулась через чащу и, очутившись в окружении знакомых девчат из О'у, разревелась, как маленькая. Потом что-то случилось со мной, так как я больше ничего уже не слышала и не чувствовала...

Когда я наконец немного пришла в себя, то увидела склонившееся надо мной лицо... Лилиекени. Голова моя находилась на ее коленях, а она какой-то мягкой губкой или пучком волокон стирала песок с моего кровоточащего тела. Лилиекени делала это так заботливо и деликат-

но, что самая нежная мать не сумела бы помочь мне лучше. Глубоко тронутая добротой этой красивой темнокожей женщины, я обняла ее и сердечно поцеловала. Окружавшие нас девушки даже ахнули, увидев такую незнакомую им ласку. Лилиекени казалась очень смущенной и долгое время сидела совершенно неподвижно, только ее пухлые губы сложились словно для поцелуя.

После краткого и неловкого молчания девушки занялись моим несчастным искалеченным телом. Они вытащили все колючки и занозы, прочистили раны, щебеча наперебой, словно стайка красных попугаев. Хотя они говорили очень быстро, кое-что я все-таки уловила. Оказывается, девушки заметили возвращавшихся после ловли рыбаков, но в этот момент налетел ураган. Они видели, как лодки отбросило ветром далеко от берега, как они попали в водоворот огромных волн, которые швыряли их, как скорлупу кокосовых орехов. Затем некоторые лодки исчезли из виду: видно, их отнесло далеко в океан. Остались только четыре с четырьмя гребцами каждая, которые быстро приближались к берегу. Но тут случилось что-то неладное, три лодки начали быстро тонуть, а на четвертой гребцы стали топорами отрубать *хаку*, изготовленный из легких досок. Вскоре и эта лодка исчезла в морской пучине, но теперь на гребне большой волны появились трое людей, судорожно вцепившихся в форштевень лодки. Девушки не успели заметить, сумели ли спастись эти трое, так как ветер чуть не унес их самих в море. Ураган достиг такой силы, что им пришлось лечь на песок, тесно прижавшись друг к другу, а затем общими силами кое-как доползти к развилыстым зарослям. Найденными здесь раковинами моллюсков они выкопали в земле широкую яму, которая и стала их убежищем.

Нам не оставалось ничего другого как дожидаться в этой яме, пока ураган не утихнет, но конца ему не было видно. Ветер проносился над нами, уныло завывая, а временами раздражался столь пронзительным и злым хохотом, что я ежилась от страха. Девушки сидели, сбившись в кучку, и непрерывно о чем-то тараторили, а мне становилось все хуже и хуже. Сперва это был лишь легкий озноб, затем он настолько усилился, что я начала стучать зубами. Вскоре все мое тело стало обливаться холодным потом, и, наконец, началась адская головная боль. Почувствовав странную тяжесть во всем теле, я впала в какое-

то безразличное состояние. Что-то, видно, затмилось в моем мозгу, так как я временами видела над собою то лицо одной из девушек, то склонившуюся надо мною... Мюриель.

Очнулась я в каком-то холодном и темном помещении. Пыталась подняться, но безуспешно: меня чем-то словно пригвоздили к месту. Не стало больше ни воя ветра, ни ударов камней, зато откуда-то издали, как будто за стеной, доносился писк каких-то резвых птичек, которым вторило басистое, пылкое воркование голубей. Постепенно глаза привыкли к темноте, и я с изумлением увидела над собой листовенную кровлю хижины, а слева — стену, покрытую пальмовыми листьями. Я не успела еще ничего понять, как надо мной склонилось детское личико... Даниху. Девочка внимательно посмотрела, затем радостно улыбнулась... и сразу же исчезла, как привидение. Но вот где-то сзади скрипнула дверь, и вскоре меня окружили люди, в том числе Мюриель, отец и Анджей. Позади них я увидела Лилиекени и еще нескольких женщин и девушек. У всех исхудалые лица и покрасневшие, словно от бессонницы, глаза, но они улыбались мне, и в их взорах сквозила радость. Я хотела протянуть руки, но только теперь поняла, что лежу вся забинтованная на раскладушке. Двинуться я не могла. Тут послышался тихий, ласковый голос Мюриель:

— Лежи спокойно, дорогая! Все обстоит хорошо! Через несколько дней поправишься, но теперь ничего не говори, ни о чем не думай, только отдыхай!

Предупреждение оказалось излишним, я была так слаба, что только рот расплылся в улыбке, а потом, видно, снова впала в забытие, так как все лица тут же растворились, как во мгле...

Очнулась я внезапно, в полном сознании и, как мне показалось, почти совсем здоровая. Первая, кого я увидела около своей кровати, была Мюриель. Сперва я подумала, что снова впала в бред, но сидевшая в кресле фигура улыбнулась, встала, склонилась надо мной и поцеловала в лоб. Я поняла, что это не галлюцинация, а реальная действительность!

С этого дня я стала быстро поправляться. Казалось, будто каплю за каплей кто-то вливал в меня животворный эликсир. Ко мне возвращались силы, аппетит и хорошее настроение. В хижине собирались теперь самые

близкие мне люди и осторожно рассказывали о том, что произошло в селении. Часто заходили местные женщины и девушки, каждая приносила какой-либо гостинец, например вкусную рыбешку или какую-нибудь исключительно красивую раковину. Столько доброты от этих людей я никак не ожидала, ведь я, собственно, ничем ее не заслужила.

Я узнала, каким образом Мюриель очутилась в О'у. В тот памятный день ураган сильно разрушил селение. С одних домов ветер сорвал крыши, в других выбил стены или совершенно стер хижины с лица земли. Уцелели только те, что находились среди рощ коксовых и арековых пальм, хотя и там падавшие орехи наделали немало бед. Наши палатки вихрь разорвал в клочья, но группа юношей бросилась помогать отцу и спасла большую часть коллекций и снаряжения, а Анджей сумел сохранить мои кинокамеры, фотоаппараты и пленку. Зато почти полностью погибла моя химическая лаборатория, так как ураган расколол всю посуду, а ее осколки даже поранили кое-кого из спасателей.

К вечеру, когда буря утихла, девушки принесли меня на руках в бессознательном состоянии в селение. Отец сперва даже не поверил, что я могла так пострадать. Он тотчас же занялся мною, в чем ему больше всех помогала Лилиекени, предложив нам поселиться в ее новом доме. Правда, хижина лишилась в бурю половины кровли и одной стены, но такие вещи не представляют на Улаве проблемы, если вблизи растут саговые пальмы, листья которых позволяют легко и быстро исправить повреждения. Оказалось, однако, что для меня и других раненых срочно необходимы инъекции противостолбнячной сыворотки, а нашу аптечку вдребезги разбило о коралловые рифы.

За сывороткой и другими медикаментами Анджей отправился в Моли в сопровождении одного из юношей. Они шли пешком по тропинкам, проложенным вдоль восточного побережья острова, и по всей первой половине маршрута вплоть до селения Моута встречали разрушения. Ураганный ветер вырвал деревья с корнями, уничтожил рощи канарских орехов, поломал кустарники, а селение Суухоло почти сровнял с землей. Зато находящееся всего в нескольких километрах от Моуты селение Уво оказалось нетронутым, а дальше к северу люди жили все это время спокойно, недоумевая только,

почему это океан так бушует, что невозможно спустить на воду лодки. В Моли Анджей зашел к Фоксам, которые несколько часов назад слышали об урагане по радио из Киракира, главного города острова Сан-Кристоваль. Радиостанция, как говорят, предупредила население о тайфуне, надвигавшемся откуда-то с южного побережья Новой Гвинеи, но об этом мало кто знал, так как на Сан-Кристовале, как и на других Соломоновых островах, радиоприемники имеют большей частью лишь европейцы да некоторые китайцы. На Улаве же насчитывается не более трех или четырех приемников.

Мюриель очень взволновала моя болезнь. Тотчас же она уложила всю свою аптечку в автомобиль и вместе с мужем, Анджеем и его спутником выехала в О'у. Они ехали по западному шоссе и близ Нипо наткнулись на следы урагана. Мои друзья изрядно намучились, убирая валявшиеся на дороге обломки деревьев и камни, но в конце концов добрались до цели. Жена пастора ужаснулась, увидев меня, и сделала тотчас же несколько инъекций, а раны и ссадины помазала бальзамом, настоем на местных растениях. Через несколько дней тело мое стало заживать, остались лишь струшья и красные рубцы.

За время моей болезни для нас выстроили прекрасный домик, что-то вроде легкого бунгало. Каждый из нас имеет теперь свою комнатку, а перед домом устроена широкая веранда, на которой я отлеживаюсь после болезни и пишу теперь тебе, так как Мюриель выезжает через несколько дней на остров Гуадалканал, где проведет жаркий сезон в горах. Она уговаривала и меня поехать, но я не хочу оставлять отца и... Анджея одних. Впрочем, мне нелегко было бы покинуть теперь также и местных жителей О'у, которые так сердечно отнеслись ко мне.

Только что узнала новость. Мюриель уезжает уже завтра, поэтому кончаю это несколько длинное письмо и обещаю тебе написать новое как можно скорее.

Крепко целую тебя и жму руки, всегда преданная тебе

Аня

Р. С. Мюриель с ужасом рассказала мне, что за последние несколько месяцев на некоторых островах архипелага бесследно пропали более десяти девушек и моло-

дых женщин. Вначале полагали, что это дело рук островитян, но предположение оказалось ошибочным. Дознание по делу продолжается.

А.

6.

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ О'У

Дорогая Ева!

Последнее мое письмо было несколько хаотичным, так как я писала его, будучи еще очень слабой после полученных травм, кроме того, у меня был приступ тропической малярии, в чем я сама виновата, так как не воспользовалась никакими профилактическими средствами. Теперь я уже совсем здорова и продолжаю заниматься нашим скромным домашним хозяйством и фотографированием.

Так называемые официальные круги охарактеризовали ураган на Улаве как слабый. Однако он причинил немалый ущерб жителям южной части острова. Говорят, ураган прокатился полосой шириной в несколько десятков морских миль и опустошил значительную часть Марика (Сан-Кристобаль), островки Уги, Био и Трех сестер, а кроме того, южный мыс Марамасике, не говоря уже о нашем острове. На западном побережье Улавы были уничтожены селения Ахия и Мварада, а также рыболовная пристань на мысе Арона. Морские волны вторглись на десять-двадцать метров в глубь суши, снесли множество хижин, уничтожили немало деревьев и огородов. Человеческих жертв почти не было, так как жители спаслись бегством в расположенные выше районы. Стало, однако, известно, что рыбаки, поплывшие на отмели, расположенные между Улавой и островками Трех сестер, для ловли трепангов, вероятно, погибли. Даже те, которым, по словам наших девушек, удалось ухватиться за форштевень лодки, также, по-видимому, утонули, так как до сих пор о них ничего не было известно. Отмели, на которых они ловили рыбу, вообще пользуются дурной славой: когда-то в этом месте во время землетрясения в пучине океана исчез островок Тего. Как утверждает молва, только несколько человек успели тог-

да спастись и доплыть до восточного побережья Сан-Кристобаля, остальные утонули в разбушевавшихся волнах.

В прежние времена на острове объявили бы траур. В течение нескольких месяцев люди не отваживались бы ремонтировать ни хижины, ни лодки, но теперь на это смотрят иначе. Жители О'у понимают, что хотя море и кормит их, но порой требует жертв, поэтому они оплакивают потерю близких, однако жизнь продолжает идти своим чередом. Только вдовы бреют головы, надевают своего рода чепчик из красных ракушек *сисиле*, обвязывают запястья снизками каури, воздерживаются пить воду из ручьев и речушек, пользуясь взамен исключительно дождевой, которую собирают в сосуды или же находят в дуплах деревьев и поломанном бамбуке. Им нельзя есть ямс и приходится довольствоваться съедобными листьями или же печь на угольках так называемый свиной ямс — самые низкосортные, незрелые короткие корешки этого растения. Во время траура вдовы не купаются, весь первый месяц одиноко сидят в маленькой каморке, устроенной в хижине, и не показываются на глаза ни домочадцам, ни посторонним. К счастью, траур для вдов простых, не именитых людей длится только три месяца, после чего им разрешается сразу же выходить замуж, если, конечно, они еще молоды и в состоянии найти себе мужа. В худшем положении оказываются вдовы вождей или богатых людей. Срок траура для них установлен в один или два года, в течение которых кроме всех запретов им не дозволено также есть разные сорта рыб. Эти бедняжки вправе искать себе нового мужа лишь после трех лет траура!

Мужчины в этих случаях находятся в более выгодном положении, так как траур для них не обязателен. Ближайшие родственники коротко стригут волосы, а дальнейшее их уже не касается, если только, конечно, покойник был рядовым членом общества.

Поскольку местные жители верили — искренне или притворно, — что рыбаки утонули во время урагана вследствие дурного расположения духа моря Вавеке или Пуа Тангалу, которые нередко вызывают волнение на отмелях и топят лодки, обоим духам преподнесли в качестве жертвы по несколько клубней ямса, после чего все спокойно принялись исправлять повреждения. А их было немало. Пострадали не только хижины и ограды,

но, что хуже всего, оба дома ритуальных лодок и помост, на котором мальчики *малаоху* должны были предстать перед взрослыми и где были сложены запасы продуктов для торжественного пира. С обоих домов ритуальных лодок ветер сорвал кровли, разбил и переломал все резные шкатулки для предметов культа и унес в море большое количество высушенных скелетов бониты, привязанных к стропилам. *Малаоху* и опекающие их мужчины спасли ритуальные лодки, а помост пришлось восстанавливать заново, так как ураган сильно повредил его, поломал резные украшения и смел запас оров, заготовленных для пира.

Помогать восстанавливать оба дома сакральных лодок и помост прибыли все мужчины с других островов, сыновьям которых предстояло пройти обряд посвящения в О'у. С тех пор как море успокоилось и волны вновь мягко катились по океанской глади, в наше селение почти ежедневно приплывали большие, многоместные лодки с других островов архипелага. Встреча лодок происходила в соответствии со старинным обычаем, установившимся на Соломоновых островах. Как только какая-нибудь посторонняя лодка появлялась в прибрежных водах, дозорные нашего селения тут же оповещали об этом местных жителей, трубя в рог, сделанный из огромной раковины тритона. По сигналу рога пожилые и молодые воины, вооруженные палицами и тяжелыми боевыми копьями, выбегали на побережье и наблюдали за продвижением чужих лодок. Заметив, что такая лодка направляется к одному из причалов в селении, все сразу же прятались в прибрежных кустах или среди коралловых рифов, где и ожидали пришельцев. У причала оставался лишь вождь или какой-либо другой видный и почтенный мужчина, в обязанность которого входило следить за намерениями чужестранцев. Конечно, вся эта строгая и необычайно колоритная сцена церемониального «ожидания врага» кончается радостной встречей гостей, на форштевне лодки которых хозяева подвешивают снизу ценных раковин. Воины выскакивают из своего укрытия, громко вскрикивая и взмахивая палицами, но при этом приветствуют гостей со всей сердечностью.

Лодку гости втаскивают на песок, а затем подбрасывают несколько раз в воздух, демонстрируя этим свою силу и ловкость. После такого спектакля все вместе на-

правляются в дома для холостых мужчин, где заранее приготовлены помещения для гостей.

Нас, европейцев, поражает эта необычайно колоритная и полная какой-то дикой выразительности сцена встречи. Конечно, здесь играют свою роль старые традиции, когда к побережью Улавы прибывали лодки с воинами с далеких островов архипелага с целью грабежа или попросту за... невестами. И вот теперь, как и в прежние времена, жители селения встречают чужие лодки, вооружившись, как подобает воинам, тяжелыми резными палицами из пальмового дерева. Их лица и торсы исчерчены белыми известковыми полосками, причем рисунок на лице начинается на висках, охватывает глаза и кончается на подбородке. Такая раскраска носит название «трясогузка», видимо, в честь одноименной птички, которая подпрыгивает и отклоняет голову подобно тому, как это делают воины, уклоняясь от ударов копий. Орнамент на торсе выведен пальцами вертикальными полосками (впрочем, большинство воинов пользуются для этой цели стеатитом). Плечи они украшают широкими тяжелыми браслетами из раковин тридакны, грудь — дисками из отшлифованного перламутра, а голени — манжетами из разноцветных ракушек. На голову надевают венки из вертикально сложенных листьев пандануса, а бедра украшают повязками из таких же листьев. Подобным же образом наряжены и гости, только украшения из раковин у них значительно богаче и красочнее.

Разместив приезжих в отведенных им помещениях, гостей потчуют горячей свиной, испеченной на раскаленных камнях, а также пудингом из ямса, смешанного с миндалем. После этого пиршества им предлагают отдохнуть в приятном обществе нескольких девушек, специально приглашенных для этого с Сан-Кристобаля или других островов.

Отец и Анджей, проводившие много времени с *малатоу*, собирая всевозможные легенды, заклинания, обычаи и описывая наряды островитян, рассказывали мне вечерами, что дома ритуальных лодок и помост будут вскоре восстановлены во всей красе и начнется празднество, посвященное ловле бониты. Пока что, однако, косяков рыбы в близлежащих водах не обнаружено, несмотря на то что океан успокоился. Старые, опытные рыбаки утверждают, что ураган нарушил обычные мар-

шруты рыб, но, поскольку уже появилось много летучих рыб, можно ожидать и появления бониты.

Мой тайник полностью разрушила буря. Ветер свалил подмости, унес куда-то сверток, имитирующий могилу, а яма оказалась занятой одичавшей собакой, которая родила в ней щенят. Когда я заглянула в это логово, щенята, толстые, как пышки, спали сладким сном, но едва я дотронулась до них, подняли такой писк, словно с них живьем сдирали кожу. Как раз в этот момент появилась сука. Она держала в зубах загрызенного мегапода и тарасила сверкающие глаза. Потом выпустила птицу и опрометью бросилась на меня. Я держала в руке тяжелую палку из твердого дерева *хата* и чуть ли не в самый последний момент сумела отразить нападение. Удар был, видимо, ощутимым, так как сука, скуля, убежала в кусты, а я постаралась убраться восвояси. Ты подумаешь, верно, что я струсила. Да, это так. Я боялась, что визг суки привлечет кобеля, а с двумя одичавшими собаками я бы не справилась.

На следующий день я пошла к тайнику в сопровождении нескольких вооруженных мужчин, но логово уже опустело. Сука унесла и так хорошо укрыла свое потомство, что даже весьма тщательное прочесывание окрестности не дало никаких результатов.

Поскольку как женщина я не имела доступа к дому ритуальных лодок, помосту или к мужским причалам, а мне не хотелось искать новый тайник для фотографирования, то, поручив это дело Анджею, я целыми часами просиживала у старика Халу Харере, отличного резчика по дереву и мастера по изготовлению крючков для ловли бониты. Хотя у местных жителей есть прекрасные английские крючки разной толщины и размеров, тем не менее бониту они ловят исключительно крючками собственного изготовления, без бородок.

Хижина Халу Харере находится приблизительно в двадцати шагах от нашего жилища, но познакомила меня с ним его внука Даниху. Старик живет в хижине один. Он овдовел уже несколько лет назад и, несмотря на попытки многих женщин женить его на себе, останется, по-видимому, вдовцом до смерти. В пристроенном к хижине сарае резчик устроил мастерскую, где вырезает столбы, поддерживающие кровли домов ритуальных лодок, шкатулки для предметов культа в виде акул или меченосов, большие и маленькие тазы, обильно инкру-

стированные перламутром, и всякие другие предметы, услаждающие взор жителей острова Улава. Резные украшения столбов изображают обычно далеких, ставших уже легендарными предков, порой добрых духов моря и даже людей, слившихся в любовном объятии. Для работы старик пользуется топориком с изогнутым острием и несколькими долотами, с помощью которых весьма искусно вырезает на дереве характерные черты того или иного лица.

От него я узнала, что для ловли бониты рыбаки пользуются двоякого рода крючками, так называемыми *те'и* и *паса*. Первые закидываются на тонкой леске с форштевня лодки, и, если рыба клюет не сразу, рыбак делает круговое движение и снова закидывает крючок с левого борта. *Паса* — крючок, привязанный с помощью лески к толстой бамбуковой жерди, его тянут за кормой. Удилище делается из *ау пунгу* — особой разновидности бамбука, в течение ряда лет окуриваемого дымом от огня, который разводят в доме ритуальных лодок. Жердь со временем становится гибкой и столь крепкой, что даже самая большая рыба не в состоянии ее переломить.

Крючок *те'и* целиком вырезается из роговой пластинки щита черепахи, черной или золотистой раковины. Теперь это делается с помощью ножовки или напильника, в прежние же времена пользовались острой коралловой веткой. Роговые щиты черепах выгибают сперва по шаблону, а затем обрабатывают начисто. Крючки *те'и* короткие, они лишены бородак, а утолщение, с помощью которого их привязывают к леске, расположено сзади.

Крючки *паса* изготовлялись почти исключительно из толстой раковины съедобного моллюска и из зубов крупных черных окуней или клыков австралийских дюгоней. Это были простые, крепкие, широкие крючки, отделанные порой роговой черепашьей пластинкой, прикрывающей слой тунгового клея, соединяющего отдельные части крючка. Хороший крючок *паса* и по сей день считается очень ценным предметом, и вместе с *те'и* его бережно хранят в специальном кожаном мешочке, который носят у пояса. Обе разновидности крючков, изготовляемых на Улаве, всегда охотно покупались и до сих пор приобретаются жителями других островов архипелага.

Халу Харере допустил меня в свою мастерскую неохотно. По-видимому, мое присутствие его стесняло.

Я притворилась, что ничего не замечаю, и стала несколько бесцеремонно хозяйничать среди готовых уже фигурок и разных сортов дерева, сложенных заказчиками в мастерской. Я спрашивала хозяина о достоинствах того или иного материала, так как хотела вызвать его на разговор и понять, что больше всего интересует резчика. Через несколько дней лед был сломан, и мы стали хорошими друзьями.

Ты, верно, помнишь, Ева, как еще в шестом и седьмом классах мы пытались лепить фигурки из пластилина. Опыт, полученный мною во время этой забавы под наблюдением молодого инструктора, который уже тогда обращался с нами, как со взрослыми девушками, очень пригодился мне теперь. Халу Харере, понаблюдав за моими довольно неумелыми попытками резьбы на куске мягкого, бумажно-шелковичного дерева, признал у меня задатки художника и позволил работать в своей мастерской. Первой моей самостоятельной поделкой был крючок *паса*. Из твердого щита черного моллюска я выпилила простейший десятисантиметровый стержень с утолщением наверху, а к нижнему концу приклеила большой согнутый зуб дюгоня. Затем я изогнула на специально изготовленном шаблоне слегка нагретую роговую черепаховую пластинку, а когда через несколько дней она окостенела, поместила ее внизу *паса* и заклеила все это ореховым клеем. Затем я еще раз аккуратно опилила и отшлифовала крючок, пластинку внизу вычистила до блеска и вручила готовый *паса* Халу Харере. Он осторожно взял крючок пальцами, внимательно осмотрел его со всех сторон, затем привязал к верхнему утолщению бечевку, а к зубу дюгоня подвесил большой тяжелый обломок коралла. Крючок выдержал нагрузку, но, когда резчик несколько раз взмахнул этой импровизированной удочкой, словно на нее бросилась бонита, зуб отклонился от стержня и вместе с грузом свалился на пол.

Я, ничего не понимая, устала на свой испорченный «шедевр», пока тихий смех Лиликени и Даниху, которые оказались свидетельницами постигшей меня неудачи, вывел меня из оцепенения. Но Халу Харере лишь ослабил, очистил обе части напильником, пригнал зуб к стержню и связал очень тонкой, но крепкой тетивой. Затем налил на крючок несколько капель орехового клея, через два часа положил роговую черепаховую пла-

стинку на место и еще раз залил клеем. Я поняла теперь свою ошибку! Прилаженный зуб следовало сперва крепко привязать к стержню, вырезанному из раковины, и лишь после этого залить клеем! Отшлифованный надлежащим образом крючок после просушки выдерживал нагрузку приблизительно до шестнадцати килограммов, что вдвое превышает средний вес зрелой бониты.

После этого дебюта мне было разрешено хозяйничать в мастерской, как у себя дома, но я не злоупотребляла гостеприимством милого хозяина, а старалась помогать ему. Тем временем Халу Харере взялся за крупных меченосов, которые должны были украсить форштевни лодок. Кроме того, ему предстояло изготовить особые украшения и для кормы. Мы занялись было отбором подходящего дерева для резьбы, когда принесли новый заказ. Дело в том, что кровли обоих домов ритуальных лодок были уже готовы и для их отделки не хватало только фигур, изображающих духа моря Вавекке Ману, расхаживающего по волнам, и духа Нгониеру, у которого вместо головы — рыба бонита. Дух должен восседать на радуге в окружении летучих рыб. Этот заказ несколько удивил меня: насколько мне было известно, главным духом моря на Улаве считается Пуа Тангалу, а поэтому именно его изображение должно находиться в доме лодок.

Когда я спросила об этом Халу Харере, он только махнул рукой и сказал, что пантеон духов и священных акул-опекунш на Улаве столь многочислен и разнороден, что в нем трудно разобраться. Мне кажется, что в этих замысловатых вопросах лучше всех островитян, пожалуй, ориентируется мой отец!

Уже несколько дней в О'у царит большое возбуждение и радость, так как на океане были замечены целые тучи морских птиц, с пронзительным криком кружащихся над водой. Как утверждают высланные на разведку рыбаки, это объясняется появлением в океане бониты. В разных местах обнаружены такие большие косяки этих долгожданных рыб, что море буквально кишит ими, так как бонита высоко подпрыгивает за удирающими летучими рыбами, которые являются ее основным лакомством. Казалось бы, летучим рыбам грозит полная гибель, поскольку те из них, которым удастся спастись от ненасытных глоток бонит, попадают в воздухе в клювы чакек, буревестников, даже ястребов и соколов, не говоря

уже о разбойниках-фрегатах, вырывающих добычу у других птиц.

Каждый косяк бониты представляет собой согласно верованиям аборигенов «школу», состоящую из нескольких тысяч рыб. Отдельные «школы» странствуют по океану и охотятся на летучих рыб, не брезгуя при этом и каракатицами, креветками или даже родственными им самим рыбами. Нередко они сопровождают корабли; любят также общество дельфинов, одним словом, ведут беспечный, разбойничий и странствующий образ жизни. В конце концов некоторые «школы» подходят к берегам Соломоновых островов и кормятся здесь иногда более десяти дней. Островитяне верят, что каждая «школа» находится под опекой огромной акулы, причем не просто акулы-людоеда Веси, а акулы-девственницы Теку, воплощения одного из далеких предков. Она охраняет своих подопечных от других акул. Утром и вечером Теку отправляет свою «школу» за добычей, а затем скликает ее и ведет в глубь океана, где бониты безмятежно спят под защитой огромного туловища опекунши. Ввиду того что Теку — девственница, от подростков, подвергаемых обряду посвящения, требуют абсолютной физической и моральной чистоты. Однако весьма сомнительно, возможно ли соблюдение этого требования на Соломоновых островах, где половая жизнь начинается рано, а обряды посвящения *малаоху* проводятся всего лишь через каждые десять с лишним лет?

В домах ритуальных лодок и мужских клубах закипела жизнь. Мальчики в своих красочных нарядах помогали выносить священные лодки на берег, закрепляли бамбуковые жерди на корме, проверяли крепость лесок, привязывали к ним крючки. Взрослые, сильные и опытные рыбаки, которые жили в *тухи*, то есть в клубных домах, в качестве воспитателей *малаоху*, а на море должны были помогать им ловить бонит, собирались теперь на берегу и следили за тем, все ли готово к выходу в море.

Несколько лет назад, когда в О'у жил еще местный колдун, в его обязанности входило ежедневно намечать направление и даже назначать точное время выхода *малаоху* в океан, чтобы встретить там косяки бонит. Эту функцию должен был бы теперь выполнять вождь. Но он человек еще молодой и сам недавно подвергся обряду посвящения *малаоху*. Можно было пригласить для этой

цели вождя деревни Рипу, если бы он не поплыл с несколькими большими лодками на остров Малаиту, чтобы закупить там ямс и свиней для предстоящего пиршества и восполнить, таким образом, запасы, уничтоженные ураганом. На месте остался лишь Оху Сеу, один из самых уважаемых людей в О'у, которого и пригласили в качестве прорицателя.

Вечером Анджей рассказывал мне, как Оху Сеу, облаченный во все украшения, стоял на берегу и долго всматривался в затянутое дождевыми тучами небо и в океан, изборожденный высокими, бурными волнами. Время от времени его внимание привлекало поведение крупных крачек и чаек; наконец лицо его озарилось улыбкой и он указал протянутой рукой в направлении, где в этот миг величественно парил огромный орел-рыболов. Раздались радостные возгласы собравшихся на берегу островитян, так как появление орла, кружащего над оксаном во время первого улова бониты, считается добрым предзнаменованием. Тотчас же были спущены на воду более десятка лодок, великолепно украшенных перламутровыми узорами и резьбой. В каждой лодке находились по четыре человека: два гребца и два рыбака, из которых один был наставником, а другой — пяти- или шестилетним карапузом, одетым в колоритный наряд *малаоху*. Малыш сидел на коленях своего взрослого товарища, опираясь ладонями о бамбуковое удилище, нижний конец которого прикреплялся к шпангоуту лодки.

Лодки для ловли бониты необычайно быстроходны и маневренны. Не прошло и двадцати минут, как они исчезли где-то вдаль на горизонте в глубоких бороздах большой волны. Только становившийся все слабее крик и щебет маленьких крачек, сопровождающих лодки, указывал на то, что они быстро приближаются к своей заветной, но подчас неуловимой цели. Ибо вопреки благоприятным предсказаниям, опыту колдунов, вождей и старых рыбаков, никогда нельзя сказать определенно, встретятся ли им охотящиеся за добычей косяки бониты или нет. Лодки плывут поэтому на довольно значительном расстоянии друг от друга, чтобы охватить как можно более обширный участок океана, причем главным проводником им служат крикливые стайки морских птиц, неизменные спутники пиршества хищных рыб

Нашим мальчикам, однако, повезло. Они поплыли в юго-восточном направлении и в нескольких милях от берега увидели белесую тучу птиц, кружившихся словно огромный шар в воздухе. Уже через полчаса рыбаки стали различать отдельных птиц, причем в воздухе стоял такой адский крик, щебет и хриплое карканье, что человеческие голоса тонули в этом оглушающем гомоне. Опытным гребцам не требовалось теперь никаких указаний: они выстроили свои лодки большим полукругом и с подветренной стороны приближались к цели. Порой, когда лодка оказывалась на гребне большой волны, *малаоху* видели под собою вспененное и бурлящее море, как будто со дна била кипящая вода. В воздух непрерывно взмывали большие или малые стайки летучих рыб, проносились на высоте одного или двух метров над водой, а затем с плеском падали в море. Вслед за ними из воды взлетали веретенообразные тельца бонит. Эти хищники с каким-то удивительным проворством и яростью преследовали летучих рыб и выпрыгивали за ними из воды. Бониты нередко промахивались, но чаще хватили рыбу на лету и камнем падали с ней в воду, поднимая фонтаны брызг. Порой рядом с косяками бониты шли огромные дельфины. Они резвились на волнах, выскакивали из воды, переворачивались в воздухе или дугообразными прыжками ныряли в море, чтобы через мгновение начать свою забаву вновь. Казалось, бониты пытались подражать им, так как зачастую резвились почти точно так же, как и эти игривые млекопитающие.

Стая летучих рыб уходила от своих менее многочисленных, но прямо-таки ненасытных преследователей; как раз в это время лодки очутились посреди косяка бониты. Гребцы перестали работать веслами, стараясь только удержать лодки на бурлящей воде, а рыбаки тем временем принялись за дело. Первую бониту выловил своей бамбуковой удочкой молодой рыбак из селения Рипу, который держал на коленях четырехлетнего Халавату — родственника Лиликени. Как раз в тот момент, когда над вспененной пучиной блеснул закинутый им крючок, из воды выскочила крупная бонита и широко раскрытой пастью схватила приманку. Рыбак быстро дернул удилице, и добыча очутилась в лодке. Вскоре другой рыбак вытащил из воды еще одну бониту, а затем на крючках одна за другой стали появляться переваливающиеся разными тонами священные рыбы. Улов

оказался столь обильным, что лодки были заполнены чуть ли не до краев и люди вынуждены были буквально проделывать акробатические упражнения, чтобы удержаться в них.

Тем временем Оху Сеу в окружении всех гостей и мужчин, жителей селения, ожидал рыбаков на побережье. Когда лодки показались на горизонте, раздался столь зычный и радостный возглас, что испугнутые им птицы и летучие собаки сорвались с растущих вблизи деревьев и долго кружились в воздухе, не решаясь вернуться на свои места. Сразу же спустили на воду все лодки, в них сели молодые люди и вышли навстречу флотилии, чтобы торжественно проводить ее в Суу, то есть к причалу. Высаживающихся рыбаков торжественно провели в дом ритуальных лодок, где Оху Сеу принимал от каждого *малаоху* выловленную им рыбу, острым ножиком разрезал ее и кровью окроплял щеки и рот посвящаемого, произнося при этом подобающее случаю заклинание.

В недалеком прошлом первую выловленную в году священную рыбу пекли на раскаленных камнях в доме ритуальных лодок и преподносили в дар колдуну. На следующий день снова пекли выловленную рыбу, но на этот раз ее съедали помощники колдуна и пожилые, знатные люди. Остальные мужчины получали свою долю днем позднее, в дальнейшем потчевали бонитами детей и, наконец, женщин. Молодые холостые мужчины ели этих рыб всегда в своих клубных домах, причем варить их следовало на раскаленных камнях. Пиршество обязательно сопровождалось соответствующими заклинаниями, с тем чтобы обеспечить хорошие уловы в будущем.

Как говорят, на Улаве существовал обычай, именуемый *мало аси*, который состоял в том, что самую крепкую рыболовную жердь окунали в море и, собрав стекающую по ней воду, обрызгивали ею стоявших по колени в воде *малаоху*.

По словам Халу Харере, много старых обычаев предано теперь полному забвению, что объясняется влиянием христианства и эмиграцией молодежи на другие острова для работы на плантациях. Даже пиршества после обрядов посвящения *малаоху* теперь проходят по-новому. В детские годы Халу Харере здесь существовал обычай, заимствованный на Саа. Колдун выходил

на берег с ветками драцены и некоторых других, только ему одному известных растений. С помощью веток он разжигал огонь на алтаре, специально сооруженном на побережье, и выпекал на нем первую выловленную в сезоне бониту. Рыбу тщательно очищали и посыпали молотым орехом, которым пользовались для магических заклинаний, а в пасть ее помещали ветку драцены и зеленый, неспелый кокосовый орех особого сорта. Этот обычай на Улаве полностью забыт.

Помост был теперь совершенно готов и мог служить своей цели. Его покрасили, вырезали изображения рыб на столбах, а ступеньки украсили деревянными фигурками морских птиц, меченосцев и бонит. С возвышения свисали гирлянды разноцветных тоненьких волокон из листьев тунгового ореха, а в каждый угол воткнули покрашенные в красный цвет пальмовые веера. За день до торжественного пиршества молодежь продефилировала парами по селению. У всех — красные повязки на бедрах, наплечники и наголенники, толстые браслеты на локтях, а в волосы воткнуты высокие гребни, с которых свисают плюмажи из шелковистых, красных волокон. Отряд вел маленький Халавату, который держал в руках украшенные резьбой церемониальные копья: два — в левой руке и одно — в правой. Юные *малаоху* шли по тропинке, обозначенной камнями. Головы их были опущены, но лица исполнены чувства достоинства и понимания торжественности момента. Впереди них шел мальчик постарше, который трубил в большую раковину, а в двух шагах за ним другой *малаоху* ударял палочкой в тыкву, наполненную измельченной в порошок известью. Колонну замыкали два мальчика, потряхивавшие кастаньетами. С левого плеча каждого *малаоху* свисал небольшой красный мешочек для крючков, слегка присыпанный известковой пудрой.

У тропинки *малаоху* ожидали их матери, а юношей — избранницы сердца, невесты. Матери стали надевать на сыновей изящные ожерелья из красных ракушек и продевать декоративные палочки сквозь носовую перегородку. То же самое делали девушки, ведь после обряда посвящения юноша имел право жениться.

Во всем великолепии украшений *малаоху* последовали затем парами на побережье и поднялись на помост, вызвав восхищенные взгляды всего мужского и женского населения. Начали перечислять имена *малаоху*, число

выловленных ими бонит, оценивать украшения из раковин, тому или другому сулили мужество и отвагу, хвалили их телосложение, мускулатуру и т. д. Затем состоялось большое пиршество, в котором могли участвовать только мужчины и мальчики, за исключением одной женщины — Лилиекени, которая, как дочь вождя селения Рипу, пользовалась особыми правами и почетом. Пиршество, на котором были съедены целые груды ямса, орехов арау, каштанов ули и рамо, а также нгали, кокосовых орехов, да кроме того, целое стадо свиней, закупленное на острове Малаита, продолжалось далеко за полночь, после чего до самого утра все собравшиеся танцевали и пели.

В конце концов торжества по случаю обряда посвящения *малаоху* были закончены и гости стали возвращаться в свои селения и на родные островки. Перед отъездом из О'у отцы сосредоточенно и благоговейно разрисовывали известью на плечах своих сыновей изображения фрегатов, что должно было уберечь мальчиков от «дурного глаза». При этом произносились какие-то заклинания.

В течение всего межсезонья к селению О'у причаливали большие лодки с других островов, джонки кигайских торговцев-разносчиков, а также суда, забирающие копру, лангуст и трепангов или вербующие молодых людей на плантации. Движение на море стало оживленным. На рейде бросил якорь также пароход торгового дома «Чжи Лунь-чжан», который отправлял на берег лодки с товарами. Затем их переносили — разумеется, на спине — в другие поселки, поскольку селение О'у сравнительно невелико и бедно, а поэтому торговцам особенно поживиться здесь нечем. Впрочем, все были заняты *малаоху*, что не располагало к занятиям торговыми делами, в которых такие опытные дельцы, как китайцы, японцы, индийцы, а также моряки с Фиджи или Новой Гвинеи, зачастую обводят жителей Улавы вокруг пальца.

На следующий день после ловли бониты я сидела в мастерской Халу Харере и из колоды хлебного дерева выдалбливала большой таз, предназначенный для хранения суслу из ямса. Неожиданно в хижину вбежала запыхавшаяся Даниху и воскликнула:

— Энн! Двое белых людей прибыли в селение и спрашивают тебя!

Я с изумлением взглянула на девушку. С тех пор как здоровье мое пошло на поправку, я обучала Даниху, которая все дни проводила со мною, английскому языку и поэтому решила, что девушка просто усвоила новое предложение и хочет похвастать своими знаниями. В этом не было бы ничего удивительного, так как моя ученица проявляла незаурядные способности и феноменальную память. Я только хотела спросить, от кого она услышала новое предложение, как вдруг за стеной раздалась мужские голоса и почти одновременно в дверях появился Вате в сопровождении двух обросших бородой блондинов, одетых в безукоризненно чистую и отглаженную морскую форму. Незнакомцы на мгновение остановились в дверях и с явным изумлением поглядывали то на нас, то на разбросанные по мастерской бревна и резное дерево. Наконец старший быстро овладел собою, сделал несколько шагов и густым баритоном заговорил... по-польски:

— Имею честь видеть панну Анну Лентску?

Онемев от изумления, я смотрела на незнакомцев. Лишь через некоторое время мне удалось выдавить из себя несколько слов, но каких именно, не помню...

Оба моряка, видимо, заметили мое удивление, так как многозначительно переглянулись, губы их расплылись в улыбке, а затем тот же бородач сказал:

— Вы, наверное, поразились, что мы говорим по-польски? Меня зовут Джек Заремба, а это мой младший брат, Тони. В Хониаре мы познакомились с госпожой Фокс, которая много рассказывала нам о вашей экспедиции. Как приятно встретить соотечественников на Соломоновых островах!

Незнакомец произнес все это на столь причудливом польском языке и с таким ужасным акцентом, что я чуть не вскрикнула от досады. Я уже догадалась, конечно, что родной его язык отнюдь не польский, но ничем не выдавала себя, а приветливо кивнула головой и спросила:

— Так вы живете на острове Гуадалканал? В Хониаре нам ничего об этом не говорили.

— Мы живем не на Соломоновых островах,— возразил Заремба,— а на Кандаву! Ежегодно мы совершаем морскую экскурсию на нашей маленькой яхте «Матаупите». Но у нас было дело к верховному комиссару, и на пару дней пришлось зайти в Хониару.

— Кандаву... Кандаву? Я что-то слышала о таком

острове, но к стыду своему, признаюсь, что не знаю, где он находится.

Глаза бородача заискрились веселой улыбкой, но лицо не изменило своего выражения, и он ответил весьма серьезно:

— Кандаву — небольшой остров в архипелаге Фиджи, площадью около пятисот шестидесяти квадратных километров. Мы с Тони ежегодно проводили отпуск на море и на этот раз решили посетить Соломоновы острова.

— Но ведь архипелаг Фиджи находится в нескольких тысячах километров к юго-востоку отсюда! А вы называете такое путешествие экскурсией! — воскликнула я изумленно.

— Тысяча пятьсот миль по прямой, — вежливо поправил меня Заремба, а затем, как бы мимоходом, добавил: — Но мы посетили по пути несколько маленьких островков, пока не бросили наконец якорь в Хониаре. Кстати, нас ни разу еще не трепало сильным штормом, не так ли, Тони?

Спутник Зарембы невнятно пробормотал что-то, будучи весь поглощен созерцанием украшений из ракушек, которые Даниху носила на шее. Ваде стоял несколько в стороне, с восхищением разглядывая не законченное еще резное изображение летучей змеи, предназначавшееся для большой лодки, которой предстояло плавать на другие острова.

— Где же вы пришвартовали свою яхту? — спросила я.

— Приблизительно в двух или трех кабельтовых к югу. Я нашел там вполне подходящий мыс, около которого можно бросить якорь. Хотите взглянуть на нашу «Матаупите»?

В первый момент я с готовностью приняла это предложение, но тут же вспомнила о покушении на меня в Моли и об исчезновении двух девушек в О'у. У меня не было оснований подозревать обоих братьев Зарембов в подобном преступлении. Однако болезнь лишила меня прежней силы и проворства в приемах дзю-до, и потому мне стало как-то не по себе. Я попросила Даниху и Ваде сопровождать нас, на что оба бородатых брата Зарембы охотно согласились. Мы прошли мимо зарослей старых деревьев нгали и съедобных каштанов, а затем двинулись по тропе, ведущей через рощи саговых пальм, и наконец очутились у огромного, буйно разросшегося

сотнями воздушных корней баньяна, который занимал значительное пространство, прикрывая его своей тенью наподобие крыши беседки. Мы забрались в тень этого необыкновенного дерева, огромные ветви которого опирались, словно столбы, на воздушные корчи, а затем проникли в заросли высоких кустарников *суа* и *рами*. Видимо, здесь, на побережье часто бродили жители нашего селения, так как между кустами змеился лабиринт хорошо протоптанных тропинок, что, впрочем, не удивительно, так как из коры этих кустарников островитяне делали крепкие лески для рыбной ловли, а сережки и почки использовали как вкусную приправу к ямсу.

Едва мы вошли в чащу, как с кустов с пронзительным криком сорвалась многочисленная, насчитывавшая несколько сот особей стая зеленых попугаев, которая перелетела на баньян, наполнив лес оглушительным гомоном. Этот адский шум вспугнул, очевидно, большую колонию стайных воробьев, которая на одной из ветвей баньяна свила огромное общее гнездо. Громко и сердито чирикая, воробьи начали кружить над крикливыми попугаями. На одной из тропинок я увидела большую птицу, очевидно голубя, который при виде меня тяжело поднялся с земли и сел на ветку. Я заметила только его коричневое оперение и длинные, очень нежные перья, которые с загревка ниспадали голубю на грудь, производя впечатление пушистой челки. Я не смогла, увы, внимательно разглядеть эту птицу, так как она сразу же спряталась в густой листве и вскоре совсем исчезла из виду.

Выйдя из зарослей кустарника, мы прошли узкой тропинкой десятков шагов вниз, и перед нами открылась темно-синяя гладь океана. Мы вышли на сравнительно широкий коралловый вал, который окружал мыс, довольно далеко выдвинутый в море. Высоко над нами зеленела гуща кустов, а ниже среди коралловой осыпи виднелось множество засохших крабов, скелетов рыб, морских звезд и масса других мертвых животных. При виде нас целая стая крачек и буревестников сорвалась с вала и с громким криком стала кружить над мысом. Пройдя еще несколько десятков шагов, за поворотом мыса мы увидели большой залив, глубоко врезавшийся в сушу, а на его водах — небольшую белую яхту, слегка покачивавшуюся на волнах.

— А вот и наша «Матаупите», — произнес с некото-

рым оттенком гордости старший Заремба, после чего приложил сложенные ладони ко рту и протяжно крикнул.

На палубе яхты показалась какая-то темная фигура посмотрела в нашу сторону, приветливо помахала рукой, вновь исчезла и вскоре опять появилась в маленьком ялике с подветренной стороны яхты. Лодка, движимая сильными ударами весел, быстро подошла к рифам, но в нескольких метрах от коралловой осыпи замедлила ход и описала полукруг. Сидевший в ней человек предостерегающе крикнул что-то и через мгновение кинул веревку, которую Тони ловко подхватил. Крепко держа в руке конец, он провел лодку к коралловой осыпи и пришвартовал ее к скалам. Вереvoчные кнехты, брошенные через борт гребцом, смягчили швартовку.

Спуск в лодку казался несколько рискованным, хотя в коралле и были вырублены ступеньки. Старший Заремба помог сперва мне, затем Даниху, наконец, ловко спрыгнул сам и, указывая на гребца, сказал:

— Это наш друг Тукей, молочный брат Тони. Он всюду сопровождает нас в плавании и, пожалуй, лучше знает океан, чем мы со всеми нашими картами. Что ж, ведь он потомок выдающихся моряков — полинезийцев!

Видимо, Тукей понял, о чем говорил Джек, так как сразу улыбнулся, блеснув белыми зубами, заботливо усадил Даниху, затем крикнул что-то Тони, а когда тот отдал конец, схватил весла, оттолкнул ялик от скалы, и через мгновение мы уже плыли к яхте. Во время этого краткого рейса я исподлобья наблюдала за Тукеем. Должно быть, так в молодости выглядел сам Геркулес! Мускулы гребца производили впечатление сплетения толстых канатов, а весла чуть ли не тнулись в его руках. Светло-коричневая, почти золотистая кожа блестела на солнце, волосы были черны, как вороново крыло. Даниху, не по возрасту высокая и хорошо сложенная, выглядела около него совсем малюткой.

Я была так поглощена своими наблюдениями, что и не заметила, как мы причалили к яхте. По штурмтрапу все быстро поднялись на палубу, а затем Джек пригласил нас в кают-компанию. Посреди каюты стоял большой, массивный стол; вокруг несколько кресел, диван, а у стен — буфет для посуды, холодильник и небольшая стойка. Столь же хорошее впечатление производили три спальные каюты с удобными койками и весьма изящны-

ми умывальниками. В камбузе мы застали четырнадцатилетнего Саву, брата Тукея, чистившего крупного морского окуня, только что, видимо, выловленного, так как он еще бил хвостом и подпрыгивал на доске. Здесь у одной из стен находился кухонный шкаф; в специальных кольцах стояли корзины с овощами и фруктами. Да, на этой яхте неплохо заботились о желудках экипажа!

Мы осмотрели машинное отделение, склад торючего, мастерскую и навигационную рубку с компасом и штурвалом. Признаться, я была очарована порядком, царившим на яхте, а также ее оснасткой. Даниху же была так восхищена судном, что почти ничего не говорила, а только время от времени чмокала от удовольствия или нежно проводила рукой по отполированному дереву в каютах, постелям на койках и мягкой спинке дивана.

Пока мы рассматривали карты в рубке, к яхте причалил ялик с Тони, Ваде и Тукеем. Ваде осматривал яхту с не меньшим любопытством, чем мы, хотя, как опытный рыбак, он оценивал ее, конечно, прежде всего с утилитарной точки зрения. Особенно внимательно разглядывал Ваде мотор и движок, с помощью которого можно было не только освещать все каюты, но также давать энергию холодильнику, вытаскивать якорь, поднимать на борт ялик и даже ставить некоторые паруса. Он заинтересовался секстантом, хотя значительно больше ему понравился полевой бинокль, а хронометр и пеленгатор едва удостоил взглядом. Зато радиоаппаратура привела Ваде в восторг!

Мои друзья еще не успели налюбоваться оборудованием яхты, как любезные хозяева пригласили нас в кают-компанию, где угостили обедом. Тут нас поразило кулинарное искусство юного Савы! Блюда были приготовлены на европейско-фиджийский вкус и так приправлены острыми и пикантными специями, что во рту у меня горело. Мои хозяева и их темнокожие друзья ели с большим аппетитом и вдобавок грызли маленькие красные орешки *те те*, которые огнем обжигали язык.

Во время обеда царило приподнятое настроение. Джек и Тони оказались необычайно милыми людьми, а Тукей и Сава ни в чем им не уступали. Все они свободно говорили по-английски, кроме того, знали полинезийский язык, хинди и несколько меланезийских наречий, а потому легко нашли общий язык с Даниху и

Ваде. Насколько я могла судить по некоторым мелким эпизодам, происшедшим за столом, весь экипаж «Матаупите» неплохо понимал и по-польски. Мне, конечно, захотелось разузнать кое-что об острове Кандаву и особенно о семье Зарембов. Джек отвечал охотно:

— Семья Зарембов состоит из эмигрантов, издавна поселившихся в Оно на острове Кандаву. Мой старший брат, Стэнли, по образованию химик, сам я — географ, Губерт, который моложе меня, — земледелец, а Тони станет в будущем геологом. Наш дом построен на горе, откуда открывается чудесный вид на леса, плантации и море...

— И вы не скучаете по большим городам, по обществу, театрам, развлечениям?

— И театр, и кино есть на острове Вити-Леву. Я учился в Мельбурне, как и мои братья, но каждый из нас, получив диплом, сразу же возвращался на родной остров. На нашей «Матаупите» мы ежегодно посещаем новую группу островов, да и в открытом океане нас ожидает столько приключений, что их хватило бы на самый сенсационный фильм. Кстати, видели ли вы уже ловлю бониты?

— Но ведь даже посмотреть на ритуальные лодки женщинам здесь запрещено! Я знакома с ловлей священной рыбы только по рассказам отца и его сотрудника Анджея, которые принимали участие в подобных обрядах.

— Мистер Анджей Кентски — ваш жених?

— Мы еще не обменялись кольцами, — ответила я уклончиво.

— *Оку икаи ке у аога аи ау* — это не мое дело, как сказал бы Тукей, — заметил, улыбаясь, Джек, но тут же добавил: — Если хотите получить несколько интересных кадров, прошу вас пожаловать сюда завтра. Я отвезу вас на место ловли...

— Ну да, уже несколько девушек с Улавы пропало подобным образом! — выпалила я неожиданно для самой себя.

Джек сначала посмотрел на меня с изумлением, широко раскрыв глаза, затем удивленное выражение начало исчезать с его лица, и он залился гомерическим хохотом. Все смотрели на нас, ничего не понимая, а мне стало как-то не по себе. Наконец Джек успокоился настолько, что был в состоянии сказать:

— Вы принимаете нас за шайку торговцев живым товаром! Ха, ха, ха! Да, мне рассказывали в Хониаре о пропаже девушек с некоторых островов! Увы, я не собираюсь похитить ни вас, ни вашу темнокожую спутницу. Если я предложил прогулку на яхте, то полагал, что вы поедете в сопровождении профессора Лентского или господина Кентского.

— Я и сама, если потребуется, могу защитить себя. Ваше предложение столь заманчиво, что просто глупо было бы не воспользоваться им. Если не возражаете, я завтра же заявлюсь со всей моей фотоаппаратурой на борт «Матаупите». А сегодня вечером, если вы свободны, приглашаю вас в нашу скромную обитель!

Не успели мы вернуться в селение, как там уже появились и мои мужчины, голодные как волки, но радостно улыбающиеся, каждый с крупной, пятикилограммовой бонитой под мышкой. Я наскоро разогрела консервы, и, заморив червячка, мужчины стали потрошить рыб, которые предназначались к ужину. Вскоре явились Лилиекени и Даниху, которые принесли больше полусотни креветок, кокосового рака и несколько очень аппетитно выглядевших морских моллюсков. Посоветовавшись, мы решили закатить из этих запасов лукуллов пир, после чего сразу же принялись за работу. Даниху разожгла костер, на котором надо было раскалить камни, а затем стала рыть кухонную яму; мы же с Лилиекени отправились в лес, чтобы набрать орехов и трав для приправы.

Через час мы вернулись. Камни уже раскалились, и яма была вырыта. Теперь в каждую из выпотрошенных рыб я заложила половину брюшка кокосового рака, несколько съедобных каштанов нгали, горсть ягод *су'а*, немного молодых побегов пахучей лианы *хойя* и пучок ароматических трав *махе*, после чего крепко перевязала бониту листьями дикого имбиря и завернула в банановые листья. Когда я покончила с рыбами, Даниху и Лилиекени застелили кухонную яму листьями, кинули на них больше десятка раскаленных камней, покрыли их новым слоем листьев, уложили на эту подстилку рыб, а рядом с ними креветок и моллюсков, также соответствующим образом приготовленных. Все это было еще раз прикрыто листьями и засыпано землей.

В этот момент подошли оба брата Зарембы, но я быстро выпроводила гостей, передав их на попечение отца

и Анджея, которые усадили братьев на веранде нашей хижины и начали оживленную беседу.

Должна сказать тебе, дорогая Ева, что ужин выдался на славу! Креветки, моллюски, рыбы, каштаны и другая закуска оказались такими вкусными, сочными и нежными, что прямо-таки таяли во рту, а гости и домочадцы уписали все дочи́ста, оставляя лишь высосанные раковины креветок и кости бониты. На сладкое я пода́ла консервированный компот, несколько видов съедобных фиг и бананы, а затем кофе с коньяком, бутылку которого я нашла между... клубнями ямса, приводя в порядок нашу кладовую после урагана. Пока мы с девушками возились на кухне (под кухней я подразумеваю, естественно, яму, выложенную раскаленными камнями) и непрерывно сменяли банановые листья, которые вполне заменяли нам тарелки, гости с Фиджи рассказывали столь уморительные истории о белых и темнокожих жителях некоторых островов Тихого океана, что почтенный профессор и его ассистент покатывались со смеху.

На следующий день, как только мы узнали о направлении, в котором должны поплыть лодки *малаоху* для ловли бониты, я взвалила коробки с цветной пленкой и киноаппаратурой себе и Анджею на спины, папочке дала нести фотоаппараты, и мы поспешили на мыс. Там на ялике нас уже ожидал Сава, сидевший у весел. Вскоре братья Зарембы приветствовали всю нашу компанию на «Матаупите». После краткого совещания, на котором был выработан план действий, яхта снялась с якоря. На ней были поставлены грот и кливер, она слегка легла на правый борт, ветер надул паруса, и судно понеслось, словно выпущенная из клетки лань. Я находилась на юте и следила за маневрированием. Джек, стоявший у руля, отдавал краткие, четкие команды, а три его товарища моментально выполняли каждый приказ. Не знаю, хотел ли он просто порисоваться перед нами, сухопутными крысами, или же так предписывал ритуал, но команды Джек отдавал на полинезийском языке, а члены экипажа, пожалуй, слишком уж суетились на палубе. Следует признать, однако, что они действовали весьма слаженно и все манипуляции с парусами, шкотами и блоками выполняли с точностью и скоростью электронной машины.

Вскоре к гроту и кливеру добавили еще фок, после чего закрепили шкоты, и экипаж занялся работами на

палубе. Яхта слегка покачивалась на волнах; время от времени она попадала в промежутки между волнами, а затем снова взлетала, вспугивая стайки серебристых летучих рыб, тучных тунцов или резвящихся дельфинов. Постепенно берега Улавы превратились в голубоватую полосу, над которой довольно отчетливо вырисовывалась горная цепь с самой высокой вершиной Холо. Вскоре стала видна лишь тусклая, далекая дымка, пока и она окончательно не исчезла из виду. Мы плыли огромным полукругом по курсу, указанному прорицателем Оху Сеу, пока наконец Тони, который что-то связывал высоко на вантах, не крикнул так громко, что на мгновенье заглушил всплеск воды, рассекаемой носом яхты.

— Лодки слева по борту!

Мужчины кинулись к поручням, схватили бинокли и впились глазами в горизонт. Я же согласно договоренности поспешно укрылась в кают-компании, где не спеша распаковала свои принадлежности, вставила в обе кинокамеры кассеты с цветной пленкой и приготовилась к съемке. Затем я открыла иллюминатор и стала следить за лодками, то появляющимися на волнах, то снова исчезающими в глубоких ложбинах. Я действовала, разумеется, очень осторожно, так как если бы *малаоху* увидели меня на яхте, да к тому же еще и снимающей на пленку ловлю бониты, то, если бы они и не убили меня, как этого требует старый обычай, то уж наверняка прогнали бы из деревни.

Джек очень ловко вел яхту по прежнему курсу, затем совершил отличный поворот и уже через десять-пятнадцать минут шел буквально по пятам рыбаков. Яхта стала обгонять лодки. Поэтому пришлось свернуть сперва грот, затем кливер и, наконец, фок. Мы плыли теперь на очень малых оборотах мотора, вслед за поспешно уходившими лодками, которые длинной цепью шли к своей цели. Сава тем временем ловко вскарабкался на мачту и сверху наблюдал за морем. Сидя на ступеньках у люка, я с ужасом глядела на подростка, описывавшего по ходу яхты широкую дугу на мачте, тогда как прямо под ним разверзалась морская пучина. Достаточно было ему зазеваться на какую-то долю секунды, как он рисковал свалиться с более чем десятиметровой высоты в пенившуюся бездну! Но ни Тукей, ни другие члены экипажа не проявляли ни малейших при-

знаков беспокойства за подростка, который, очевидно, чувствовал себя великолепно, так как затянул какую-то причудливо-монотонную песню. По-видимому, в эту пору у него как раз ломался голос, так как с верхушки мачты доносился время от времени густой баритон, срывающийся до петушиного крика. Вдруг Сава прервал песню на полуслове, резко наклонился в одну сторону, правую руку приставил к глазам и наконец воскликнул:

— Бониты! Два румба вправо по курсу!

Эти несколько слов привели в движение весь экипаж. Джек сразу же изменил курс, яхта увеличила скорость, а свободные члены экипажа и наши мужчины побежали на бак, хватаясь по пути за тросы и оснастку, чтобы не свалиться в воду при кренах судна. Мне, конечно, следовало быстро скрыться в кают-компани, но так не хотелось уходить со ступенек, с которых был хорошо виден весь горизонт. Где-то вдали мы увидели какую-то бесформенную тучу. Она быстро приближалась, обретая цвет и очертания. Тут же послышался шум. Сперва это был легкий шорох, напоминающий шелест листьев на ветру, но, постепенно усиливаясь, он перешел в такой громогласный крик, издаваемый тысячами птичьих глоток, что я побежала в кают-компани, открыла аптечку и взяла вату, всунув в уши два больших тампона, которые немного приглушили этот адский писк и карканье, и только после этого выглянула в иллюминатор.

Передо мною открылось столь необычное, великолепное и пленительное зрелище, что я чуть не забыла о необходимости прятаться от взоров рыбаков. Океан на значительном пространстве буквально кипел. Волн не было видно, только пенилась и бурлила вода, из которой взмывали в воздух юркие серебристые летучие рыбы. В погоне за ними из морской пучины пулей устремлялись веретенообразные бониты, а порой и дельфины. Очень часто рыба не успевала даже расправить свои плавники-крылья для полета, как уже гибла в пасти прожорливого преследователя. Порой острые зубы хищника хватали воздух вместо лакомого куска, однако на каждую летучую рыбу, взлетающую не выше чем на один-полтора метра над волнами, кидалось сверху более десятка птиц, быстрых как молния и чрезвычайно метких. Лишь немногим рыбкам удавалось пролететь над водой

и снова погрузиться в море. Однако и там они тоже не находили спасения от ненасытных пастей своих врагов.

Впрочем, я уже рассказывала тебе, как *малаоху* ловят бониту, а поэтому не стану повторяться, хотя мое прежнее описание основано лишь на сообщениях папы и Анджея. Теперь я сама стала свидетельницей этого незабываемого зрелища. Никогда не думала, что в воде так много летучих рыб! Целыми стайками они взлетали в воздух и зачастую попадали прямо на палубу «Матаупите», где их сразу же подбирали наши мужчины. Летучие рыбы удивительно вкусны!

Наступило время приняться за работу. Я придвинула штатив, направила объектив кинокамеры в открытый иллюминатор и начала съемку. Мне удалось запечатлеть на пленку целую массу выпрыгивающих из воды бонит; одни хватали рыбу на лету, другие, менее удачливые, смыкали пасти уже у хвостов улетающих от них жертв. Я засняла также несколько фрегатов, вырвавшихся у более мелких птиц выловленную ими добычу, и, наконец, запечатлела схватку крупного орла с огромным фрегатом, у которого хищник вырвал рыбу и при этом так крепко долбанул его клювом, что образовалось целое облако перьев, переливавшееся бронзой, пурпуром и зеленью.

Я заменяла кассету в камере, когда менее чем в полусотне метров от «Матаупите» заметила покачивавшуюся на волнах лодку, украшенную резьбой и перламутром. Быстро закончив перезарядку, я начала съемку. В лодке находились немолодой уже рыбак и мальчик лет, наверное, десяти в полном парадном облачении *малаоху*, включая очень высокий гребень в копне волос, который развеивался по ветру, словно плюмаж воина. Мальчик судорожно сжимал в руках бамбуковую удочку, размахивая подвешенным на конце лески крючком то в одну, то в другую сторону, однако появившиеся рядом бониты не обращали на блесну никакого внимания. Неудача преследовала маленького рыбака, по-видимому, уже давно, так как мальчик прикусил губы до крови, а с глаз у него то и дело капали крупные слезы. И тут сидевший позади него рыбак молниеносно наклонился и еще более стремительным движением подхватил бамбуковую удочку. Леска взвилась вверх, а на ее конце замелькала в воздухе, отливая сине-пурпурно-зелено-

ватыми тонами, огромная рыба, камнем свалившаяся на дно лодки. Мальчик в первое мгновение остолбенел! Широко раскрыв глаза и рот, он сидел несколько секунд как заколдованный, а затем вскочил и всем телом навалился на трепыхавшуюся рыбу. Какое-то время он боролся с ней, пока, наконец, не подхватил пальцами за жабры и не потащил к рыбаку. Однако рыба оказалась исключительно сильной и юркой. Она ударами хвоста сбила мальчика с ног и едва не выпрыгнула за борт. Но тут подоспел на помощь рыбак, который крепко схватил бониту за хвост, с помощью мальчика подтянул ее к себе, вынул из-за пояса небольшой нож, проколол рыбе сердце, кровью окропив *малаоху* щеки и лоб. Я видела, как сосредоточенное лицо гребца расплылось в широкой улыбке.

Лодка исчезла из поля видоискателя, но сцена в лодке надолго запомнилась мне. Лишь впоследствии я узнала от отца, что некоторые рыбаки вправе во время различных обрядов заменять колдунов или деревенских вождей.

Мне удалось заснять еще немало интересных кадров. Наконец бониты перестали гнаться за добычей и внезапно исчезли в глубине океана. Теперь летучие рыбы безмятежно парили в воздухе, а море снова стало спокойным. Лишь легкая зыбь покрывала его. Птичьи стаи, тянувшиеся за возвращавшимися в бухту лодками, начали понемногу таять, и вскоре людей сопровождали лишь чайки да крачки, обычно гнездившиеся на прибрежных коралловых рифах.

Мы еще не раз отправлялись на «Матаупите» на ловлю бонит или в более дальние экскурсии, посетив островки Трех сестер, Био, Уги, а также Саа на Марамасике, островок Порт-Адам, Валанде, гористый Пирамид-Айленд, едва выступающий над уровнем моря. Хаураки, затем зашли в Такатаку на Малаите, откуда вернулись в О'у. По пути удалось собрать множество предметов для наших этнографических коллекций, а Анджей в одном селении на свою рубашку и брюки выменял... каменный прямоугольный сосуд, каких теперь меланезийцы уже не делают, а также несколько очень старинных каменных топориков, происхождения которых никто не знает. Это, по-видимому, остатки какой-то древней культуры, предшественницы современной меланезийской.

Однажды, когда мы проплывали близ отмели, кото-

рая возникла на месте затопленного островка Того, Сава, следивший за морем, воскликнул с мачты:

— Справа по борту плавник меч-рыбы!

Все кинулись к поручням на правом борту. Пока мы с Анджеем глядели в бинокль, члены экипажа (Тони стоял у руля) достали откуда-то длинную бамбуковую жердь и установили ее у бизань-мачты. Затем к жерди прикрепили лебедку с толстой и очень крепкой нейлоновой лесой, которая заканчивалась большим крючком. В качестве приманки использовали весившую несколько килограммов бониту, так как меч-рыба ее очень любит. Затем мы изменили курс, чтобы перерезать путь гиганту, а Джек выпустил приманку. Рыбу достали из корзины, погруженной в море, поэтому она была еще сильной и резвой.

Тони так ловко управлял яхтой, что мы вскоре очутились на курсе меч-рыбы, но значительно впереди ее. Экипаж спустил и свернул паруса, яхта шла тихим ходом вперед, движимая лишь слабыми оборотами винта. Рыба на конце леси, длина которой была не менее двухсот ярдов, пыталась освободиться. Она вертелась, выпрыгивала из воды, плавала над самой поверхностью, показывая свой хребет, затем вновь ныряла вглубь, чтобы через мгновение взвиться подобно ракете. Джек разрешал ей резвиться, но, когда бонита уж слишком расходилась, подтягивал лесу лебедкой.

Я наблюдала за меч-рыбой в бинокль. Она плыла безмятежно, огромный плавник на ее хребте был отлично виден. Время от времени гигантская рыба выскакивала из воды, а затем с громким всплеском падала в море, поднимая вокруг высокие фонтаны. Во время одного прыжка меч-рыба заметила, видно, серебристое брюхо приманки, так как с молниеносной быстротой кинулась к ней, а в ту же секунду лебедка на жерди загудела, теряя более десяти метров леси. Меч-рыба попала на крючок!

Целых два часа продолжалась схватка между «Матаупитой» и чудовищной рыбой. И снова мне пришлось поражаться слаженной работой экипажа. Моряки предвидели, очевидно, каждое движение рыбы, так как быстро и ловко увертывались от страшного удара ее меча о корпус судна. Меч-рыба металась на лесе, высоко выпрыгивала из воды или же быстро ныряла, а несколько раз даже пыталась пробить обшивку яхты, но все

было напрасно. Постепенно силы ее истощались, а Джек все больше натягивал лесу, пока наконец Тукей не нанес смертельный удар гарпуном. Когда этого гиганта вытащили на блоке из воды и подвесили на рее, я хорошенько смогла его разглядеть.

Пойманная меч-рыба имела три метра в длину, причем более чем четвертую часть туловища составлял очевидный отросток, продолжавший ее верхнюю челюсть. Джек очень ловко срезал его и преподнес мне для коллекции. Отросток был несколько сплюснутый по бокам и острый как бритва. Это основное оружие меч-рыбы. С необычайной быстротой нападает она на крупных рыб, охотнее всего на тунцов, бонит и золотых креветок. Своим мечом она наносит им, казалось бы, слабые удары, которые на самом деле столь сильны, что даже большие рыбы сразу же становятся легкой добычей хищника. Порой меч-рыба нападает на лодки аборигенов, продырявливая их насквозь. Бывают даже случаи, когда она кидается на китайские джонки, пробивая деревянную обшивку толщиной до десяти сантиметров. У этой огромной рыбы гладкая, толстая, лишенная чешуи кожа, отливающая на хребте синевато-пурпурным цветом с коричневым оттенком, переходящим на брюхе в красивый, блестящий, серебристый цвет. Хвост — черно-синего цвета, а плавники — синевато-серые с серебристым блеском. Поражают крупные темно-голубые глаза, настолько выразительные, что кажется, будто рыба может вдруг заговорить человеческим голосом.

Меч-рыбу быстро разделали, тушу разрезали на куски, одну часть поместили в холодильник, а другую отнесли на камбуз, где Сава принялся готовить обед. Следует признать, что жареное мясо меч-рыбы с острыми фиджийскими приправами оказалось очень вкусным и нежным. Чем-то оно напоминало нашу лососину.

Пребывание «Матаупите» в водах О'у продолжалось около четырех недель. Почти ежедневно нас посещали братья Зарембы. У нас сложились дружеские, почти семейные отношения. Молодые люди подружились с Анджеем, а папу полюбили чуть ли не как родного отца. Но все имеет свой конец. Однажды Джек спросил меня, не соглашусь ли я стать его женой. Это было столь неожиданно, что я растерялась и не сразу ответила отказом. Но потом сказала, что, хотя я и ценю его предложение, мое сердце уже занято. Я посоветовала Джеку

подыскать себе жену в Польше и даже решила дать ему твой адрес, чтобы он мог встретиться с интересными людьми и познакомиться с привлекательными и достойными девушками. По его словам, в Австралии полек мало и их нарасхват берут в жены, причем не только проживающие там соотечественники. Джек молча выслушал мои слова, взял твой адрес, пробормотал что-то на прощание... и больше я его не видела! Он исчез вместе с «Матаупитой» и всем экипажем.

Так закончилось мое знакомство с Зарембами. А жаль! Это интересные люди, хорошо знакомые с островами Океании, много знающие о их жителях. Кроме того, они прекрасные мореплаватели, сильные, решительные, привыкшие к опасностям, словом, настоящие мужчины!

На этом кончаю свое несколько длинное и, быть может, скучное для тебя письмо и крепко целую.

Твоя всегда верная подруга Аня

7.

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ УЛАВА, СЕЛЕНИЕ О'У

Моя дорогая Ева!

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я послала тебе последнее письмо. А не писала так долго просто потому, что вследствие сложившихся обстоятельств у меня не хватало ни времени, ни возможности сосредоточиться, чтобы черкнуть тебе хотя бы несколько слов. К вечеру я так уставала, что прямо валилась с ног и тут же засыпала.

Первые несколько дней после отплытия «Матаупите» я ходила как потерянная. Так не хватало мне повседневного общества Зарембов, их веселого смеха, экскурсий на яхте, во время которых мы посещали все новые и новые островки, знакомились с их жителями, местными верованиями, обычаями, любопытной культурой и бытом.

Я настолько привыкла к этим морским странствиям, что их внезапное прекращение восприняла с большой досадой и была страшно обижена на Джека за его бегство. Но было ли это действительно бегством? Я долго размышляла, пока не пришла к выводу, что Джек был,

собственно, прав. Зачем ему оставаться на Улаве и катать нас на своей яхте, когда стало ясно, что толку от этого никакого? Ничего не поделаешь. Я относилась к Джеку как к члену семьи, как к сердечному другу, но у меня и в мыслях не было влюбляться в него. Правда, этот мужчина мог вскружить голову не одной женщине, но мне никогда не нравились блондины, да я как-то и не представляла себе его в роли мужа. Я позволяла ему иногда поцеловать себя в щеку, но это был просто дружеский поцелуй, который не мог подавать ему каких-либо особых надежд.

Внезапное исчезновение яхты вместе с братьями Зарембами испортило на несколько дней настроение и папе, зато Анджей чувствовал себя на седьмом небе. Отец не мог понять причины отъезда наших приятелей и сетовал, что по их вине не успел побывать на одном из островов группы Расселя, где будто бы сохранились следы какой-то совершенно неизвестной культуры. Анджей старался убедить меня, что нечего огорчаться, так как Он (с большой буквы) остался. Бедняга не знал, что одного моего слова было бы достаточно, чтобы я оказалась женой Зарембы и стала жить на далеком острове Кандаву!

Хотя «Матаупите» ушла из О'у, тем не менее почти ежедневно какое-нибудь судно становилось на рейд перед селением. Иногда к одному из причалов подходили большие мотоботы и рыболовные катера. Это были большей частью старые, заржавленные и обшарпанные трампы¹⁵, нередко ужасно вонючие, приспособленные к перевозкам копры и ценных сортов древесины. Их экипажи состояли обычно из китайцев, индийцев (тамиллов), а иногда из аборигенов Новых Гебридских островов, Каледонии или других островов Тихого океана. Люди эти напоминали пиратов, и на О'у к ним относились недоброжелательно, так как каждый заход их судна в гавань кончался скандалами и потасовками. Причиной недоразумений всегда были женщины: дело в том, что мужчины на Улаве ужасно ревнуют своих жен, которые, как все женщины в мире, не прочь изведать порой чего-либо поновее.

---

¹⁵ Трамп — грузовое судно для перевозки товара в любом направлении, в отличие от лайнера, который совершает рейсы по определенному маршруту. — *Прим. пер.*

Мотоботы и катера принадлежали большей частью рыболовным фирмам и прибывали на О'у за пресной водой, а иногда за проводниками, доставлявшими их к местам рыбной ловли. Экипажи этих маленьких и быстроходных суденышек специализировались на ловле трепангов и различных моллюсков или же добывали огромных двухсоткилограммовых окуней, тунцов, макрелей — всего около пятидесяти сортов различных рыб. Они доставляли улов на плавучие базы, занимающиеся переработкой рыбы, где ценные сорта замораживали, а оставшиеся перемалывали на муку.

Время от времени нас навещал Си Ян-цзи. Как всегда, он был преувеличенно вежлив. Папа его защищал, так как хитрый китаец то и дело преподносил какой-нибудь любопытный образчик старинных украшений, приобретенный на одном из островов архипелага, или же каменный сосуд, выкопанный где-нибудь из земли и относящийся к неизвестной нам культуре людей, обитавших на Соломоновых островах задолго до нашего времени.

Отец часами изучал эти предметы и связывал их с некоторыми преданиями, еще бытующими в разных районах Соломоновых островов. У меня создалось впечатление, что Си Ян-цзи ради каких-то, одному ему известных целей стремится расположить к себе профессора. Он кланялся чуть ли не до пояса, источал слащавые до тошноты речи, всегда приветливо улыбался, но его маленькие косые глаза метали из-под прищуренных век быстрые, испытующие взгляды, а их блеск был холоден и зачастую жесток. Именно тогда во мне просыпалось какое-то неприятное чувство. Это не был страх, о нет! Я слишком грозный противник для такого врага. Просто мне казалось в такие моменты, что Си Ян-цзи хватается меня за горло и срывает одежду! Это ощущение настолько реально, что я стараюсь уйти из дома, как только он приходит, и укрыться у Лилиекени или же вместе с Даниху посидеть в мастерской старого Халу Харере, где меня всегда радушно встречают.

Я облегченно вздохнула, когда Си Ян-цзи со своими соотечественниками уехал в Моли, откуда он через несколько дней собирался отправиться в Гонконг и на Тайвань. Это означало, что по меньшей мере месяц или два он не будет попадаться мне на глаза. Анджей говорил, что Си Ян-цзи неоднократно напоминал папе о его обе-

щании выехать по окончании обряда *малаоху* на островки Санта-Ана и Санта-Каталина и вновь предлагал свою помощь. Профессор, по словам Анджея, ответил, что еще не окончил своей работы на Улаве. Ему нужно проверить кое-какие факты, установленные двумя знаменитыми английскими этнографами, доктором Кодрингтоном и доктором Риверсом, а это возможно лишь после проведения исследований в некоторых селениях острова. Меня удивляло, почему китаец так заинтересован в нашем переезде на два небольших островка, расположенных в самой крайней южной оконечности Соломоновых островов! Не связывает ли он с этим какие-то свои коварные планы? А может быть, я просто чувствую такую антипатию к этому человеку, что в каждом его действии вижу преступные замыслы?

Кстати, об островках. У нас есть о них кое-какая литература, в частности труд австрийского путешественника, этнографа Гуго Бернацика, который побывал на Санта-Ане и Санта-Каталине (он называет их Ова Раха и Ова Рики) в тридцатых годах. Это объемистая книга, и в ней приводится масса сведений, но папа утверждает, что это не научный труд, а беллетристика. В книге много хороших фотоснимков, хотя австриец явно увлекался снимками молодых, красивых, стройных и обнаженных девушек. Значительно меньше снимал он женщин в зрелом возрасте и совсем не удостоил своим вниманием пожилых.

Отец и Анджей выехали на места, где предполагали проводить исследования. Я должна была сопровождать их в качестве опекуны и стряпухи, но у меня сильно разболелась поясница (последствия урагана). Пришлось лечь в постель, а в качестве компаньонки ко мне приставили Даниху. Мужчины начнут свое путешествие от мыса Арона, крайней южной оконечности Улавы, побывают по очереди во всех селениях на западном побережье острова и вернутся по восточному побережью.

Я снабдила их всем необходимым на два месяца, так как именно столько времени отнимут их исследования. Тем временем я займусь вопросами магии, заклинаний и колдовства, а если у меня хватит сил, то и разведением огородов, поскольку, как говорят, это тесно связано с разными заклинаниями. Думаю, что немало удастся выведать у старой Халукени, которая отлично знакома

со всеми заклинаниями, а об остальном я разужнаю, на-верное, у Даниху и Лилиекени...

Как мне кажется, Лилиекени готовится стать мате-рю! Она еще сохраняла свою девичью фигуру, однако ее живот уже начинает округляться, а груди набухают. Я заметила, что вместе со своим мужем она воздерживается от разных блюд, запрещенных беременным. Ваде загадочно улыбается, думая, очевидно, о своем будущем сыне, который унаследует от матери титул *та' а паине алоха*, что означает «великий вождь, начальник или дворянин». Или, возможно, он размышляет, каким подарком отметить рождение первенца? В последнее время я часто видела Ваде погруженным в иллюстрированные каталоги разных фирм, предлагающих подвесные мото-ры для лодок. Быть может, он собирается купить что-нибудь в этом роде Лилиекени в знак благодарности за сына или дочь?

Однажды, когда я шла с Даниху из леса, то увидела нечто, весьма меня заинтересовавшее. Перед старой хижиной, окруженной арековыми пальмами, стоял небольшо-й алтарь, окаймленный камнями, вокруг которого посажены небольшие драцены. Когда я хотела ближе присмотреться к нему, Даниху схватила меня за руку и изо всех сил стала тащить в сторону. Я сразу же спро-сила, почему она так перепугалась. Даниху оглянулась по сторонам, а затем, приподнявшись на носках, шепну-ла мне в ухо:

— Это *дамутеке!* Алтарь, на котором может остаться твое *нуу*, и тогда какой-нибудь злодей повредит тебе, со-вершив заклинание!

Я уже достаточно долго находилась на Улаве, чтобы заклинания, колдовство и ворожба, бытующие среди канака, не были мне известны, по крайней мере понаслышке. Однако мне никогда еще не приходилось лично сталкиваться с такими вопросами, а ты ведь отлично знаешь, как они интересуют и увлекают меня. Ты хоро-шо, наверное, помнишь, как в десятом классе мы зачи-тывались «Польскими чарами и чертями» Тувима, пуб-ликовавшимися в журнале «Пшекруй». Как я и предпо-лагала, на Соломоновых островах все эти суеверия не были сдобрены такой дозой дьяволов и колдуний, как в Европе, и речь шла лишь о магических силах, соответ-ствующих складу ума меланезийцев и связанных с мо-рем и морскими духами.

— Что это такое, мое *нуну*?— спросила я.

— *Нуну* — это невидимая часть тебя, она долгое время сохраняет свой запах на *дамутеке*. Если владелец алтаря, знакомый с черной магией, заметит твое присутствие и захочет повредить тебе, стоит ему после твоего ухода ударить несколько раз по алтарю заколдованной ветвью драцены и одновременно произнести соответствующее заклинание, как твое тело вскоре замрет и околеченет...

Я невольно отошла от алтаря, а затем мы стремглав помчались в мой домик, где я повалилась на кровать, тяжело дыша от усталости. Даниху присела возле меня на циновке и безмятежно начала мастерить что-то, пользуясь длинной снизкой клыков летучих собак, которую мне преподнес Анджей. Мы долго молчали, погруженные в свои мысли, наконец девушка полусеңотом заговорила:

— Я знаю, Энн, что вы, европейцы, не верите в заклинания или ворожбу, но у нас, на Улаве, они в ходу с незапамятных времен, и даже теперь еще пользуются заклинаниями, особенно во время посадок на огородах. Подробно мне трудно рассказать о них,—кто в силах все запомнить,—но многое я слышала от старших женщин и, если хочешь, могу передать тебе.

Я охотно согласилась, и Даниху начала:

— Заклинания на Улаве называют *сару'э*, и их сила состоит в торжественном вызове духа, к которому они направлены. Говорят, в старину колдуны располагали множеством вещей, с помощью которых могли вредить людям. Это скорлупа с объединенных орехов арека, отрезанные человеческие волосы, обломки ногтей, человеческие экскременты, мокрота, земля, по которой ступал заколдованный человек, свитки кокосовых листьев, употребляемые во время купания, остатки еды, послед и прежде всего дыхание.

— Вот почему женщины в О'у столь тщательно собирают мельчайшие остатки еды и всю скорлупу от арековых орехов, чтобы потом сжечь их или сбросить в ручей,— сказала я.

— Да, женщины опасаются, что все это может попасть в руки колдуна. Раньше перед каждой хижинной, у подножия главного столба, поддерживающего кровлю, находилась квадратная площадка, так называемая *пуну*, на которой стоял бачок для всякого рода пищевых от-

бросов, особенно для скорлупы от арековых орехов. Домочадцы бдительно следили за *пуну*, чтобы никто чужой не приближался к нему и не изъял хотя бы небольшую часть содержимого. И теперь еще у некоторых хижин в О'у можно увидеть *пуну*, хотя его обычно прикрывают циновками, чтобы уберечь от взоров нежелательных лиц.

— А верно ли, Даниху, что с помощью заклинания мужчина может снискать расположение женщины?

Девушка удивленно взглянула на меня, помолчала, а затем заговорила, запинаясь, как бы с трудом выдавливая слова:

— Энн, спроси об этом лучше у пожилых, опытных женщин... Я не очень-то понимаю, что тебя интересует. Лучше всего расскажет тебе об этом Халукени; она еще помнит старые времена и многое повидала на своем веку...

Я перестала досаждать своей подруге расспросами и начала очередной урок английского, а затем мы занялись самыми простыми приемами дзю-до. Ты не можешь себе представить, какая это способная девушка! Английский она усваивает на лету, да и в дзю-до также делает большие успехи. После болезни я потеряла свою прежнюю ловкость и должна была упражняться, чтобы вернуть телу гибкость, а так как не хотела заниматься этим с Анджеем, то постаралась заинтересовать дзю-до Даниху. После первых же упражнений девушка так увлеклась этим видом спорта, что теперь не дает мне покоя. Она выстлала мою комнату толстым слоем мягких циновок, а я дала ей одну из моих пижам. Теперь мы прорабатываем один из бросков на бедро — «о гоши». Даниху очень ловка, сильна, обладает быстрым рефлексом и уже сейчас радуется своим успехам. Она только начала заниматься, но уже в состоянии активно защищаться. Несколько дней назад к ней пристал какой-то слонявшийся по селению, очевидно в поисках любовных походов, матрос. Она так ловко повалила его наземь, что тот с трудом поднялся и едва дополз до залива, где лодка доставила его на судно, стоявшее на рейде.

Через несколько дней я отправилась к Халукени. Старушка сидела перед своей маленькой, но очень опрятной хижинкой и готовила красную краску из особого сорта ротангового тростника и веерной пальмы, называемой здесь *алеале*. Сок этих растений соединяют со смесью из

извести, морской воды и сока, выжатого из корней индийской шелковицы *кикири*, которая растет здесь, как лиана. Это долгий и сложный процесс, зато полученный краситель не меняет своего цвета, не выгорает, всегда свеж и прочен. Лучшее тому доказательство — использование его для украшения лодок, причем вода ничуть не вредит красителю. Хотя раскраска — чисто мужское занятие, приготовление красителей лежит на обязанности женщин.

Помогая Халукени разрезать на куски побеги веерной пальмы и сдирать с них оболочку, я заговорила о случае, происшедшем недавно в селении Рипу, где бесследно исчезла молодая замужняя женщина, свадьба которой состоялась всего год назад. Вначале думали, что молодую женщину смыла с берега набежавшая во время прибоя высокая волна, но вскоре выяснилось, что вместе с ней исчезли и ее украшения, а один из рыбаков выловил в море пустой «женский» челн. Он принадлежал пропавшей женщине и находился недалеко от места, где за день до ее исчезновения причалило небольшое судно, перевозившее копру. Одновременно исчез из селения и молодой человек, который за неделю до этого приехал в отпуск с Бугенвиля, где работал механиком на табачной плантации. Сопоставив все эти факты, островитяне решили, что молодая женщина сбежала со своим поклонником, оставив мужа, который, обезумев от злобы и стыда, поклялся убить обоих любовников, если они вернуться на Улаву.

Халукени по-своему истолковала эту романтическую историю.

— Видишь ли, Энн,— сказала она,— здесь действовала, очевидно, магическая сила, которой эта женщина не могла противостоять. Вероятнее всего, молодой человек преподнес ей браслет из ароматных трав и тайком вплел в него стебелек обладающего сильным ароматом растения *илу ни кени*, которое вызывает охлаждение отношений между супругами и пылкую любовь к дарителю. Или, возможно, он носил этот стебелек спрятанным в волосах, когда посещал девушку. Запах и магическая сила растения могли повлиять на женщину и вызвать в ней неодолимое желание сойтись с любовником!

Как видишь, дорогая Ева, приворотное зелье известно не только у нас, в Польше, но и на Соломоновых островах. Должна, впрочем, отметить, что *илу ни кени*

очень приятно пахнущее вьющееся растение из семейства эвонимов. Оно растет на пнях разных дикорастущих деревьев в тропических лесах Улавы. Когда человек, занимающийся магией, находит его в чаще, он тщательно укрывает *илу ни кени* камнями, чтобы уберечь от бродячих свиней. В случае надобности он срывает росток и производит над ним заклинания.

— Если *илу ни кени* столь сильно действует на женщин, то почему они не избегают этого растения? Ведь самый запах стебелька может вызвать подозрения? — спросила я у Халукени.

— Заколдованный браслет ничем не отличается от простого, а какая женщина откажется от подношения в виде хотя бы самого скромного подарка, призванного подчеркнуть ее красоту? Впрочем, это не обязательно должен быть браслет с вплетенным в него *илу ни кени!* Механик мог с таким же успехом подбросить в еду своей любимой заколдованный арековый орех с имбирем. Это очень сильное магическое средство; называется оно *ди ха'ангау кени* и так возбуждает женщину, что она готова бросить мужа и убежать с любовником или даже покончить с собой. Ведь недаром имбирь известен как «растение, привлекающее женщин».

Хотя я уже кое-что и слышала о заклинаниях и магии на Соломоновых островах, но все же решила, воспользовавшись словоохотливостью Халукени, пополнить свои сведения и как можно больше разузнать о старинном колдовстве. Я спросила поэтому, только ли имбирь, арек и *илу ни кени* используются для заклинаний. Старушка добродушно улыбнулась и стала подробно объяснять мне:

— В прежние времена в магии чаще всего пользовались — а возможно, пользуются еще и сейчас — коралловой известью, орехами арековой пальмы, имбирем, листьями драцены, а чтобы добиться благосклонности у замужней женщины — *илу ни кени*. Орехи арековой пальмы шли на жертвоприношения духу, опекающему дом, и употреблялись не только в магии, но и при совершении религиозных ритуалов. Во время обряда *даутана* орехи клали в шкатулку для предметов культа и помещали в хижине. Это был своего рода талисман, оберегавший семью от болезней, краж ямса, порчи огородов и всякого рода других несчастных случаев. Когда кто-либо из мужчин отправлялся в дальнее морское пу-

тешестве, колдун торжественно возлагал орехи в шпангоуты лодки. Конечно, орехи эти предварительно посвящались духу, охраняющему путешественников. Такой обряд носил название *луде оло*.

Вождь, объявлявший о начале торжественного пира, брал обычно в руку большую кисть арека и раздавал каждому гостю по несколько орехов этой пальмы. Гости, выступавшие на пиршествах, держали в руке ветку арека в качестве символа мира. Колдуны же старались выкрасть скорлупу арековых орехов, к которой прикоснулись губами или зубами ненавистные им люди, а затем складывали ее на алтарь, посвященный какому-либо духу, и после произнесения соответствующего заклинания могли насылать болезнь или смерть. Женщина, стремившаяся кого-либо околдовать, клала на алтарь послед вместе с арековыми орехами. Если арековая пальма после передачи ее под опеку духа семьи или моря становилась табу, то злой колдун мог умертвить каждого человека, которому давал съесть плод с этого дерева. Существовали также такие заклинания, которые доводили людей до помешательства, для чего арековые орехи возлагались на алтарь духа безумия. Конечно, для каждого заклинания нужно было знать соответствующие слова...

— Но, Халукени, ведь сотни и тысячи людей на Соломоновых островах ежедневно едят множество арековых орехов, но почему-то не болеют! — воскликнула я, заинтересованная словами старушки.

— Видишь ли, Энн, заклинания знали только колдуны, а простые люди, прибегавшие к магии во вред своим ближним, подвергались, если их разоблачали, суровым карам. Арековые орехи всегда употреблялись на этих островах в пищу, а также и как возбуждающее средство. Орех похож на большую сливу. Когда он созревает, то приобретает желтый цвет с красным оттенком. Едят орехи еще совершенно мягкими (*пиле*), недозрелыми (*алаа*), твердыми или совершенно зрелыми (*куру*). Матери дают младенцам сосать скорлупу ореха, а старших детей приучают грызть его с бетельным перцем. Если жевать *даму* — недозрелый орех арека с известью и бетельным перцем, — наверняка избавишься от глистов.

— Я пробовала бетель, но он показался мне ужасной гадостью, к тому же зубы от него чернеют, а губы

становятся бурыми. Однако, если бетель помогает от глистов, то не удивительно, что островитяне защищаются от этих отвратительных паразитов, пережевывая арек с известью и перцем. Но ты рассказывала об имбире, драцене и извести, а теперь вдруг заговорила об орехах.

— Ты нетерпелива, Энн,— ответила, приветливо улыбаясь, Халукени.— Все в свое время. Известь на Улаве очень дорога, ее выжигают из благородных сортов коралла, которых в наших морях мало. Такие кораллы находят на побережье только после сильных штормов или большого прибоя. Их собирают, обжигают и хранят в хижине в небольших корзинах, сплетенных из листьев кокосовой пальмы. Обожженную известь гасят в небольшом количестве воды, чтобы сохранить ее силу. Затем сушат на солнце, собирают ложкой, сделанной из кокосового ореха, и заливают в короткие отрезки бамбуковых стволов, которые хранят под крышей хижин, окуривая дымом очага. Каждый отрезок бамбука, наполненный известковым порошком, стóбит еще и сегодня сотню клыков морских свиней. Бетельный перец — растение высотой один-полтора метра, вьющееся на пнях хлебных деревьев, индийской шелковицы, канарских орехов и малайских яблонь. В случае надобности с дерева срывают росток, свертывают его в клубок и съедают вместе с арekom и известью.

— Ну, а имбирь?

— В имбире главную роль играют корневища, отличающиеся острым запахом и пряным вкусом. Им пользуются обычно в качестве приправы к кашнице из ямса или к пудингу. Однако смешанный с известью и листьями драцены, над которыми произведены заклинания, имбирь вызывает боль или нарывы. Колдун может положить его на тропинке, по которой проходит ненавистный ему человек, после чего вступает в действие магическая сила, поражающая путника тяжелым недугом. Если дать девушке или замужней женщине съесть имбирь и произнести при этом особое заклинание, то она начинает проявлять благосклонность к тому, кто его ей преподнес. Мне как-то тоже пришлось однажды испытать такое... Когда — ведь об этом я уже рассказывала тебе — меня, молоденькую еще девушку, похитили на берегу Таварога и привезли на Улаву, один из воинов, Валукулу, дал мне съесть кусок рыбы, натертой имбирем. А была я тогда молода и неопытна, к тому же

очень голодна и поэтому с жадностью съела рыбу. С тех пор я полюбила Валукулу на всю жизнь. Долгие годы мы жили счастливо, пока я не стала вдовой, когда он утонул во время бури...

В тот день мне не удалось ничего больше выведать у Халукени. Старушка вспоминала, видимо, счастливую пору своей молодости, так как улыбалась и вполголоса бормотала что-то, однако можно было отчетливо уловить слово «Валукулу» — имя ее любимого мужа. По-видимому, в прежние времена имбирь очень сильно действовал на женщин!

Ночь я провела беспокойно. Долго не могла уснуть, наверное из-за страшной жары, уже довольно давно установившейся в О'у. Жаркий сезон был в разгаре, и зной с каждым днем становился все томительнее. По вечерам легкий бриз с моря несколько освежал воздух, но ночью было безветренно и так душно, что, если даже лежать совершенно обнаженной, все равно обливаешься потом. С завистью глядела я на Даниху, сладко спавшую на соседней кровати. Она слегка похрапывала, как дитя, уставшее от непрерывных игр. Когда я наконец заснула, начались какие-то кошмары. Почти все сны были связаны с колдовством и заклинаниями, о которых я наслушалась от Халукени. Из множества снов я отчетливо запомнила один: какое-то чудовище с лицом Си Ян-цзи силилось воткнуть мне в рот длинный ароматный побег эводии, а Анджей, отталкивая китайца, подавал на листе драцены корневище имбиря. Вдруг явился очень похожий на меланезийца Джек Заремба, оттолкнул обоих и подхватил меня на руки. И вот я уже на борту «Матаупите», плывущей по морю, усеянному высокими остроконечными скалами. Огромные вспененные волны швыряют яхту, как мячик, наконец из морской пучины появляется гигантская, не то человеческая, не то рыба, голова. Она дунула... и судно со страшным грохотом и треском налетело на рифы, а я проснулась на полу, сброшенная с кровати какой-то неведомой силой. Едва я поднялась и стала на ноги, как сильный толчок и внезапное колебание почвы вновь повалили меня на циновки, по которым уже неуклюже ползала Даниху, тщетно нащупывая рукой какую-нибудь опору.

Придя в себя после первого испуга, я поняла, что на острове началось землетрясение. Как мы сумели выбраться из дома, трещавшего и трясущегося от коротких,

но сильных толчков,— этого я сейчас уже не помню. Со стороны селения и побережья доносились крики мужчин, женщин и детей, грохот и треск разбивавшихся о скалы волн и грозный рев моря, сквозь который временами прорывался жалобный щебет птиц.

Ночной мрак усиливал всеобщую панику. Трудно было разглядеть что-либо на десять шагов вперед, и, видимо, поэтому опасность казалась еще большей. Порой сквозь оглушающий грохот волн слышны были оклики людей, вначале громкие и отчаянные, а затем становившиеся все слабее и слабее, как бы удалявшиеся в глубь острова. Наш домик стоял в стороне, поэтому ему могли угрожать только обвал или находящиеся поблизости деревья, которые, падая, раздавили бы его. Но так как корни арековых пальм сидят очень глубоко в земле, а сами растения пружинисты, то они не очень-то поддавались даже резким колебаниям земли и разрушительным порывам урагана. Было лучше поэтому ожидать окончания катастрофы где-то поблизости, нежели пробираться ощупью сквозь кусты в поисках сомнительного убежища. Такого же мнения была и Даниху, безропотно предавшаяся разбушевавшейся стихии и крепко прижавшаяся ко мне.

Толчки повторились еще несколько раз, но они были уже значительно слабее и вскоре совершенно прекратились. Только океан продолжал гремять и рычать, обозленный тем, что ему не удалось увлечь в пучину наш маленький клочок земли. Когда из-за разбушевавшегося океана выглянул огромный красный диск солнца и позолотил своими лучами леса и горы, я встала с земли и решила посмотреть на разрушения, причиненные землетрясением. Крыша нашего домика была в нескольких местах как бы вдавлена внутрь, а столбы накренились, каждый в свою сторону и под своим углом. Раскладушки, столы, стулья и ящики лежали перевернутыми, в ужасном беспорядке, однако коллекции и личные вещи были целы.

Жители селения также не особенно пострадали. Правда, было разрушено несколько старых хижин, но большинство перенесло землетрясение хорошо и даже не требовало ремонта. Кое-где во время толчков свалились с чердачных настилов удочки, гарпуны и различные хранившиеся там мелочи. К счастью, в очагах не было тлеющих угольков, селение избежало пожара.

В хижинах меланезийцев нет никакой мебели, спят они на койках, укрепленных на столбиках, вбитых довольно глубоко в землю. Поэтому только кое-где рамы разъехались и циновки вместе с людьми свалились на пол. Лишь во время землетрясения становится очевидным, насколько практична и целесообразна вся конструкция этих легких хижин, состоящих из нескольких глубоко вбитых столбов, порой украшенных весьма любопытной резьбой, кровли и стен, сделанных из листьев. Это легкое и прохладное сооружение; если оно даже завалится, то не убьет и не ранит своих обитателей. Такую хижину можно разделить циновками на несколько обособленных комнатушек, которые занимают супруги, маленькие дети или одна из сестер хозяина дома.

Жители селения восприняли землетрясение как неизбежное зло, вызванное, по-видимому, гневом Пуа Тангалу, но с явной озабоченностью глядели на разрушения, произведенные океаном на побережье. Огромные, более десяти метров высотой волны перекатились через барьер из коралловых рифов и почти полностью смыли один из домов ритуальных лодок, а другой серьезно повредили. Дом для неженатых мужчин и подростков, построенный на сваях, также сильно пострадал, хотя, к счастью, никто из его обитателей не погиб. Говорят, один из холостых пожилых мужчин, страдающий болезнью желудка, разбудил всех сразу же после первого толчка, пока волны не залили еще дом. Правда, не обошлось без синяков и даже серьезных ссадин, но здешние мужчины стойко переносят любую боль.

Сам берег представлял собой страшную картину. Мощные удары волн смыли половину кокосовых пальм, поломав почти все остальные. Исчез где-то в морской пучине коралловый барьер, а на его месте высились остроконечные и надтреснутые скалы, в изломах и расщелинах которых торчали пучки длинных бурых водорослей. На поросшем буйными кустами берегу и коралловой осыпи, повсюду, куда только доставали опустошительные волны, среди обломанных ветвей деревьев, поломанных досок и столбов, спутанных сорняков и водорослей валялись сотни рыб, крабов, морских ежей, ракообразных, моллюсков разной величины и формы и даже несколько огромных осьминогов. Некоторые из этих тварей еще шевелились, окатываемые фонтанами брызг разбивавшихся о скалы волн. Однако океан мало

кого оставил в живых, и большинство морских обитателей было попросту раздавлено на месте. Подростки возились, громко хохоча, на коралловой осыпи и собирали в корзины все лучшее, что им попадалось, осторожно обходя ядовитых рыб, морских ежей и моллюсков.

Мой заливчик сильно изменился. Коралловый барьер, отделявший его от океана, поднялся почти на полметра, исчезли торчавшие на нем скалы. Океан все еще бурлил, через барьер со страшным грохотом перекачивались огромные массы воды, и заливчик превратился в какую-то жуткую яму, в которой клокотала кипящая вода, повсюду оставляя хлопья густой белой пены. На золотистом пляже заливчика я увидела множество прекрасных, порой очень больших раковин, чудесных разноцветных морских звезд, кораллы и даже огромного паука. Какое-то время он стоял на песке, раскачиваясь словно на ветру, пока наконец не растянулся и не застыл на земле. Сопровождавшие меня девушки подобрали самые красивые раковины, ловко выковыривая из них обитателей, прополоскали их в воде, а затем любезно преподнесли мне. Представляешь, какую чудесную коллекцию редких раковин привезу я в Польшу?

Через несколько дней в О'у не осталось уже и следов опустошений. Все хижины, в том числе и наша, были отремонтированы. Жизнь снова вошла в свою колею. Только на берегу складывали материалы для восстановления уничтоженных домов ритуальных лодок, а старый Халу Харере с утра и до вечера вырезал в своей мастерской для них столбы, шкатулки для талисманов и другие предметы культа. Я немного помогала ему в этой работе, отделявая деревянные сосуды и украшая их перламутровой инкрустацией.

Однажды я совсем одна пустилась в погоню за большой светло-желтой бабочкой и очутилась в старом, мрачном лесу, полном лиан и гирлянд тоненьких вьющихся растений, которые, словно портьеры, расшитые пестрыми, цветистыми узорами, спускались с верхушек деревьев на землю. Вдруг мне послышался голос кукушки. Я остановилась как вкопанная и с некоторым испугом стала прислушиваться: ведь кукушка — редчайшая птица в лесах Улавы, а по верованиям местных жителей того, кто услышит, как она кукует, постигнет несчастье. Однако мне повезло. Виновницей моего замешательства оказалась не кукушка, а очень красивая

птица, которую я впервые увидела на Соломоновых островах. Оперение ее отливало металлическим блеском, от светло-стального на спине до пурпурно-коричневого на брюшке и голубого на подгрудке. Она перелетала с одной ветки на другую, лова на лету больших мух и других насекомых. Тем временем бабочка, за которой я погналась, повисла над чашечкой большого пурпурного цветка. Неожиданно из густой листвы или же с соседнего дерева что-то свалилось на нее. Произошло это столь стремительно, что я уже сочла бабочку погибшей, но она оказалась проворнее и сумела ускользнуть от своего преследователя. К великому моему удивлению, на бабочку напала остроголовая лягушка, которая скатилась на цветок, а затем вместе с ним свалилась вниз. Желтая бабочка *пупае* — ценная добыча; если повезет, можно обнаружить ее висящей, наподобие летучей мыши, на ветвях дерева. А остроголовая лягушка так хорошо приспособилась к окружающему ее ландшафту, что даже зоркий глаз островитянина не в состоянии заметить лягушку на фоне ствола, на который она уселась. Совершенно случайно я поймала такую лягушку несколько недель назад, но так как для коллекции мне нужен был еще и самец, то решила воспользоваться представившимся случаем.

Я легко нашла оторванный от стебля цветок, но лягушки и след простыл. Затем обстоятельно осмотрела все листья и веточки, росшие вокруг корней могучего дерева из семейства шелковичных, и, отогнув в сторону сеть густых вьющихся растений, начала ощупывать руками ствол. Кора была в толстых складках темно-пепельного цвета, но местами проглядывали коричневые пятна. Шаря одной рукой по стволу, я крепко оперлась на него второй... как вдруг дерево хрустнуло и рука по самый локоть погрузилась в какое-то отверстие! Я почувствовала, как вокруг моих пальцев обвивается что-то тонкое и скользкое. Решив, что это змея или ядовитая многоножка, я пронзительно вскрикнула и быстро выдернула руку. Каково же было мое удивление, когда я увидела длинный ремешок, обильно орнаментированный украшениями из разноцветных раковин. Заинтересованная, я потянула ремешок сильнее, но он не поддавался, как будто был к чему-то прицеплен. Я снова засунула руку в отверстие и ощутила под пальцами довольно большой и тяжелый предмет...

Самые фантастические мысли приходили мне в голову, но после короткого раздумья я вынуждена была их отбросить. Сперва я решила, что нашла клад, спрятанный еще со времен испанских завоевателей, но вскоре сообразила, что шелковичные деревья, как правило, не столь долговечны. Затем я заметила, что отверстие, сделанное моей рукой, свежее, а потому должно быть еще и другое, через которое предмет вложили в дупло. Я начала его искать и вскоре на противоположной стороне ствола обнаружила довольно большую щель, тщательно прикрытую большим пучком незнакомого мне паразитирующего растения. Убрав его и расширив обильно заросшее корешками дупло, я вытащила из него сверток и очистила от слоя трухи и пыли. Это была довольно большая сумка, сплетенная из какого-то волокна и украшенная редкими морскими раковинами. К моему великому изумлению и разочарованию, вместо сокровища или хотя бы ценных раковин и сережек в сумке лежали лишь несколько человеческих костей, железный гарпун для ловли рыб и тритонов, иссохшие и раскрошенные ароматические травы, горстка почти окаменелых корневищ, а также длинных и острых шипов. На дне я нашла наполовину истлевшие куски какого-то дерева, перемешанные с кусочками имбиря, который сохранил еще свой пряный запах. Были там и остатки хитиновых панцирей разных жуков, но в таком плохом состоянии, что уже не представляли никакой ценности для коллекции.

Я раздумывала, что же делать с находкой: положить сумку обратно в дупло или попросту выбросить весь хлам в кусты? Следовало, однако, более тщательно осмотреть сумку. Она была сплетена из тонкого и крепкого ротангового луба. В ткань искусно вплетались узорчатые вставки из разноцветных раковинных дисков, так умело уложенных, что они стали как бы фоном для нескольких довольно больших круглых дисков, выпиленных из перламутра, на которых виднелись какие-то глубоко вдавленные линии — возможно, символические знаки. Верх, бока и ремешок сумки были украшены очень редкими на Улаве и поэтому чрезвычайно ценными морскими раковинами, скрепленными тонкими ротанговыми нитками.

Несомненно, сумка эта старинная, представляющая весьма любопытный образец меланезийского искусства, а следовательно, исключительно ценное для нас приоб-

речение, разумеется, вместе с находившимися в ней предметами. Если же папа и решит, однако, что сумка не представляет никакой этнографической ценности, то я оставляю ее себе, очищу, верну раковинам их прежний блеск, и в Польше она произведет немалый фурор! Я завернула свое сокровище в листья пандануса, проверила еще раз, не осталось ли признаков того, что это место посещалось кем-либо, знающим о тайнике, а затем преспокойно, не чувствуя ни малейших угрызений совести, вернулась в селение. Я не встретила никого на своем пути, но, проходя мимо хижины Халу Харере, захотела похвастать своей находкой. Я вынула сумку из покрывающих ее листьев, повесила на плечо и уверенно вошла в мастерскую. Кроме резчика я застала там и Даниху, которая при виде меня радостно вскрикнула и вскочила. Халу Харере радушно буркнул что-то под нос и кивнул мне головой. Но Даниху, как истая женщина, сразу же заметила сумку и, пораженная, вероятно, ее отделкой, воскликнула:

— Энн, откуда такая красивая сумка? Кто подарил?

Хозяин дома взглянул на мою находку с любопытством, но неожиданно изменился в лице. В его глазах мелькнуло что-то, выражающее крайнее изумление, любопытство и страх, губы его задрожали, наконец он выдавил из себя нечто похожее на стон:

— Хеле...

Я глядела на него, ничего не понимая, а Даниху отскочила от меня и, прикрыв лицо руками, укрылась за какой-то поделкой. Некоторое время в хижине стояла мертвая тишина, затем Халу Харере осторожно подошел ко мне, поглядел на сумку, попросил показать ее содержимое и рассказать, как она ко мне попала. Сперва он казался весьма встревоженным, но, узнав, что на месте, где я нашла сумку, уже долгое время никого не было и все там заросло зеленью, старик вздохнул с облегчением. Он внимательно рассмотрел кости и другие вынутые из сумки предметы, весьма тщательно изучил украшения на ней, а затем тихо сказал:

— Сумка, видимо, принадлежала хеле, на что указывают раковины, сложенные в виде знаков *сираку* и *ликвомо*. Хеле был человек, в которого вселился демон. Он не имел оружия, но достаточно было хеле травинки или веточки, чтобы одним дуновением направить ее на свою жертву и погубить. Наши деды, а затем и отцы

рассказывали, что сила хеле заключалась в одном из сортов имбиря, который он хранил в своей сумке. Хеле вынимал ее ночью из дупла или семейного тайника, и сумка уносила его туда, куда он хотел. Встретив свою жертву, хеле показывал блестящий узор на сумке, при виде которого несчастный падал на землю, бился в конвульсиях, глотая и давясь валявшимися листьями, камнями или пылью. Тогда хеле протягивал над лежавшим свою сумку, проводил ею с головы до ног, а затем гарпуном пронзал дыхательное горло. После этого он вынимал бамбук, прокатывал несколько раз по горлу своей жертвы, наконец дул на израненное тело и произносил: «Ступай теперь в свою хижину и объяви людям в селении мое имя». Назвав имя, он добавлял: «Через три дня созреет манго или залает собака». Этим он обозначал срок жизни несчастному. Человек поднимался и брел в свое селение, но по пути забывал имя напавшего на него хеле и выпускал дух. Но хеле мог убивать только одинокого человека, в толпе он терял свою силу и был не в состоянии что-либо сделать.

— Если эта сумка принадлежала какому-то хеле, то это было, вероятно, очень давно, так как я ничего не слышала о вселении демонов в людей! — воскликнула я, а затем, улыбнувшись, добавила: — Как жаль, что эта сумка не сможет унести меня туда, куда бы я хотела... Как приятно было бы такое воздушное путешествие над лесами и горами Улавы!..

Но Халу Харере ничего не ответил на мою шутку, только покачал головой, а немного спустя стал уговаривать сжечь или выбросить в море сумку со всем ее содержимым. Я предпочла, однако, спрятать ее на дне стального сундучка и запереть на несколько замков, чтобы показать папе, когда он возвратится в О'у. Я с изумлением заметила, что после этого случая люди в селении стали смотреть на меня с явной тревогой. Пришлось поэтому сообщить направленной ко мне делегации женщин, что сумку я сожгла, а пепел выбросила в море. Видимо, Даниху рассказала о моем «сокровище».

Пишу это письмо бессонными ночами, мне все время чудится, что кто-то подбирается к дверям хижины! Пожалуй, и в самом деле лучше сжечь эту сумку, а то вдруг какой-нибудь хеле явится за ней?

Будь здорова.

Твоя озабоченная Аня

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ САНТА-КАТАЛИНА, СЕЛЕНИЕ ТОКОРЕ

Моя дорогая Ева!

Уже давно, очень давно, целых четыре или пять месяцев, я не писала тебе. Как видно из обратного адреса, нахожусь уже не на Улаве, так как месяц назад мы отправились на маленький островок Санта-Каталина, который аборигены называют Ова-Рики, то есть Малый остров. Но перед тем, как рассказать о новом месте нашего пребывания, должна хотя бы вкратце посвятить тебя в то, что произошло на Улаве.

Насколько помнится, я рассказала в последнем письме о найденной мною сумке, некогда принадлежавшей человеку, в которого вселился демон, но этот хеле давно умер, и сумка потеряла свою магическую силу. Она была очень красива, украшена ценными раковинами, и я решила поэтому оставить ее себе. Вопреки совету Халу Харере сжечь ее я спрятала сумку в моем стальном сундучке. Отсюда и начались мои несчастья! Тихий до сих пор домик стал сущим адом. С наступлением темноты кто-то настойчиво скребся в дверь, возился около засова, шелестел под стрехой, скрипел в стропилах. Несколько раз я пыталась выяснить, в чем причина этих звуков, но так и не добилась результатов. Никого близ домика не было, кругом стояла тишина, если не считать криков голубей, которые, громко курлыкая, в лунные ночи стаями перелетают с дерева на дерево. Как только сон одолевал меня, начинались кошмары, и каждый раз одинаковые: какое-то страшное существо пронзало мне горло острием копья, хохоча при этом так жутко, что я с громким криком, обливаясь потом и вне себя от страха, просыпалась, зажигала лампу и просиживала так до рассвета. Но самое удивительное состояло в том, что у противоположной стены безмятежно спала Даниху и даже не слышала моих пронзительных криков!

Я была настолько измучена и взволнована, что решила сжечь сумку, но как раз в этот день вернулись из своей поездки по острову мои мужчины. Когда я показала им сумку и рассказала, как она попала мне в руки, они запрыгали, как маленькие дети, и стали восхищаться ею, словно это была ценнейшая жемчужина.

Затем отец схватил сумку, прижал ее к груди и заботливо запер в своем чемодане, где держал только личные вещи. Я рассказала ему о бессонных ночах и кошмарных снах, преследовавших меня с тех пор, как сумка попала в дом, однако отец только махнул рукой, заявив, что жара знойного тропического сезона действует на мои нервы, но это быстро пройдет, так как мы вскоре покинем Улаву. В награду за сумку папа подарил мне чудесный наряд из раковин, который, как говорят, был изготовлен для скоропостижно скончавшейся дочери одного из вождей селения, жителей которого обратили в христианство. Это был обручальный наряд, который девушка так ни разу и не надела. Как папе удалось приобрести его у отца умершей — остается для меня загадкой, поскольку островитяне весьма неохотно расстаются с такими сокровищами. Ведь наряд этот доставили вождю через несколько дней после смерти девушки, и он должен был напоминать ему о безвременно потерянной дочери.

Наряд состоит из целой массы шнурков с нанизанными на них необыкновенно тонкими раковинными пластинками — красными, белыми и черными, а также зубами летучих собак, морских свиней и других животных. В него входит чепчик, искусно связанный и украшенный ниспадающими на лоб подвесками. Он производит впечатление какой-то легкой, тонкой короны, чудесным образом выделанной из коралловых веток. Есть здесь и великолепные серьги типа «эхо»; множество ожерелий, шнурков, падающих с плеч на грудь, живот и бедра; очень красивая набедренная повязка; наплечники и наголенники, вытканые разноцветными раковинными пластинками; браслеты из раковин тридакны и ароматических трав, а также покрытая орнаментом палочка для носа, заканчивающаяся богатым привеском из более чем десятка мелких зубов летучей мыши. К сожалению, я не смогу использовать это последнее украшение — ведь моя носовая перегородка не продырявлена.

Весь наряд кажется специально сделанным для меня. Выгляжу в нем как истое морское божество, но только потому, что загорела, как африканка. На белой коже эти украшения не будут иметь вида. Огорчает только мысль, что не смогу показаться в этом роскошном наряде у себя на родине. Ведь если бы женщины, собравшиеся на пляже, увидели меня в нем, то уж, наверное,

каждая из них сочла необходимым отщипнуть кусочек на память, а меня, бедняжку, забрала бы милиция...

Моя радость от подарка была бы неполной, если бы я не убедилась, что очень нравлюсь Анджею в новых украшениях. Правда, этот циник утверждает, что я должна носить их, как местные девушки, то есть на голом теле, а не на бикини. Но так как он всегда несдержан на язык, и на этот раз подобное замечание сошло ему безнаказанно.

Несколько дней спустя, когда я уже вдоволь наслушалась всяких рассказов, воспоминаний и восторгов, связанных с поездкой по острову, и рассуждений о предстоящем скоро выезде на другие островки, девушки взяли меня с собой на лов морских моллюсков. Мы поплыли всей гурьбой к ближайшим подводным коралловым рифам. «Женские» челны сопровождали две «мужских» лодки, экипажам которых предстояло заботиться о нашей безопасности и защищать от акул и огромных осьминогов.

По прибытии на место было устроено небольшое совещание, после чего наши челны описали круг, а мужчины расположились в центре. Интервалы между лодками составляли приблизительно двадцать пять метров, поэтому места для лова было достаточно. С каждого челна прыгали в море две девушки, а третья присматривала за веревками, к которым привязывали корзины, наполняемые добычей. Все девушки были совершенно обнажены, и только вокруг бедер оставались узкие пояски, к которым каждая из них прикрепила острый нож и корзинку из листьев пандануса. Лишь на мне был надет купальный костюм, на ногах — резиновые ласты, а глаза защищены великолепными японскими очками для ныряния.

Ты не представляешь, как прекрасно плавают и ныряют девушки из О'у. Они прыгают в море обычно слева, параллельно лодке, и исчезают в воде так быстро, что даже рыбам *пвуайле* (что означает «обгрызающие кораллы») впору, пожалуй, краснеть от стыда. Через некоторое время — иногда проходит полминуты, а чаще даже минута — рывок веревкой сигнализирует: корзинку пора вытаскивать. Почти одновременно показывается голова всплывающей девушки.

Улов был обильным. Каждую корзину наполняли самые различные виды моллюсков, преимущественно в

больших и красивых раковинах. Названий многих из них я просто не знаю. Попадали сюда также небольшие осьминоги, различные раки и другие мелкие морские животные самой необычайной формы и расцветки.

Я находилась в одной лодке с Даниху и Упвехо, внучкой старой Рехе. О Даниху ты уже знаешь из предыдущих писем, а Упвехо — это исключительно милая и живая девчонка, похожая на угловатого подростка. Как и любая местная жительница, она так плавает и ныряет, словно родилась в воде. Бедняжка даже прослезилась, когда мы с Даниху — на правах старших — прыгнули в воду, а ей пришлось остаться в лодке и присматривать за нашими веревками.

Даниху поплыла вправо, а я влево. Рядом проносились маленькие, но очень красочные коралловые рыбки, которые пялили на меня свои большие глаза, как бы с интересом наблюдая за появлением столь странного белого чудовища. Вскоре я увидела потрескавшиеся коралловые рифы, полные отверстий и лазеек, и, наконец, очутилась в широкой расщелине, похожей на улицу в большом городе, по обеим сторонам которой высятся каменные громады домов. Здесь валялась масса обломков (очевидно, последнее землетрясение наделало немало бед), но между ними уже прорастали пучки водорослей, виднелись пестрые актинии, колючие морские ежи, губки, раковины и морские звезды. Мое внимание привлекли какие-то великолепные мраморные конусы, но когда я уложила их в корзинку, то заметила сбоку красивого наутилуса, потом огромного *Murex tinuispina* и других любопытных моллюсков. Не успела оглянуться, как корзинка наполнилась. Когда я потянула за веревку и хотела уже оттолкнуться от дна, чтобы всплыть на поверхность, то уголком глаза заметила высовывавшуюся из-за коралловой осыпи раскрытую, полную острых зубов пасть, а затем короткую, почти треугольную голову с небольшими, злыми глазками, которые глядела с такой холодной жестокостью и хищной злобой, что дрожь пробежала у меня по спине.

«Мурена,— отметила я про себя,— если она нападет на меня сейчас... я пропала».

Мне уже не хватало воздуха, но попытка всплыть на поверхность могла кончиться тем, что мурена схватит меня за ногу. Следовало предупредить нападение!

В руке у меня был охотничий нож, длинный и острый

как бритва. Я часто пользовалась им во время подводной охоты, отрезая крепко присосавшихся моллюсков. Резким движением я бросила его в высунувшуюся голову мурены, немного промахнулась и попала несколькими сантиметрами дальше, в толстое туловище рыбы. Удар был так силен, что нож крепко вонзился в коралл. Я никак не могла его вытащить. Неожиданно почувствовав удар по ногам, я выпустила рукоятку и свалилась на дно. Последним усилием воли оттолкнулась и, задышавшись, всплыла на поверхность, где стала жадно ловить ртом воздух.

Девушки тотчас подплыли и помогли мне вскарабкаться в лодку. Тут Упвехо заметила широкий красный след от удара. Я рассказала девушкам о встрече с муреной. Они покачали головами и сказали, что лишь какой-то добрый дух спас меня от злой кровожадной рыбы.

После короткого отдыха и глубоких дыхательных упражнений мы с Даниху вновь спустились на дно, но на этот раз захватили с собой гарпуны. Найти мурену оказалось не трудно, так как она все еще металась, расшвыривая вокруг себя целые массы коралловых обломков и песка. Даниху немного выждала, а затем вонзила гарпун в толстое туловище чудовища, после чего и я воткнула свой. Мы дернули за веревки, которые сразу же натянулись как струны. Однако нож продолжал торчать в коралле и держал мурену как в клещах. Пришлось вернуться в лодку, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Затем мы снова нырнули, причем я держала теперь в руке крепкую веревку с затягивающейся петлей на конце. После многих безуспешных попыток мне удалось наконец затянуть петлю на рукоятке ножа, а затем, пошатая несколько раз в ту и другую сторону, выдернуть клинок. В этот момент мурена развернулась как пружина, вырвала оба гарпунных древка из рук ошеломленной Даниху и исчезла в одной из многочисленных щелей. Все это произошло столь внезапно, что какое-то время мы беспомощно глядели на жердочки, раскачиваемые спокойным течением.

Еще несколько раз мы всплывали на поверхность, а затем опускались на дно, общими усилиями пытались вытащить мурену или гарпуны из расщелины. Но все оказалось тщетным. Рыба так крепко заклинилась в кораллах, что веревки, к которым были привязаны гар-

пуны, стали протираться, грозя нам потерей ценных стальных лезвий. Мы решили позвать на помощь мужчин. Двое из них, Лапаите и Варичу, нырнули с нами вглубь и попытались копиями выгнать мурену из убежища, а мы тем временем тянули рукоятки гарпунов. Мы сделали не менее десятка попыток, и каждый раз безрезультатно. Когда было уже решено отрезать веревки и навсегда лишиться гарпунов, Лапаите, видимо, добрался до рыбы или же повредил стенку ее убежища, так как внезапно вокруг нас веером разлетелись обломки, затем на дно свалился большой кусок коралловой стены, а из проломленного отверстия молнией выкатилась огромная мурена, кинувшаяся прямо на Варичу. Я изо всех сил потянула веревку с гарпуном, но опоздала, так как хищник уже впился зубами в запястье юноши. Я оцепенела от ужаса — ведь клыки мурены соединены с наполненными ядом железами, а поэтому, хватая жертву, рыба отравляет ее организм. Не успела я подумать о последствиях укуса этой твари, как Даниху уже кинулась на помощь Варичу. Она схватила метавшееся туловище рыбы и, несмотря на сильные молниеносные удары, которые та наносила девушке, несколькими взмахами ножа... обезглавила мурену. Отрезанное туловище длиной более полутора метров и толщиной с плечо полной женщины зрелого возраста всей тяжестью повисло на моем гарпуне, но вскоре начало корчиться и с какой-то чудовищной силой биться о коралловое дно обрыва, окрашивая воду своей яркой кровью. Я изо всех сил удерживала в руках гарпун и старалась поскорее всплыть на поверхность, так как кровь мурены могла приманить акул, которых немало в этих местах, или же чудовищных скатов со страшными шипами на длинных хвостах. Видимо, судороги мурены послужили каким-то тревожным сигналом для морских обитателей, так как я с ужасом заметила, что вокруг меня собирается целая стая самых разнообразных рыб, среди которых появилась огромная, как бы налитая жиром голова крупного морского ангела, одной из самых прожорливых акул.

Когда я всплыла на поверхность, что-то дернуло мой гарпун так сильно, что только чудом мне удалось удержать его в руке. Я отдала гарпун Упвехо, которая сразу же подплыла ко мне и помогла взобраться в лодку. Долгое время я лежала, не проронив ни слова, совер-

шенно обессиленная, жадно вдыхая воздух. Оказалось, что с обтрепанной веревки гарпуна свисал лишь жалкий кусок мурены, ровнехонько отхваченный зубами от остальной части туловища. Это была, видимо, работа морского ангела, для которого крупное туловище мурены послужило всего лишь предобеденной закуской. Но было бы значительно хуже, если этот хищник захотел полакомиться... моими ногами!

Немного придя в себя, я поинтересовалась судьбой Варичу. Как оказалось, он всплыл с помощью Даниху и теперь находится в своей лодке. Девушка уже высвободила его руку. К счастью, на запястьях у парня были манжеты из раковин, которые мурена не смогла раздавить своими зубами и поэтому лишь слегка поранила ему кожу. Даниху промыла ранки морской водой, однако на берегу рука Варичу страшно распухла и у юноши начался приступ такой сильной лихорадки, что он метался в бреду как одержимый. Я ввела ему дома антитоксическую сыворотку и приложила компрессы с борной кислотой. Через две недели парень был здоров как бык. Думаю, что это происшествие с муреной сблизило Даниху и Варичу, так как они все чаще стали встречаться и оживленно толковать о чем-то, забыв обо всем на свете.

Папа и Анджей были так поглощены окончанием своих исследований — набросками, многочисленными сравнительными таблицами, а также пополнением и упаковкой коллекций, что не обращали на меня ни малейшего внимания. Именно в это время я стала задумываться над тем, что сулит мне брак с вечно занятым ученым, у которого не будет времени... даже на поцелуй. К счастью, настала пора разводить в О'у новые огороды для выращивания ямса. Вместе с Лилиекени и целой группой женщин я приняла участие в этой важнейшей на всем архипелаге работе, с которой начинается здесь новый год.

На Улаве, а также на других Соломоновых островах каждая семья с незапамятных времен владеет выделенным ей в лесу наделом, где она ежегодно выжигает небольшой участок для посадки ямса. На земле, где в прошлом году был огород, выращивают бананы, папайю и бетельный перец. В дальнейшем огород постепенно зарастает лесом.

Первая работа на новом участке — расчистка от всех

кустарников и вьющихся растений. Большие деревья, очищенные от коры, оставляют в качестве опор для саженцев, которые тянутся по стволу вверх и своими плетями цепляются за низко растущие ветви. Владелец огорода приглашает для работы на нем всех своих родственников и друзей. Пока женщины расчищают участок, мужчины сооружают вокруг него ограду из толстых и крепких жердей, чтобы защитить от нашествия свиней. В эту пору здесь устраивают различные обряды и произносят заклинания. Чаще всего они направлены против воров и всяких вредителей, которые тем или иным способом могут повлиять на рост саженцев. Заклинания, по мнению местных жителей, способствуют передаче огородов под опеку родовых духов — моря или летучей змеи, которая считается покровительницей большинства семейств в О'у. Делается это просто: на куске листа пандануса или коры какого-либо другого дерева рисуют изображение духа, вооруженного луком и стрелами, или же фигуру, разгоняющую летучих рыб и готовую в любой момент поразить вредителя. Затем изображение прикрывают глиной и незаметно прячут где-нибудь в уголке между жердями ограды. Как уверяет Ваде, такой талисман весьма эффективен, хотя Лилиекени и сомневается в этом. Она не верит в колдовство и заклинания, не афишируя, однако, своего атеизма, и несколько снисходительно смотрит на мужа, который умудряется как-то сочетать обширные знания в области современной техники со старыми верованиями. Именно благодаря Лилиекени мне удалось достать великолепную статуэтку, вылепленную из глины, летучую змею, которая была найдена за оградой одного из огородов.

Ямки для посадки ямса выкапываются в течение одного дня. Мужчины и женщины по обычаю должны выполнять эту работу натошак и, хотя у них есть железные орудия, копают ямки специальными палками из твердого дерева *маалеуэ*. Еще недавно кончики палок затесывали и закаляли на огне колдуны, но в настоящее время это делает сам владелец огорода. По окончании работы палки складываются среди участка, где находится маленький алтарь, сооруженный из стволов деревьев, на который приносится в жертву клык морской свиньи в раковине *таредо*.

Перед посадкой ямса владелец огорода приглашает колдуна, который приходит ночью и произносит пред-

писанную формулу заклинания саженцев, затем поднимает их вверх и изрекает: «*Нга оку*, пусть их будет так много, как палоло!» После этого визита клубни ямса разрезают на ломтики, так же как у нас саженцы картофеля. На следующий день колдун берет ветку драцены, перевязанную вьющимся растением сато, и обходит вокруг ограды, вычерчивая над огородом драценой какие-то таинственные знаки. В этот момент подходят женщины, которые несут на головах сумки полные саженцев, и останавливаются у перелаза. Они открывают сумки, завязывая концы тесемок на голове. Подходит колдун или просто человек, знакомый с заклинаниями, и проделывает над сумками обрядовые движения драценой. Эти действия должны очистить саженцы и защитить их от высыхания или гниения. Женщины снимают с себя сумки, а колдун вынимает первый саженец, произносит над ним заклинания и осторожно кладет в ямку. То же самое он проделывает и с остальными саженцами. Уложив их все в ямки, колдун засыпает первый саженец землей, а женщины закапывают остальные. Крупные саженцы сажают в расчете на плодоношение, а для мелких оставляют место на скверике и предназначают для духа-опекуна семьи или для летучей змеи. На скверике складывают также молодые арековые орехи, которые затем сажают в землю.

Опорожнив сумки, каждая из женщин, участвующих в посадке ямса, произносит: «Моя сумка принадлежит всем, я хочу пить!» Эти слова служат сигналом для хозяина, который взбирается на кокосовую пальму и срывает с нее неспелый орех. Все по очереди пьют сок. Следует пир, организуемый по старому обычаю. Ломтики ямса кладут на доску и прикрывают листьями, на них помещают горячие камни, которые поливают водой, и сразу же кладут еще слой листьев. Ямс варится на пару. Такой способ приготовления пищи называется на Улаве *ку*.

Вернувшись однажды с огородов, я застала отца в отвратительном настроении. Даже Анджей забился куда-то в угол. Папа злился, клял каких-то женщин, а мне велел немедленно укладываться. Потом он позвал Анджея, приказал ему заказать у Оху Сеу большие морские лодки, одновременно ругая на чем свет стоит всех китайцев, и особенно изысканного Си Ян-цзи, за безответственность. Лишь через некоторое время, когда папа

немного остыл и успокоился, я узнала, что он был так взволнован появлением небольшой группы представителей какой-то секты, вознамерившейся обратиться в христианство язычников в О'у. Они прибыли из Ахии совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, и, блуждая по опустевшему селению, наткнулись на какого-то малыша, который, увидев перед собою европейцев и не понимая их вопросов, указал на наш домик. Если бы миссионеры были мужчинами, отец, вероятнее всего, принял бы гостей и дал им исчерпывающие пояснения, но, к сожалению, группа состояла только из одного мужчины и двух полнотелых женщин, которые при виде белых мужчин, прикрывающих наготу скудными плавками, сперва словно остолбенели, затем пронзительно вскрикнули, отшатнулись, прикрыли глаза руками и в конце концов бессильно опустились на скамейку, стоящую под развесистым манговым деревом. Папа утверждал, что на скамейке долгое время слышался плач, а Анджей доказывал, что обе матроны попросту давились со смеха. Единственный мужчина в этой группе, по всей вероятности администратор миссии, старался успокоить своих подопечных, объясняясь с ними на каком-то малопонятном диалекте, из чего Анджей заключил, что миссионеры — малообразованные люди.

Старшая из женщин поднялась наконец со скамейки и, обращаясь к папе, патетическим тоном произнесла проповедь, в которой, по словам Анджея, грозила профессору вечными муками, утверждая, что несчастного будут жарить в смоле, так как он обнажает свое грешное тело и подает дурной пример неискушенной молодежи (тут, как утверждает Анджей, она нежно взглянула на него!)

Папа слушал эту проповедь вначале в крайнем изумлении, затем со все возрастающим нетерпением и даже гневом. Потом он схватил с ящика старинную, с красивой резьбой по твердому дереву, боевую палицу, взмахнул ею над головой и... как подобает воину, с громким криком ринулся на болтливого противника. Администратор и младшая из женщин тотчас же скрылись за деревьями, а разгневанная матрона, увидев приближавшегося к ней сурового воина, остановилась на полуслове и вытаращила глаза. Тут что-то заклокотало у нее в горле, а затем, как спугнутый мегапод, она кинулась наутек. Ноги ее запутались в длинной юбке, видно, она

споткнулась о какую-то палку или камень... Во всяком случае миссионерша всей тяжестью своей массивной фигуры грузно свалилась на землю, юбка ее вздулась как воздушный шар и опустилась на спину... открывая во всей их природной пышности крупные бедра и совершенно обнаженные полушария обеих огромных ягодиц.

Зрелище было таким неожиданным и комичным, что Анджей прыснул со смеху, а отец остановился как вкопанный, оперся обеими руками на палицу и в немом удивлении глядел некоторое время на открывшиеся перед ним «женские прелести». Затем он процедил сквозь зубы какое-то нецензурное слово, сплюнул со злости и отвращения и вернулся в дом. Как только профессор удалился с поля боя, тотчас же показались администратор и его спутница. Подбежав к поверженной матроне, они прикрыли ее наготу юбкой и после долгих безуспешных усилий подняли ее наконец на ноги.

Миссионеры ушли, вероятно, глубоко оскорбленные, а в доме, по словам Анджея, начался ад. Отец сыпал проклятиями на всех знакомых ему языках мира и доказывал, что нет больше смысла оставаться на Улаве, так как миссионеры отравят нам жизнь. Они совершенно изменяют облик О'у, островитян облачат в костюмы, прикрывающие их тела с головы до пят, в результате чего аборигены начнут простужаться. Легочные болезни увеличат число и без того многочисленных тропических недугов, которыми страдает местное население. Исчезнут старинные обычаи и верования, колдовство и заклинания, обряды посвящения молодежи, традиционная посадка клубнеплодов. Мужчины перестанут ловить рыбу, а женщины — ежедневно купаться, так как начнут стыдиться собственного тела. Под европейскими тряпками при местной жаре они будут обливаться потом и находить у себя разных назойливых насекомых. Бесповоротно исчезнут чудесные украшения из раковин, как это уже случилось во многих селениях, где прочно обосновались белые миссионеры, и канут в прошлое уничтоженные религиозными фанатиками следы старинных, неизвестных нам культур, названных этими ретроградями «деяниями сатаны». «Разумеется, — гремел профессор, — среди сотен религиозных сект и их миссионеров немного найдется таких умных и терпимых людей, как пастор Фокс, которые, знакомя местных жителей с ос-

новами христианства, в то же время сохраняют культурные ценности своей паствы. Прибытие в О'у женщин, призванных обращать в христианство добродушных жителей селения, не сулит ничего хорошего».

Папа нарисовал весьма мрачную картину, и я было подумала, что в гневе он сильно преувеличивает, но уже на следующий день убедилась в правоте профессора. Когда с группой развеселившихся девушек я возвращалась с утреннего купания в заливчике, из-за кустов вышла полная белая женщина в одежде, совершенно неподходящей к условиям тропической жары на Улаве. На ней было какое-то тяжелое, старомодное платье, тесно облегающее шею и торс, с широкой, расклешенной юбкой до пят. Женщина появилась так неожиданно, что шедшие впереди девушки чуть не столкнулись с ее могучим бюстом, взвизгнули и в панике разбежались, испуганно крича:

— *Ху'а аха на'эва!* Женщина, что растерзывает акул!

Слова эти послужили сигналом остальным девушкам, которые в испуге разбежались, скрывшись где-то в кустах. Ничего удивительного в этом не было: ведь для них полнотелая миссионерка послужила воплощением «женщины, растерзывающей акул-опекунш», согласно местным верованиям занимающей видное место среди духов.

Владелица тщательно застегнутого платья, казалось, была застигнута врасплох подобной реакцией, так как некоторое время оробело следила за убежавшими. Но вскоре, повернувшись в мою сторону, она скривила в злой улыбке свои бескровные губы и нравоучительным тоном стала читать мне проповедь о греховности женщин, обнажающих свое тело. То, что здешние девушки, визгливо трещала она, ходят обнаженными, вполне понятно, так как они никогда не слышали слова божьего, но что европейка публично оголяет свое тело перед аборигенами и возбуждает их греховные инстинкты — это уже вопиет к небу, и удивительно, как это святая земля еще не поглотила меня до сих пор. Затем, чуть ли не давась от злости и возмущения, она стала осыпать меня страшными проклятиями, грозить геенной огненной и всевозможными муками как при жизни, так и после смерти.

Сперва я слушала все эти бредни с любопытством и даже с интересом, не лишенным иронии, так как та-

кого рода поведение миссионерки по отношению к совершенно чужому ей человеку доказывало полное отсутствие у нее элементарного такта, тем более что ни своим поведением, ни одеянием (на мне был широкий купальный халат) я не давала ей никакого повода для столь вульгарного выпада. Однако я терпеливо ждала, пока она выдохнется и замолчит, после чего вежливо сказала:

— Знаете ли вы, что мы находимся сейчас на территории, где все женщины могут ходить совершенно обнаженными, абсолютно не опасаясь встретить мужчин? Эта местность предоставлена в исключительное пользование женщин. В заливчике они могут свободно купаться, что охотно делают, и даже по нескольку раз в день. Советую избегать оскорбительных эпитетов в ваших проповедях, так как местные жители очень чувствительны к ним и это может причинить вам немало неприятностей.

Высказав все это, я учтиво поклонилась, тщательно завернувшись в халат и пошла по тропинке. Но стоило мне пройти мимо остолбеневшей миссионерки, как она внезапно сорвала с меня халат, бросила его на землю и хотела растоптать. Однако ей не пришлось исполнить свое намерение, так как и меня обуял гнев. Я метнулась словно раненая рысь, схватила святошу за руку, затем повернулась к ней спиной и красивым классическим броском через плечо повалила на песок. Признаться, мне очень хотелось окунуть ее в заливчик, чтобы она хоть раз в году смыла грязь со своего жирного, дурно пахнущего тела; надеюсь, впрочем, что это сделает за меня кто-либо другой. Я уже было собралась уходить, но, увидев, как эта обиженная природой женщина беспомощно барахтается на песке, неловко перебирая толстыми ногами, пожалела ее и помогла подняться. Я изрядно намучилась — в ней было, пожалуй, сто пятьдесят килограммов живого веса, но теперь она, по крайней мере, покорно подчинялась моим усилиям. Когда наконец я подняла миссионерку на ноги, она взглянула на меня, словно побитая собака, и, ковыляя, молча побрела в селение.

После завтрака папа и Анджей заставили меня привести в порядок нашу хронику и разобрать записи, которые они вели во время последней поездки. С хроникой я справилась быстро, но когда принялась разбирать

записи папы, то нашла в них такие любопытные предания и легенды, что забыла обо всем на свете. От этого увлекательного чтения меня оторвали чьи-то чужие голоса. Я посмотрела в сторону непрошенных гостей. У самого столика (заваленного сейчас грудой карточек), который мы поставили под крышей беседки перед домиком, стояла молодая, высокая и очень красивая белая женщина, а рядом с ней худой, хилый мужчина. Мое внимание привлекло странное, старомодное длиною до пят платье женщины, плотно застегнутое под шеей, тогда как белый полотняный костюм мужчины имел такой вид, словно его только что купили в самом современном салоне мужских мод. Позади гостей толпились хихикавшие втихомолку местные девушки, среди которых я увидела Даниху и Упвехо.

Гости представились. Это были мисс Элен Моррис, врач, и мистер Изав Перкинс, администратор миссии, принадлежащей к «Конгрегации братьев» (как говорят, одной из самых фанатичных религиозных сект в Англии). Затем они уселись на складных стульях, которые Даниху вынесла из домика, и мистер Перкинс в замысловатых и витиеватых выражениях сообщил нам о цели визита. Так, мисс Моррис и он сам были делегированы миссией, чтобы извиниться перед нами за поведение миссис Изабелл Хоу, которая вследствие переутомления и слишком долгого пребывания в тропиках начала проявлять признаки болезненной одержимости в вопросе о наготе и читать вызывающие нравоучения совершенно незнакомым ей людям. Поскольку ее психическое состояние тревожит персонал миссии и может нанести непоправимый ущерб «Конгрегации братьев», миссис Хоу при первой же возможности будет отправлена в Европу на заслуженный отдых и лечение. Сегодня утром, продолжал мистер Перкинс, миссис Хоу тайком сбежала из-под опеки наблюдающей за ней миссис Джексон и через некоторое время вернулась совершенно надломленная. Когда ей дали успокаивающие средства, больная расплакалась и рассказала о своей утренней прогулке, ничего не утаив. Больше всего ее растрогал поступок белой девушки, которая, вместо того чтобы оставить ее, совершенно беспомощную, на песке, помогла встать и поддерживала, когда она оказалась в состоянии делать первые, еще неуверенные шаги.

В течение всей этой речи я чувствовала направлен-

ные на меня взгляды обоих миссионеров. Желая скрыть охватывавшее меня смущение, я побежала в хижину и привела на веранду обоих мужчин. Папа, увидев миссионеров, стал сперва злобно коситься на них, но вскоре поддался обаянию мисс Моррис, которая кроме медицины прекрасно ориентировалась в вопросах этнографии народов, обитающих в Океании. Я заметила, однако, что Анджей произвел большое впечатление на молодую женщину. Она краснела как мак, когда он обращался к ней, и стыдливо прикрывала свои чудесные васильковые глаза густыми и длинными темными ресницами. А этот негодяй с явным удовольствием бросал на нее взгляды... все настойчивее, все смелее. Не пресловутая ли это любовь с первого взгляда?

Гости побыли у нас больше часа. Я пригласила мисс Моррис в свою комнатушку и показала ей наряд из раковин, а также большую жемчужину, которую подарила мне девушка с острова Руа Сура. Элен была очарована красотой и выделкой отдельных деталей наряда, примеряла наплечники, ожерелья, чепчики и серьги с такой неподдельно детской радостью, что я невольно дивилась, как эта брызжущая жизнью и темпераментом женщина оказалась в рядах фанатической пуританской конгрегации. На прощание я договорилась пойти с ней утром купаться в заливчике.

Следующие несколько дней прошли спокойно. Правда, у мистера Перкинса было немало хлопот по найму мужчин для постройки дома для миссионеров и для него самого. Мисс Моррис ежедневно по утрам являлась в обществе нескольких местных девушек в заливчик и, не снимая длинной хлопчатобумажной сорочки, купалась у берега. Сперва девушки глядели на нее, как на какое-то чудо, потом начали исподтишка подсмеиваться и, наконец, потащили на глубокое место. Тогда-то и стало ясно, что англичанка не умеет плавать! Но она оказалась способной и очень скоро научилась правильно действовать руками и ногами, а затем стала даже нырять. Однако в упражнениях на воде ей, конечно, мешала длинная сорочка, да и проказницы-девушки в шутку не раз снимали с нее это одеяние. Мисс Моррис не оставалось ничего другого, как одолжить у меня купальный костюм. Я предложила ей на выбор несколько комплектов бикини, но такой костюм показался ей слишком смелым и откровенным. Мне пришлось долго убеждать

ее и объяснять, что в заливчике вправе купаться исключительно женщины, что мужчинам доступ в эти места строжайше запрещен, что никто, кроме нас, ее не увидит. Я сказала ей, что все местные женщины купаются в заливчике обнаженными и их поражает, как она входит в воду в столь неудобной сорочке, в которой нельзя даже как следует помыться. Видимо, эти доводы на нее в конце концов подействовали, так как на следующий день, сняв с себя длинное платье, она осталась в бикини. Только теперь раскрылась вся красота ее фигуры. Элен была прекрасно сложена: упругие, острые груди, гладкий, правильной формы живот, мягко обрисованные бедра и длинные, очень стройные ноги. Когда я, поглядев на нее с восхищением, заметила, что так, должно быть, выглядела Венера, выплывающая из морской пены, она вся зарделась и прыгнула в воду, где девушки приветствовали ее радостным визгом.

Ничто не убеждает людей лучше примера! Представь себе мое изумление, когда два дня спустя на берегу заливчика появилась миссис Джексон, женщина лет сорока. Она долгое время присматривалась к купальщицам, а через несколько дней уже сама плескалась в воде в наскоро сшитом купальном костюме.

Я быстро подружилась с Элен. Из разговоров, которые мы вели целыми часами, я узнала, что она окончила с отличием медицинский факультет и прошла, в частности, курс тропической медицины. Однако Элен ни разу не была в театре, не умеет танцевать, не занималась никакими видами спорта и никогда ни с кем не флиртовала. Все это запрещала мисс Моррис пуританская религия, в духе которой ее воспитывали. По завершении образования «Конгрегация братьев» направила ее в одно из отделений миссии на Новой Гвинее, откуда через месяц Элен перевели на Соломоновы острова, где «Конгрегация» открывает несколько новых миссионерских точек. Так она попала в О'у, где намеревается вступить в борьбу с болезнями, одолевающими островитян. С миссис Джексон и миссис Хоу она познакомилась в Попонделе, где они ожидали катер, доставивший их на Улаву. На этом судне ехал также и мистер Перкинс, который проживал постоянно в Порт-Морсби, но должен был заменить заболевшего администратора, назначенного на Соломоновы острова. По словам Элен, мистер Перкинс останется в О'у до тех пор,

пока не будут готовы жилища для миссионеров и небольшой лазарет для больных, а персонал миссии не получит все необходимые продукты и медикаменты.

Что же касается миссис Хоу, то она много лет проработала в глухих селениях Новой Гвинеи, вплоть до смерти своего мужа, который погиб где-то в джунглях при переправе через какую-то реку, а возможно, был убит аборигеном из враждебного племени. Миссис Хоу пришлось всякое повидать на своем веку, пока наконец она не оказалась в Попонделе. Там обратили внимание на ее расстроенное здоровье и психику. Она стала непомерно полнеть, а встречая людей на пляже, обрушивалась на них, угрожая всеми муками ада. Жалобы как местного населения, так и немногочисленных белых заставили руководство миссии своевременно перевести больную миссионерку на Улаву, чтобы при первой же возможности отправить ее в Хониару, а оттуда самолетом в Англию.

Миссис Джексон — тоже вдова, раньше работала на Целебесе, а затем была переведена в О'у.

Когда помещения для миссии будут готовы, ее персонал пополнится еще несколькими лицами, которые придут из Англии. Это будут люди, владеющие местным языком.

Время от времени я получала письма от Мюриель. Она рассказывала о своем пребывании в горах Гуадалканала, где климат прохладен и приятен, нет малярии и других ужасных тропических болезней. Мюриель проживала в удобном пансионате вместе с женами нескольких высших административных чиновников, но ей не хватало моего общества. Между строк этих писем я находила, однако, замечания, явно свидетельствующие о недовольстве островитян, у которых плантаторы отнимают плодородные земли. Это вызвало много инцидентов. В районе рек Метапана, Баласана и Комбито рабочие покинули плантации, избили владельцев и надзирателей. Лишь после длительных переговоров об улучшении условий и повышения оплаты труда удалось прекратить забастовку. Так Соломоновым островам, нередко подвергающимся извержениям вулканов, суждено, видимо, испытать и сильные социальные потрясения.

В одном из последних писем, которые Мюриель писала уже из Моли, она напоминала мне, что в водах,

омывающих Соломоновы острова, начинается лов палоло. Это морской кольчатый многощетинковый червь длиной от тридцати до пятидесяти сантиметров, в несметных количествах обитающий в подводных коралловых расщелинах. Раз в год, во время полнолуния, от червя отделяется его хвостовая часть, наполненная молоками или икрой, всплывает на поверхность моря и, извиваясь, распадается на куски, а сам червь тем временем ищет убежища поглубже, в неровностях кораллов. Меланезийцы на Соломоновых островах отправляются в это время года перед рассветом на море и сетками или черпаками сгребают с воды зеленовато-коричневую массу, употребляя ее затем в пищу в сыром виде или же после предварительного копчения. Я ела палоло у Мюриель, по вкусу эта масса напоминает астраханскую икру. Жена пастора приглашала меня приехать в Моли, чтобы принять участие в большом торжестве, каким отмечается лов палоло. К сожалению, мы с отцом и Анджеем уже уложились и со дня на день ожидали прибытия судна. Правда, мы могли отправиться на больших лодках Оху Сеу, но океан все чаще штормил, и такое плавание становилось небезопасным.

Однажды, сопровождая Элен во время обхода больных, я услышала вдруг басистый рев судовой сирены, который раздавался со стороны причала, принадлежащего отцу Ваде. Шла уже вторая половина сентября, дул северо-восточный пассат, а поэтому прибытие судна с восточной стороны, ошетинившейся коралловыми рифами, было несколько необычным. Врожденное любопытство не позволило мне спокойно усидеть на месте, и я выбежала из хижины. На высоком берегу участка для женщин, откуда хорошо просматривалась часть побережья и море, я увидела небольшое, сверкавшее белизной судно, которое бросала волна. Оно пыталось укрыться за выступающими из воды скалами, чтобы спустить там якорь. Когда это удалось, с судна спустили шлюпку с матросами, которые поплыли в сторону побережья. С некоторым беспокойством следила я за этой утлой, подбрасываемой волнами посудинкой, которая медленно, но неуклонно приближалась к берегу. К счастью, прибоя не было, иначе волны разбили бы шлюпку о прибрежные рифы. На берег вышли два моряка, но кокосовые пальмы помешали мне, и я не заметила, куда они направились.

Я вернулась к Элен, которая кончала раздавать выделенный ей на сегодня запас мазей от нарывов и лишаяев, после чего мы навестили ожидающую ребенка Лилиекени и, наконец, побрели домой. Уже издали нас заметил Анджей. Размахивая салфеткой или скатертью, он подавал знак, чтобы мы как можно скорее возвращались домой. Когда, запыхавшись, мы вбежали на веранду, я увидела там папу и двух молодых китайцев в форме офицеров торгового флота, которые, как оказалось, прибыли на мотоботе «Вангуну», новом судне флотилии фирмы «Чжи Лунь-чжан». Китайцы привезли письма от уполномоченного фирмы в Моли Си Ян-цзи. Он просил извинить его за то, что не сумел сдержать своего слова, и одновременно предлагал воспользоваться судном «Вангуну», которое может доставить нас на остров Санта-Каталина. Оба молодых китайца отлично владели английским языком, были очень вежливы и весьма учтиво обращались к профессору и Анджею, а к нам, женщинам, относились с истинно китайской предупредительностью. Я заметила, однако (или, может быть, мне только показалось), что время от времени они украдкой поглядывают на Элен и на меня, многозначительно подмигивая друг другу.

Весьма возможно, что это недоверие к подчиненным Чжи Лунь-чжана было вызвано странным нападением на меня в Моли. Во всяком случае в каждом из его людей я видела потенциальных преступников, и мне никак не удавалось побороть эту навязчивую мысль и убедить себя в том, что далеко не всякий китаец намеревается причинить мне вред. Как бы то ни было, но наши гости не сумели скрыть презрительного блеска глаз и оценивающих взглядов, которыми они нас мерили.

Из разговора с моряками я запомнила только одно. После выгрузки значительного количества товаров, заказанных для миссии, мы погрузимся на мотобот и через неполных четыре часа прибудем на Санта-Каталину. Стало быть, скорость «Вангуну» составляла шестнадцать-семнадцать узлов (около тридцати километров в час).

Известие о нашем отъезде мгновенно разнеслось по селению. Отовсюду сбегались женщины, мужчины и дети. Неужели нам плохо живется в О'у, что мы так скоро решили их покинуть? Было так трогательно видеть опе-

чаленные лица этих людей, что я убежала в свою ка-морку и расплакалась, как малое дитя. Но и здесь меня нашли Лилиекени, старая Халукени, Даниху, юная Уп-вехо, Аулу и многие другие. Мне пришлось долго объ-яснять, что нам очень хорошо было у них, что из О'у мы увозим наилучшие воспоминания и наши сердца при-надлежат местным жителям, но перед возвращением в далекую Польшу нам необходимо поработать еще не-сколько недель на другом острове, чтобы хотя бы ча-стично закончить исследования.

На следующее утро почти все жители селения про-водили нас к пристани. Старшие юноши дружно подхва-тили вещи и уложили их в большие лодки, а затем под-плыли к судну и погрузили все в идеальном порядке. На прощание, которое оказалось очень сердечным, каж-дая девушка и женщина принесла какой-нибудь мел-кий, но порой ценный подарок. Так, я получила оже-релье из раковин, браслет из серебристой раковины *рао*, изящно гравированную носовую палочку, серьги, какую-то красивую переливчатую раковину и даже ве-ликолепный передник, чрезвычайно искусно изготовлен-ный из луба бумажного дерева¹⁶, который подарила мне Лилиекени. Ваде преподнес очень красивую и, ве-роятно, дорогую набедренную повязку из раковин, а когда я отказалась принять столь ценный подарок, муж Лилиекени засунул его в один из наших мешков и убе-жал! Другие мужчины также делали подарки. Халу Ха-рере принес красиво вырезанную из орехового дерева статуэтку духа *Каринга Пвиси*; Оху Сеу — три старин-ных, искусно вырезанных из красного дерева боевых копья. Мы получили кремневые топорики и долота; ка-менные навершия для палиц; ложку из бамбукового ореха; дудки из бамбуковых трубок и много других ин-тересных предметов. Мальчики, знающие страсть Анд-жея к коллекционированию, подарили ему яйца разных птиц, губки и раковины, а также целую кучу разных мелочей, среди которых попадались весьма интересные предметы.

На подарки, которые нам преподнесли на пристани, в самые последние минуты перед отъездом, мы должны были, разумеется, как-то ответить. Отец поблагодарил

¹⁶ Бумажное дерево — так называют деревья *Melalenca Leucadaendron* и *Callistemon*, кора которых легко расслаивается на тонкие листы.— *Прим. ред.*

жителей селения на их родном языке и передал Оху Сеу довольно солидную сумму в фунтах стерлингов в качестве прощального подарка на угощение. В знак благодарности островитяне хором затянули песню.

На пристани присутствовал и весь персонал миссии. Элен прощалась с нами со слезами на глазах, но и при этом оставалась настолько обаятельной, что папа был, пожалуй, не прочь обнять ее отнюдь не по-отцовски, не говоря уже об Анджее, который глядел на Элен, как кот на сметану. Миссис Джексон держала под руку миссис Хоу, которая вела себя очень сдержанно. Мистер Перкинс попрощался второпях, так как был занят по горло приемкой доставленных товаров.

К судну нас подвез Ваде на своей красивой новой лодке. Море сильно штормило, лодку качало, но гребцы прекрасно справлялись со своим делом, и, хотя нас изрядно обрызгало водой, мы прибыли благополучно. Подняться на борт «Вангуну» было нелегко: лодка прыгала на волнах как мячик и приходилось проделывать прямо-таки акробатические номера, чтобы взобраться на трап.

Когда судно подняло якорь и поплыло, ловко огибая опасные скалы, я, опираясь на поручни, еще долго всматривалась в берег, где островитяне продолжали махать нам руками. Глядя в бинокль, я видела молоденькую Лилиекени, ожидавшую возвращения мужа; Даниху и ставшего рядом с ней Варичу; Элен с белым платком, а также других наших знакомых, к которым я так привязалась за несколько месяцев пребывания на острове. Но вот пристань скрылась за неровностями суши, и Улава превратилась в мгlistую полоску на горизонте. Я пошла в кубрик, где сложили наш багаж, так как не было смысла опускать его всего на четыре часа в трюм. Папа и Анджей возились с мешками, а я принялась заканчивать письмо тебе, чтобы отдать капитану, который в Хониаре отправит его авиапочтой.

Плавание было бы очень приятным, если бы нас так не качало. Океан продолжал штормить, и пенящиеся на гребнях волны то высоко подбрасывали судно, то снова кидали его в водную пучину. Порой волны ударяли в форштевень «Вангуну» и разлетались над ним мириадами капель, которые на мгновение окутывали судно до самых верхушек мачт белой пеленой, а затем падали дождем на палубу и надпалубные надстройки. Отмели мы обогнули с восточной стороны. На месте давно затоплен-

ного острова волны обнажали опасные коралловые рифы, над которыми парили целые стаи птиц, находящихся там обильный и разнообразный корм. Вскоре показались очертания островов Трех сестер.

В составе архипелага три островка — Алите, Малаулало и Малаупалма. Они одиноко возвышаются над океаном и вплоть до самых берегов поросли густыми субтропическими лесами. Я бывала здесь во время экскурсий на «Матаупите» и должна признать, что, хотя жителей этих островков считают дикарями, я не обнаружила там никаких признаков «дикости». Конечно, местное население, быть может, больше привязано к старинным обычаям и не очень доверяет европейцам, но в этом нет ничего удивительного. У этих людей было достаточно горького опыта, они немало натерпелись сперва от китобойных судов, затем от насильственных наборов на плантации, с которых им уже не суждено было вернуться на родные острова. Не меньшие беды принесла им вторая мировая война.

Жители островков Трех сестер — низкого роста, коренасты, крепкого телосложения, но нередко страдают различными тропическими болезнями, такими, как малярия, слоновая болезнь, *хону око* (туберкулез), а также желудочными заболеваниями. Встречаются также больные, страдающие конвульсиями. Местные жители — мужественные люди, отличные рыбаки, а в прошлом — неустрашимые воины. Девушки здесь пользуются большей свободой, чем на Улаве и раньше завязывают отношения с юношами. Никто им не препятствует и не ставит это в укор.

Вскоре на горизонте показались очертания огромного острова Сан-Кристобаль. Глядя в бинокль, я рассмотрела сперва высокие горные цепи, покрытые сплошной зеленью тропического леса, а затем низины, заросшие рощами кокосовых, саговых и арековых пальм. «Вангуну» плыл вдоль восточных берегов острова, держась от них, однако, на приличном расстоянии, так как они сильно изрезаны, кругом скалы и коралловые рифы. Несмотря на довольно большую волну, было видно много рыбачьих лодок. Начался сезон лова крупных морских черепах и летучих рыб, целыми стаями удиравших от прожорливых тунцов, золотистых макрелей, а также дельфинов, которые сопровождали нас с островов Трех сестер и словно хвастали своими забавными прыжками.

Миновав довольно большой участок коралловых рифов, мы обогнули мыс Сюрвиль, причем справа от нас простирались далеко выдававшиеся в море коралловые банки, а слева остался островок Санта-Ана, также окаймленный кораллами. Прошло еще полчаса, и мы достигли наконец места назначения — островка Санта-Каталина или, как его называют местные жители, Ова-Рики. Судно стало на рейде близ селения Токоре. Доступ к островку здесь также преграждают широкие коралловые банки, но в них есть проходы, как бы «окна в мир», благодаря которым жители острова получают выход в море. Не успела еще команда нашего моторбота бросить якорь, как от берега отчалило несколько лодок, плывущих к нам словно наперегонки. Когда борта лодок коснулись корпуса судна, экипаж бросил канаты, по которым с ловкостью обезьян вскарабкалось более десятка темнокожих статных, мускулистых, в узких набедренных повязках юношей. На них было приятно смотреть. В густых копнах кудрявых волос красовались пурпурные гибискусы. Юноши худощавы, у них широкие носы и полные губы. Запомнились их живые, смысленные черные глаза и ослепительно белые зубы.

Один из них побывал весной в О'у, участвуя в обряде посвящения *малаоху*. Он сразу же узнал Анджея и с этого момента сопровождал нас повсюду. Тем временем наши ящики и сумки погрузили на лодку. Мы сошли несколько позднее. Передать капитану мое письмо я так и не сумела.

Итак, дорогая Ева, шлю тебе привет с Ова-Рики, маленького островка, затерявшегося в далеких просторах Тихого океана.

Любящая тебя Аня

9.

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА, ОСТРОВ САНТА-КАТАЛИНА, СЕЛЕНИЕ ТОКОРЕ

Дорогая Ева!

Итак, мы на Санта-Каталине, или, если угодно, на Оа-Рике, или Ова-Рике, то есть на Малом острове. Начну с приезда. На берегу, где песок густо перемешан

с обломками кораллов, нас ожидало почти все население Токоре: великолепно сложенные мужчины в узких набедренных повязках; совершенно обнаженные (если не считать маленьких передничков из луба с бахромой у некоторых из них) девушки и молодые женщины; дряхлые матроны, опирающиеся на палки, и множество детей, совершенно голых. На всех украшения, соответствующие их полу: у мужчин — крупные шлифованные диски из перламутра на груди и на плечах и из раковин тридакны — на руках, у девушек и женщин — нарядные снизки раковин, сережки и цветки гибискуса, воткнутые в волосы на висках. Видимо, они не считали нас чужими, так как встречали приветливо, широко улыбаясь. Быть может, о нас уже рассказали подростки, участвовавшие в обряде *малаоху* в О'у, или девушки, которых Оху Сеу привез на обряд посвящения, остававшиеся с мужчинами в домах для неженатых. Двое из них стояли в группе девушек и приветливо улыбались нам, ничуть не стесняясь своей профессией. Что ж, и на Улаве попадались девушки, занимавшиеся проституцией, которых родители посылали добывать деньги на уплату налогов.

Вождь сразу же предложил нам новую хижину под жильем. Папа с благодарностью принял предложение, и мы гурьбой направились в селение. Вдоль побережья узкой полосой протянулась роща кокосовых пальм, а несколько поодаль среди диких фиговых, миндальных, хлебных, манговых и бумажных деревьев проглядывали опрятные хижины островитян. Откуда-то из глубины острова брали начало большие ручьи, образуя проходы в коралловых рифах, окружающих Ова-Рики, по которым лодки островитян выплывали в море. Непосредственно к селению примыкали огороды с ямсом, дальше снова росли фруктовые деревья и несколько сортов пальм. Остальная часть суши была покрыта густыми зарослями. И нужно было быть местным жителем, чтобы суметь пробраться через этот лабиринт деревьев и кустарников.

Хижина, предоставленная нам вождем деревни, оказалась великолепной. В ней стояло несколько коек, имелся огромный овальный очаг для приготовления ямса, другой поменьше, для повседневных нужд, несколько каморок для пищевых продуктов и личных вещей. К хижине примыкала крытая веранда. Полы выстланы толстыми циновками, сплетенными из пандануса. Мы удобно

разместились, хотя для Анджея временно пришлось установить палатку, так как в хижине надо было сделать перегородки, чтобы устроить несколько отдельных комнатушек.

Вечером я надела купальный костюм и побежала через пляж в лагуну. В воде барахтались свыше десятка девушек, которые схватили меня и вовлекли в водоворот своих игр. Они обращались со мной, разумеется, очень деликатно, но при этом не преминули стянуть с меня бикини. Девушки окружили меня венцом смуглых тел, блестящих в воде словно черный бархат. Вскоре круг сомкнулся теснее, ладони девушек легли на бедра, поги слегка согнулись в коленях, а торсы несколько откинулись назад. В каком-то странном ритме, который трудно назвать песней или тихими причитаниями, мои подруги начали проделывать удивительные движения. В их ритмично покачивавшихся телах было столько любовного влечения, что, казалось, их обуяло коллективное желание продемонстрировать мне самые нежные, интимные ласки.

Не знаю, как долго продолжалось бы все это, но тут раздались громкие возгласы. Как оказалось, к нам подкрадывался Анджей с фотоаппаратом в руках, а за ним следовало несколько юношей. Мы, как по команде, бросились в воду, но мой купальный костюм остался лежать на песке и попал бы в руки непрошенных гостей, если бы не находчивость одной из девушек. Выскочив с криком из воды, она осыпала Анджея коралловым песком и, схватив бикини, благополучно вернулась к нам. Надев костюм, я спокойно вышла из воды. Анджей не мог сладить со своей фотовспышкой и остался на пляже, а девушки — каждая со своим юношей — исчезли в зарослях, которые вскоре окутал мрак тропической ночи.

Дома, едва успев скинуть влажный купальный костюм, надеть теплое кимоно и зажечь керосиновую лампу, я услышала деликатное покашливание за стеной, а затем стук в дверь. Когда я открыла, вошел Анджей и сразу же начал сетовать, что потерял великолепный случай сфотографировать ставший теперь очень редким танец *кукуйя* только потому, что в фотовспышке не оказалось батареек.

— Подумай только, Аня, — сказал он, — ты исполняла вместе с девушками очень старинный танец плодovitости, который сохранился как один из пережитков древ-

ней культуры Соломоновых островов, кажется, лишь на Санта-Ане и Санта-Каталине, и то только потому, что на первом из этих островков лишь недавно была учреждена миссия, а на втором никто никогда еще не пытался обращать жителей в христианство; ведь ты хорошо знаешь, что миссионеры жестоко преследуют такого рода танцы, считая их развратными.

Из литературы о Соломоновых островах я, конечно, знала, что танец плодovitости когда-то бытовал здесь, но теперь во многих местах упразднен и забыт, и только в очень редких случаях его можно увидеть еще на маленьких островках. Но я не могла даже допустить мысли, чтобы девушки на Ова-Рики приветствовали меня таким старинным танцем. Это было очень лестным для меня доказательством их большого доверия и доброжелательности. Я не удивилась, что *кукуйя* так взбудоражил Анджея, но не преминула тем не менее сделать ему замечание. Нечего подглядывать за купающимися девушками, особенно если среди них нахожусь я!

Ова-Рики недаром называют «Маленьким островом»: его площадь не превышает пяти квадратных километров. Островок холмист, самая высокая точка на восточном берегу достигает ста метров. Он сплошь покрыт лесом, доходящим почти до самого моря. Северо-западное побережье островка несколько приподнято. Здесь находятся два селения: Токоре с пятнадцатью жилыми хижинами и одним обыкновенным домом лодок, а в полукилометре от него — Мамако, в котором насчитывается тридцать пять хижин, один дом ритуальных и один обыкновенных лодок. Ова-Рики постепенно погружается в океан. После каждого землетрясения он опускается в море на несколько десятков сантиметров, тогда как соседний островок — Ова-Раха почти на столько же поднимается над поверхностью воды. Мне рассказывали о страшном землетрясении, происшедшем в 1931 году, когда волны высотой в несколько этажей обрушились на остров и проникли в глубь суши, вырывая с корнем столетние деревья, уничтожая хижины и огороды, смывая в море поломанные лодки, запасы продовольствия и все, что уже было ими ранее уничтожено. Жители Ова-Рики уцелели только потому, что толчки, вначале слабые, начались в полдень, когда все были на огородах и успели спастись бегством на возвышенности. Последнее землетрясение, которое я пережила на Улаве,

существенно отразилось на Ова-Рики. Вспененные волны вновь уничтожили хижины, унесли в море свиней и все запасы продовольствия, вырвали из земли много кокосовых пальм и фруктовых деревьев, а сам остров еще на полметра погрузился в воду.

Видно, жители Ова-Рики очень привязаны к своему маленькому островку, если так цепко держатся за него. Ведь должны же они понимать, что при сильном землетрясении их островок может целиком исчезнуть в морской пучине, как исчез остров Тего, от которого остались теперь только коралловые рифы и песчаные отмели. И все же эта угроза не тревожит островитян. Они свято верят, что их островок покоится на спине огромной черепахи, а землетрясения вызываются движениями этого пресмыкающегося, выражающего недовольство слишком скудными жертвоприношениями.

Пока отец и Анджей беседовали с пожилыми мужчинами и записывали их верования и легенды, я пыталась выведать то же самое у женщин. Я подметила, что среди них можно выделить два совершенно различных типа, а именно: хрупкие, узкокостные, привлекательные создания с правильными чертами лица и полной очарования улыбкой и коренастые, приземистые, крепкого телосложения, широкие в бедрах женщины с низкими лбами и невзрачными лицами, очень напоминающие жителей Новых Гебридов. Но в Токоре, как и в Мамако, я встречала женщин с явно полинезийскими чертами: смуглые, с очень светлой, золотистого цвета кожей и вьющимися волосами. Так же, как в О'у, женщины и девушки ходят здесь обычно обнаженными, если не считать низок раковин, завязанных на поясе, одного или двух ожерелий, тонких браслетов из раковин на предплечьях, сережек и цветков гибискуса, воткнутых в волосы. Модницы носят десятисантиметровые запястья и несколько более длинные наголенники из разноцветных раковин. Они отращивают длинные густые волосы, которые заботливо расчесывают гребешками из тонких палочек и время от времени посыпают жженой, растертой в порошок известью или натирают густой известковой мазью. Последнее средство придает волосам красивый белый, а порой и не менее привлекательный медный цвет. Во время плясок или торжественных обрядов представительницы прекрасного пола появляются во всей красе своих родовых украшений из

раковин. Тела их почти сплошь покрыты шнурками с прекрасными низками разноцветных раковин и украшены зубами морских свиней, собак, больших летучих мышей, острыми клыками хищных рыб. Для таких торжественных случаев носовые палочки заменяют художественно вырезанными палочками из раковин тридакны (*мелена барису*), заканчивающимися с обеих сторон подвесками из зубов летучих собак. К пояснице пристегивают юбку из листьев пандануса длиной до колен, а порой и до пят. Некоторые женщины надевают на бедра очень короткую юбку из куска хлопчатобумажной материи, а к юбке пристегивают листья пандануса.

Девушки на Ова-Рики пользуются полной свободой. Хотя признаки полового созревания появляются у них лишь в возрасте двенадцати-тринадцати лет, они часто начинают половую жизнь раньше. Этому обучают их старшие сестры или соседки, уже имеющие любовников. Девочек берут с собой на свидания с юношами, причем делают их обычно свидетельницами самых интимных любовных ласк. Нередко их посвящают в тайны любви и юноши. Девушки вправе каждый вечер выбирать себе любовника, а если партнер придется им по вкусу, то остаются верны ему и сожительствуют только с ним, пока вся эта «идиллия» не кончается браком. Очень редко в результате таких любовных связей появляются внебрачные дети.

Эта сексуальная свобода объясняется старинным верованием островитян, будто бы добрачная связь с мужчиной «раскрывает» тело девушки и впоследствии, в браке, облегчает деторождение. Однако женщина, равно как и разведенная жена, у которой есть ребенок, не имеет шансов выйти замуж, и уж совсем для нее позорно, если она родит от юноши, который не подверглся обряду посвящения и не выловил свою священную бониту. На Ова-Рике обряд посвящения называется иначе, чем на Улаве,— *марауфу*.

Насколько мне удалось заметить, проституции ради заработка в европейском смысле этого слова на Ова-Рике не существует. После любовных утех юноша дарит девушке какую-нибудь мелочь, например браслет, сплетенный из ароматических трав, или другое украшение, но это считается лишь знаком благодарности за приятно проведенный вечер. Во время обряда *малаоху* на Улаве Оху Сеу привез в деревню О'у несколько девиц

с других островков, в частности двух девушек с Ова-Рики, которым предстояло скрашивать ночи гостям в доме для неженатых мужчин. Эти девушки получили заранее обусловленные украшения из раковин и, пока жили в селении, носили самые лучшие спизки, принадлежащие людям, оплачивающим расходы по этому обряду, демонстрируя тем самым их богатство. После возвращения на родной островок его жители приветствовали их плясками, закалывали свиней и устраивали торжественное пиршество, во время которого девушки плясали вместе с юношами. Существует только один-единственный танец, общий для обоих полов. Все другие обрядовые пляски исполняются или одними мужчинами, или только женщинами.

Говорят, что во время половых сношений молодые женщины могут расцарапать спину своему партнеру, а порой и нанести ему серьезные раны. Это должно было служить доказательством сильных любовных переживаний, а юноши с гордостью демонстрировали в селении свои окровавленные спины. Теперь подобные доказательства любви встречаются уже реже.

Молодые люди, питающие взаимное чувство друг к другу, проводят вместе вечера и олицетворяют собой, по нашим понятиям, своего рода «пробный брак». Если близость длится продолжительное время, в селении их считают «женихом и невестой». В этом случае девушка должна оставаться верной своему партнеру, а он обязан жениться на ней. Если одна из сторон, например девушка, изменит своему жениху, то молодой человек вправе считать ее поступок кровной обидой и требовать удовлетворения: самочинно закалывать свиней ее матери, срывать неспелые кокосовые орехи с пальм, принадлежащих семье северной невесты, и т. д. О браке в таких случаях, естественно, не может быть и речи.

Все население Ова-Рики делится на несколько родов, сильнейшие из которых род красного кокоса *ниу мета* и род сороконожки *апена виру*. Обычай запрещает заключать браки между лицами, принадлежащими к одной и той же родовой группе. Кроме того, здесь властвует матриархат, и дети считаются принадлежащими к роду матери, а не отца. Хотя цивилизация и война многое изменили на Ова-Рике, тем не менее кое-что от старинных обычаев еще осталось. Когда сын достигает брачного возраста (теперь это восемнадцать-двадцать лет), но еще не

живет в пробном браке, ему находят девушку из другого рода и сообщают об избраннице. Молодой человек может согласиться или отказаться от этого предложения. В последнем случае он просит свою тетку поставить в известность мать, которая, узнав об отказе сына, принимает его и ждет, пока юноша сам не подберет себе подругу жизни.

Если сын соглашается с выбором родителей, то мать навещает самую влиятельную женщину своего рода и предлагает ей совместно нанести визит матери девушки. Та благодарит за честь, какую предполагаемый брак принесет ее семье, и, в свою очередь, сообщает о предложении брату, вождю, а также виднейшим членам рода и просит их высказать свое мнение. Члены рода собираются вместе и обсуждают сделанное их сородичам предложение. В случае отказа о нем доводят до сведения матери молодого человека и дело кончается полюбовно, не вызывая ненависти или мести с чьей-либо стороны.

Если же члены рода выносят положительное решение, то девушка и юноша становятся невестой и женихом и последний начинает навещать дом родителей своей будущей жены, принося подарки матери невесты и помогая в работе. Однако ночи он проводит у себя дома или у случайной любовницы. Он не должен, разумеется, навещать свою невесту с изуродованной спиной — это считается крайней бестактностью, а кроме того, может повлечь за собой разрыв помолвки. Невеста также не связана никакими запретами и может в добрачный период заводить любовные интрижки. Она должна, однако, следить за тем, чтобы это не повлекло за собой никаких видимых последствий или каких бы то ни было скандалов.

Влюбленные, сожительствующие уже продолжительное время, могут устроить помолвку значительно проще. Юноша сообщает своим родителям, что хочет жениться на девушке, и его мать извещает об этом родительницу последней. Есть еще более простой способ заключения брака: юноша приводит свою возлюбленную в дом родителей и сообщает им, что хочет на ней жениться. Вечером готовят в хижине постель для молодых и укладывают девушку рядом с юношей. На следующий день всех жителей селения извещают о том, что молодые поженились.

Девушка, избранная семьей юноши, не всегда согла-

шается выйти за него замуж, однако должна принять сватов и не отказывать им, чтобы не нанести тяжелой обиды лицам, участвующим в сватовстве. Она имеет, однако, возможность уклониться от нежелательного брака. Для этого девушка при первой же возможности затевает ссору с юношей или с кем-либо из его семьи, и помолвка расторгается. Только ее матери приходится уплатить небольшую компенсацию, так называемое *тхау*.

Семья девушки вправе потребовать выкуп за невесту. Выкуп тем больше, чем влиятельнее или состоятельнее ее род. Обычно выкуп составляет четыре снизки очень тонких красных раковинных дисков, стоимость которых равна нескольким фунтам стерлингов. Если жених внесет выкуп, жена переселяется в его дом, а ее семья устраивает торжественное свадебное пиршество (обычно через несколько недель или месяцев с начала сожителства молодой пары). В противном случае девушка остается в родительском доме, а муж проводит всю жизнь в доме ее родителей, отрабатывая выкуп за жену.

Супруги вправе развестись в любое время, даже без согласия одной из сторон. Никаких правил или формальностей на этот счет не существует. Тот, кто хочет развестись, покидает дом, который переходит в собственность другой стороны. Дети всегда остаются с матерью, но вправе в любое время навещать отца, заботиться о нем, если он стар, или ухаживать за ним в случае болезни. Общий огород и общее имущество в случае развода делятся на две равные части. Личные вещи не подлежат разделу. Мужчина может покинуть жену по разным причинам. Или она оказывается злой и сварливой, или вступила в любовную связь, или попросту сам он хочет жениться на другой. Тогда в качестве компенсации разведенный муж должен вручить ее отцу четыре снизки раковинных дисков; столько же выплачивает семья жены, если она покидает мужа. Разведенные супруги могут пожениться вторично, но тогда все начинается сначала, со сватовства, словно они никогда до этого в браке не состояли.

Роды происходят в хижине на разостланной циновке, а помощь оказывает опытная повивальная бабка вместе с другими пожилыми женщинами. Бабка получает вознаграждение за свой труд, а остальных женщин просто

благодарят. После рождения ребенку сразу же перерезают бамбуковым ножом пуповину, а затем купают новорожденного в пресной воде, а голову ему уже мыть не будут, так как существует поверье, что ребенок умрет, если помыть ему голову, заросшую волосами. Послед закапывается у стены хижины в самом укромном месте, чтобы никто из мужчин не мог переступить через него. Нельзя закапывать послед в лесу, так как там его обязательно найдет злой демон и ребенок умрет. В обоих случаях, разумеется, дело идет о предрассудках, однако, несмотря на проникновение некоторых элементов цивилизации, они прочно укоренились в сознании островитян.

Если рождение одного ребенка всегда радостно приветствовалось, то, как я узнала, в случае рождения близнецов второго ребенка убивали, так как местные жители были убеждены, что женщина не в состоянии выкормить сразу двух. Во время моего пребывания на Ова-Рике ни одна из женщин не родила близнецов, поэтому я не знаю, как с ними поступают сейчас. Мне стало известно, однако, что родившаяся на Ова-Рахе тройня была сразу же умерщвлена, так как, по представлениям островитян, это уже ненормальное явление и подобный случай можно приписать только нечистой силе.

Роженица на Ова-Рике остается лежать не более четырех-восьми дней, после чего встает и принимается за повседневную работу. Ребенка кормят грудью обычно до трех лет и очень редко берут ему кормилицу, так как у матери почти всегда оказывается достаточно молока. К тому же кормилица должна быть из того же рода, достаточно молодая и крепкая, чтобы выкормить собственное и чужое дитя. Женщины на Ова-Рике радуются детям, даже если они болезненны или увечны; они верят, что со временем малыши будут вполне здоровы.

Женщины предпочитают, конечно, девочек, которые пополняют их собственный род, тогда как мужчины больше рады мальчикам, так как по достижении совершеннолетия сын выберет девушку из какого-то другого рода, возможно из рода отца, увеличивая тем самым его численность.

Имена детям присваивают тогда, когда они смогут сидеть без посторонней помощи. Обычно дают имя выдающегося предка или самого влиятельного члена рода. У мальчиков и девочек могут быть одинаковые имена,

только к имени девочки добавляют приставку *ка*, обозначающую признак женского рода.

Все эти сведения о жизни женщин на Ова-Рике мне удалось получить за две неполные недели. Обычно утром, после завтрака, который я готовила для нас троих, я навещала женщин в их хижинах, узнавала об их жизни и обычаях, присматривалась к домашним работам, а также посуде, орудиям и раковинным украшениям, которыми представительницы прекрасного пола очень любили похвастать. Порой я уплывала с женщинами на лов лангуст, креветок, губок или различных моллюсков, множество которых обитает в водах, омывающих островок. Я совершала также экскурсии в соседнюю деревню Мамако, где также узнавала много любопытных подробностей о жизни местных жителей. Несколько раз мне удалось попасть с охотниками в лес. Я видела, как мужчины охотятся на птиц, чаще всего на нескольких разновидностей голубей, а из млекопитающих — на одичавших свиней и оппосумов, которым низкоствольные деревья и кустарники предоставляют отличное убежище и обильный источник корма.

Я много беседовала со старшими девушками, купалась с ними, присутствовала на их играх, снимала на киноплёнку их пляски, в частности танец плодovitости *кукуйя*, а также танец *макве*, исполняемый при встрече девушек, возвращающихся с празднеств в родное селение. Девушки, участвующие в *макве*, надевают на голову капюшоны из пальмовых листьев, а в руках держат палки, вырезанные в форме фаллоса. Оба вида плясок исполняются под аккомпанемент монотонного пения и шипения, а нередко под звуки дудок, сделанных из зеленых и полых стеблей листьев папайи, или же под drobный треск кастаньет, укрепленных на плечах и ногах танцорок. Кастаньетами служит пустая ореховая скорлупа, о которую при каждом движении танцора колотятся высушенные зерна.

Я неоднократно пыталась подойти к мальчикам, забавлявшимся всем скопом на пляже, но каждый раз терпела неудачу, так как они сразу же прекращали игру и убегали. Я скрывалась поэтому в кустах и оттуда снимала на плёнку их игры, которые почти всегда имитировали действия взрослых. Мальчики делали вид, будто ловят огромную черепаху (в роли которой выступает

один из участников игры, тогда как другие с трудом вытаскивают его из воды и сажают в ограду из жердей), иногда они изображали, как символический фрегат пытается ударить клювом акулу, выброшенную волной на песок, причем один из мальчиков великолепно подражал нападениям птицы, а другой — движениям рыбы на песке.

Девочки играют вместе со старшими девушками. Резвятся на пляже, лепят игрушки из песка, толкут ямс, а затем пекут его в раковинах, имитирующую посуду, плескаются в море или обучаются чрезвычайно сложным танцевальным фигурам. Порой они носят воду в нескольких выдолбленных кокосовых орехах, привязанных веревкой к палке, которую кладут на плечи, или же собирают обломки дерева и палки, выбрасываемые волнами на берег, складывают их в связки и переносят этот груз на спине на манер индианок, то есть на опоясывающей лоб перевязи. Девочки плетут также циновки или корзинки из листьев пандануса, делают друг другу «татуировку» или ищут насекомых в голове соседки. Как девочки, так и мальчики всегда играют группами. Это продиктовано осторожностью, так как одинокий ребенок на пляже может легко стать жертвой несчастного случая или быть похищенным воинами с других островов.

Гости с Ова-Рахи, Сан-Кристовалья и даже с расположенных в пятистах морских милях Новых Гебридов или Санта-Крус появляются довольно часто. Нередко мимо Ова-Рики проплывают катера и небольшие пароходы, следующие курсом из Кораллового моря, от мыса Сюрвиль на север — в Гуадалканал, Малаиту, Санта-Исабель и на другие острова архипелага. Старшие юноши, которых в селении было больше десяти, днем и ночью несут караульную службу и в случае приближения к берегу какой-нибудь чужой лодки подают сигнал, трубя в большие раковины.

Однажды рано утром, когда я еще отлеживалась под москитной сеткой, мой сон прервал протяжный, несколько раз повторявшийся звук рога, сигнализовавший о происшествии. Я вскочила с постели, накинула платье и, разбудив отца, выбежала из хижины. Почти одновременно из палатки вышел заспанный Анджей, и мы оба помчались к берегу, где уже собрались местные мужчины, вооруженные тяжелыми копьями и боевыми палицами.

Я взглянула на море. На расстоянии в несколько кабельтовых от берега был виден высокий парус, своей формой напомилавший слегка разомкнутые клешни омара, опиравшиеся более тонким концом на широкий помост, который покоился на двух больших лодках. Это было так называемое *ороу* — морское судно дальнего плавания, шедшее, по-видимому, с островов Санта-Крус. В лучах восходящего солнца видны были моряки, свертывавшие парус, и штурвальный на корме, который всей тяжестью тела так крепко налег на румпель, что вода за судном вспенилась. Постепенно *ороу* изменило направление, и спущенные с него лодки устремились прямо к проходу в коралловых рифах. Едва лодки ткнулись носом в прибрежную мель, как из кустов выбежали воины, которые, крича и размахивая палицами и копьями, давали понять пришельцам, что если они прибыли с дурными намерениями, то их встретит отчаянное сопротивление.

Вся история кончилась почти совершенно так же, как это принято на Улаве, когда чужие воины прибывают в О'у. Гости с Санта-Крус прибыли отнюдь не с враждебными целями. Они хотели обменять раковины на свинину и другие продукты, которыми были богаты жители островка. Гости приветствовали наших воинов радостными возгласами и преподнесли им ценные подарки в виде красиво сплетенных разноцветных поясков и очень искусно вырезанных из дерева поплавков для ловли летучих рыб. В ответ сын вождя, командовавший отрядом, повесил на *ороу* снизу раковинных дисков. Лишь после этого гости сошли на берег и поздоровались с каждым воином в отдельности. Но тут они увидели нас, попятились, подозрительно поглядывая исподлобья, готовые в любой момент схватить спрятанное в лодках оружие и вступить в бой.

В этом не было ничего удивительного, так как вряд ли гости видели когда-либо белых вообще и уж наверняка никогда не встречали белую женщину с киноаппаратом в руках. Группа островов Санта-Крус находится на расстоянии около трехсот морских миль к востоку от Ова-Рики. Климат там настолько вреден для европейцев, что только за очень высокое вознаграждение удастся содержать на Санта-Крус нескольких человек, обслуживающих аэродром на западном берегу острова Нденде. Впрочем, и они постоянно меняются, так как

редко кто выдерживает на Нденде больше года. Для речи и культуры жителей Санта-Крус характерны некоторые полинезийские наслоения, так как полинезийцы не раз посещали эти острова во время своих странствий по океану.

Наши гости прибыли с острова Утупуа, который почти целиком заключен в оковы коралловых рифов, как, впрочем, и соседний Виникоро. Вообще говоря, эта группа островов, входящая в архипелаг Соломоновых, имеет весьма необычный характер. Они гористы, покрыты вечнозелеными влажными, тропическими лесами от берегов и до самых верхушек вулканов, лысые кратеры которых постоянно предвещают грозные сюрпризы. На берегах разбросаны селения, обычно расположенные вдалеке друг от друга и нередко заселенные враждующими между собой племенами. В окружающих острова коралловых рифах множество заливов, каналов и небольших озер, в которых, так же как сотни или тысячи лет назад, обитают диковинные морские твари. Проливные дожди и тропическая жара благоприятствуют здесь буйной растительности, но также малярии и другим болезням, от которых сильно страдает местное население. Медицинская помощь существует только на бумаге, так же обстоит дело и с образованием. Земледелие примитивное; люди живут по законам старинных обычаев и верований, ловят рыбу, охотятся на голубей, собирают сердцевину саговых пальм или отправляются на далекие острова, где легко найти покупателей на благородные сорта кораллов, столь необходимые для изготовления бетеля.

Прошло некоторое время, пока пришельцы из Утупуа не перестали сторониться нас и не разрешили, правда неохотно, поближе рассмотреть *ороу* и привезенные для обмена товары. Анджей, внимательно осматривавший судно, обратил мое внимание на то, что тяжелое, довольно широкое океанское *ороу* было построено без единого гвоздя или вообще чего-либо похожего на металл! Основанием судна служили две одноподеревки, выдолбленные из огромных стволов, борта которых нарастили толстыми досками. К последним были прикреплены балки, образующие помост. Мачта выполнена из твердого, но эластичного ствола, причем ее основание, на котором еще сохранились разветвленные толстые корни, крепилось этими корнями к балкам, сшитым с бортами

судна ротанговыми волокнами и промазанным тунговым клеем. На мачте — огромный парус, закрепленный между двумя длинными жердями, концы которых стояли на помосте. Парус состоял из множества циновок, сшитых банановыми волокнами, образуя полотнище, напоминающее клешни огромного омара. Полотнище паруса крепилось к жердям ротанговыми кольцами, а все шкоты и тросы состояли из кокосовых волокон. Жители Утупуа, очевидно, не были знакомы с блоками для тросов или с какими-либо устройствами, облегчающими постановку или уборку парусов, так как все эти маневры экипаж выполнял вручную.

Обе однодеревки вместе с надпалубными надстройками были такими глубокими, что в них свободно мог уместиться во весь рост крупный мужчина, лишь слегка касаясь головой балок. В этих своеобразных трюмах хранились различные продукты и предназначенные для обмена товары. Сюда сложили целые охапки веток благородного коралла в мелких связках; раковины разной величины, цвета и формы; панцири черепах; крючки и украшения, изготовленные из черепашьего щита; различное оружие, наглядно свидетельствовавшее о том, что моряки побывали на островах, расположенных вдалеке от их родного селения Асимбоа на острове Утупуа, а также множество удочек, вершей, гарпунов и острог. Были здесь также готовые украшения из раковин, мешочки из луба бумажного дерева, наполненные зубами летучих собак, акул и других хищных рыб. Я заметила здесь несколько кусочков *тапы* — луба, превращенного в тонкое, как бумага, полотнище и украшенного не очень искусным орнаментом. Полагаю, однако, что это художественное произведение не характерно для островов группы Санта-Крус, а было выполнено под влиянием полинезийской культуры или же по образцам, заимствованным на островах Фиджи.

Я старалась запечатлеть все эти диковинки на киноплёнку, а в это время отец и его ассистент уселись на палубе, пытаясь разузнать у недоверчивых аборигенов что-либо об их родных островах, старинных обычаях, верованиях, о домах на сваях для мальчиков и неженатых юношей, о рыболовстве и охоте. Они были так поглощены поисками какого-либо разговорчивого гостя, что не заметили, как мне удалось выторговать в обмен на отрез пестрой материи несколько очень красивых ра-

ковин, довольно большой кусок *тапы*, а также чрезвычайно оригинальную боевую палицу, наверхие которой было вырезано в форме стилизованной человеческой головы. Я не допускала, разумеется, ни на минуту мысли, что эта палица могла быть изготовлена на островах Санта-Крус, так как очень похожую на нее, происходящую с острова Нгау в архипелаге Фиджи, видела в коллекции Джека Зарембы на «Матаупите». Однако больше всего я радовалась примитивно вырезанной из дерева статуэтке, изображающей мужчину с не встречающейся на Соломоновых островах длинной шевелюрой, ниспадающей до самых бедер, и похожим на лист пандануса носовым украшением.

Я отнесла мои сокровища и заснятую пленку в хижину, а берег тем временем превратился в базар. Сюда высыпало почти все население Токоре, затем появились девушки и молодые женщины из Мамако. Завязавшийся товарообмен сопровождался веселыми возгласами и смехом. Наибольшим успехом у представительниц прекрасного пола пользовались раковины *тана* и мешочки с зубами морских свиней, тогда как мужчины интересовались крупными, размером в тарелку, раковинами-жемчужницами и благородными кораллами. Обмен производился не спеша, к нему относились серьезно и внимательно. Вот пожилой житель Токоре предлагает молодому моряку с Утупуа в обмен на связку коралловых веток красиво раскрашенный бамбуковый сосуд для извести. У гостя сияют глаза при виде этой диковинки. Держа сосуд в руках, он вынимает из связки две большие веточки. Мужчина с Токоре меняется в лице, отталкивает от себя маленькую связку и пытается отобрать свою собственность. Торг оживляется, обе стороны начинают усиленно жестикулировать, наконец местный житель добавляет к сосуду красиво вырезанную из кости ложку для вычерпывания извести, а гость вручает ему значительно увеличенную связку кораллов. Обе стороны расходятся, весьма довольные сделкой.

Вечером, после угощения и плясок, молодежь разлеглась на берегу, где далеко за полночь не смолкали смех и крики, а на следующий день на спинах гостей появились глубокие, кровоточащие царапины — следы ночной любви. Именно таким путем девушки с Токоре демонстрировали своим партнерам пылкую страсть.

Через три дня жители Асимбоа покинули Ова-Рику,

направляясь в селение Манепарапару на южном побережье острова Сан-Кристоваль. Тем временем в Токоре начались интенсивные приготовления к лову палоло, так как через несколько дней наступало полнолуние. Уже и теперь кое-где всплывали на поверхность одиночные черви, оставляя после себя пятна, переливающие всеми цветами радуги. Женщины спешно готовили мешочки, сплетенные из луба, сетки и черпаки, а мужчины внимательно осматривали свои лодки, промазывали тунговым клеем места, ободранные о скалы, вытесывали новые весла или крепили заново шпангоуты. Так как я решила принять участие в лове, то собирала вместе с девушками листья пандануса для корзинок или пряла из банановых волокон нити для изготовления сеток и больших, но легких мешков. Иногда, к удивлению всего селения, я вырезала из мягкого дерева небольшие мисочки в форме лодок или маленькие чарки, именуемые в *О'у пваули нгесу*.

В эту горячую пору нам доставили почту. Отец получил официальное письмо от ученого совета университета в Мельбурне с предложением прочесть цикл лекций, а я — письма от Мюриель, Элен Моррис и миссис... Изабелл Хоу! Миссионерка написала его перед своим вылетом из Хониары, еще раз извиняясь передо мною за нападение в заливишке, оправдывая это действие своим психическим состоянием и тяжкими испытаниями в лесах Новой Гвинеи. Так как я давно ее простила и даже сочувствовала ей, то с легким сердцем отложила письмо, мысленно пожелав миссис Хоу поскорее поправиться и обрести покой. Из письма Элен я узнала, что она скучает по нас (или, может быть, по Анджею), а свою тоску стремится подавить все более расширяющейся врачебной практикой; что Лилиекени родила чудесного мальчика и души в нем не чаёт, а Ваде в благодарность за сына купил своей жене прекрасную моторную лодку; что Даниху безумно влюблена в своего Варичу, но семья чинит ей какие-то препятствия и не допускает этого брака; что юная Упвехо часто вспоминает светловолосую Энн и клянется, что первую же свою дочь назовет ее именем. В письме Элен было много теплых слов об островитянах, их высокой морали и чудесной, совершенно самобытной культуре. В то же время оно изобиловало латинскими названиями изнурявших аборигенов болезней. У меня создалось впечатле-

ние, что Элен успела полюбить жителей О'у, а они отвечают ей взаимностью за сердечность, заботу об их здоровье, понимание, а главное, за доброту и большое терпение, которое она проявляет. Жалко, что остров Кандаву так далеко: Элен была бы идеальной женой для Джека Зарембы!

Письмо Мюриель я прочитала последним. Представь себе мое удивление, когда из первых же его строк стало ясно, что она приглашает нас поселиться в ее доме... в Мельбурне. Неужели Мюриель уже знала о приглашении отца в университет? Очевидно, это так, поскольку она прямо пишет, что она (то есть она и мистер Фокс) будут очень рады, если мы погостим у них в течение всего времени нашего пребывания в городе. Мы отнюдь не стесним их, и они предоставят нам целый этаж своего особняка в районе Тоорак, который связан удобным сообщением с университетом. Мюриель с супругом возвращаются в Австралию в отпуск для поправки здоровья, который продлится, возможно, не один год. Мюриель пишет дальше, что она скучает по мне, спрашивает, решила ли я выйти замуж за Анджея, и приводит очень много лестных слов об отце и его ассистенте.

Письма обрадовали меня. Ведь так приятно узнавать о той симпатии, которую питают к тебе друзья! Письма доставил в Токоре молодой, учтивый китаец, подчиненный Си Ян-цзи. Он прибыл на моторной лодке с двумя моряками из селения Натагера на острове Санта-Ана (Ова-Раха), так как именно там бросило якорь судно их фирмы, которое выгружает товары, предназначенные для поселений этого острова. Лао-ху (тигр — так звучит имя или прозвище молодого человека) неплохо владеет местным диалектом и сумел ловко втереться в доверие к женщинам, у которых за короткое время выведал все, что произошло в Токоре за последние несколько недель. Китаец не проявлял особого желания вернуться на Ова-Раху, а обосновался в нашем селеении, присматриваясь к играм молодежи на пляже, а вечерами усаживался в обществе своих соотечественников на берегу лагуны и, делая вид, что погружен в раздумье, наблюдал за купавшимися девушками.

Наконец наступило долгожданное время.

— *Оку теле! Оку теле!* — раздавались возгласы. Это означало наступление полнолуния и одновременно нача-

ло размножения палоло. Из хижин выносили факелы из тонких планок, состроганных со стеблей кокосовых пальм, еще раз проверяли утварь и черпаки, а лодки заполняли деревянными сосудами.

С закатом солнца в первый день полнолуния появился мелкий желтый сорт палоло, не представляющий большой ценности, но в последующую ночь, с восходом луны, должен был пойти крупный, красный и коричневый.

Размножение крупного сорта палоло на коралловых рифах островов Сан-Кристоваль, Ова-Раха и Ова-Рики и на отмелях происходит наиболее интенсивно на третью ночь полнолуния. Мы должны отправиться за несколько часов перед рассветом, поплыть в открытое море и там при свете факелов вылавливать палоло, который несметной массой покрывает обширное пространство, площадь в несколько десятков квадратных километров. Подумать только, сколько миллиардов червей копошится там! Мне уже выделено место рядом с двумя красивыми девушками, Касику и Рамадоле, а их юноши будут гребцами. Анджей не желает участвовать в этой экспедиции и останется в хижине, где составит компанию отцу...

10.

МЕЛЬБУРН, КОНЕЦ ДЕКАБРЯ

Дорогая Ева!

Прости, что только теперь кончаю это письмо, но в ту памятную ноябрьскую ночь произошло столько ужасных событий... Я чуть было не погибла. Разреши, однако, рассказать тебе все по порядку.

В ту ночь мы поплыли из лагуны веселой гурьбой. На лов отправилось двенадцать лодок, в каждой — по две или три девушки (или молодые женщины) и двое молодых и сильных гребцов. Была теплая ночь, яркий блеск луны серебрил коралловые рифы, расписывал загадочные узоры на лениво перекатывавшихся волнах и как-то причудливо озарял плывшие впереди нас лодки. Справа виднелись едва заметные очертания взгорий Ова-Рахи, слева словно в тумане маячил мыс Сюрвиль, а о его коралловые рифы с глухим рокотом разбивались накатывавшиеся волны. Сидевшие рядом со мною де-

вушки начали тихо напевать какую-то монотонную и печальную песню, которую оба гребца сразу же подхватили приятными густыми баритонами. Мы плыли прямым курсом на север к обширным коралловым рифам, выдававшимся из моря приблизительно в десяти километрах от нас, так как там, по общему мнению островитян, было больше всего палоло.

Вдруг вдали перед нами блеснул тусклый вначале свет факелов. Видимо, жители Улавы опередили нас и уже приступили к лову. Наша лодка несколько изменила курс к северо-востоку, юноши налегли на весла, и вскоре до нас донесся далекий раскат разбивающихся о рифы волн. Еще немного усилий — и мы оказались у цели нашей экспедиции. Разговаривать друг с другом было трудно, так как адский грохот волн заглушал наши слова. Гребцы зажгли факелы, при свете которых мы стали погружать в море черпаки и корзинки и доставать из воды густую, извивающуюся клубками коричневатозеленоватую массу.

Улов был великолепным. Мы уже заполнили несколько больших деревянных сосудов. Девушки и гребцы ели палоло прямо из черпаков. Неожиданно сзади послышался рокот мотора, и почти в то же мгновение нашу лодку залил ослепительный луч света. Я стояла в тот момент на коленях в лодке с черпаком в руках. Яркий свет ослепил меня, а рокот приближающегося мотора совершенно оглушил. И тут что-то огромное промчалось со страшным ревом возле нас, лодка резко накренилась, а я очутилась в воде, сразу же погрузилась, вглубь, но вскоре всплыла. От лодки не осталось и следа, не видно было и никого из нашего экипажа, только где-то поблизости узкий луч света скользил по волнам. Я хотела было позвать на помощь, но рот мой оказался набит студенистой массой палоло. С трудом проглотив ее, я закричала во все горло. Через какое-то время, показавшееся мне вечностью, я попала в луч света, который заискрился длинной, мелькающей полосой на слегка покачивавшихся волнах, и ослепил меня. Наконец две пары чьих-то рук втащили меня на борт. Но прежде чем я сумела разглядеть и поблагодарить своих спасителей, кто-то сзади набросил мне на голову мешок, скрутил руки, а затем ноги, сгреб меня в охапку, куда-то понес (видимо, в каюту) и бросил на койку. Все это произошло так быстро и бесшумно, что я не

только не успела подумать об обороне, но не могла даже сообразить, кто именно напал на меня. По сильному вздрагиванию бота и приглушенному ритмичному стрекоту мотора я поняла, что мотобот с большой скоростью устремился вперед.

Я долго лежала спокойно, прислушиваясь к беготне на палубе, которая находилась, очевидно, над каютой. По специфическому запаху соевого масла, который распространялся от моего мягкого ложа, я догадалась, что нахожусь в руках китайцев. Я сразу вспомнила и рассказы о торговцах живым товаром, и похотливые взгляды, которые бросал на меня Си Ян-цзи, и нападение в Моли. Я понимала, что положение безнадежно, но решила бороться до последнего. Нужно было действовать спокойно, без паники, так как только хладнокровие могло спасти меня. Прежде всего следовало высвободить руки. Мои пальцы и сгибы рук были свободны, так как веревка, опоясывавшая мешок, стягивала мне плечи на высоте груди и бедер. Я слегка повернулась, сперва на один, а затем на другой бок, стремясь удостовериться, что в каюте никого нет. Голосов не было слышно.

Вдруг мотор поперхнулся — раз, другой, потом наступила тишина. Мотобот перестал вздрагивать и закачался на волнах, да так сильно, что я стукнулась всей своей тяжестью обо что-то твердое. Резкая боль вспыхнула в плече и бедре, но — какое счастье! — веревка, прижавшая грудь, сдвинулась, и после некоторых усилий мне удалось высвободить руку! Я могла уже согнуть ее в локте и дотронуться пальцами до лица. Теперь, когда веревка сдвинулась к ногам, дело пошло быстрее. Произведя несколько резких вращательных движений, я высвободила голову из мешка.

Итак, я была наполовину свободна, но совершенно ошеломлена. Как это ни удивительно, через иллюминаторы в каюту проникали отблески рассвета, хотя, когда меня вытаскивали из воды, было еще темно. Я села на койку и начала развязывать путы на ногах, но в этот момент услышала, быстрые шаги босых ног по трапу. Дверь с треском распахнулась, и в каюту вбежал запыхавшийся китайский матрос, один из тех, что привозили почту в Токоре. Взглянув на койку, он остановился как вкопанный, но тут же навалился на меня, пытаясь длинными, как когти, пальцами сдавить шею. Ка-

ким-то чудом мне удалось увернуться, поджать ноги и лнуть ими нападавшего в живот. Удар был метким, так как бандит, сжавшись в комок, со стоном повалился на пол. В мгновение ока я сорвала путы с ног, прыгнула на пол и той же веревкой, которой он раньше скрутил меня, крепко связала моего врага. Потом я схватила какую-то тряпку, воткнула разбойнику в рот и уже начала искать на койке какой-нибудь платок или полотенце, чтобы завязать кляп, как вдруг услышала возбужденные, резкие голоса, топот ног... В открытых дверях появились два китайца. Первым был молодой Лао-ху, вторым — полуобнаженный матрос, державший в руке тяжелый кусок железа.

Двое мужчин недоверчиво поглядывали то на меня, то на валявшегося на земле матроса, но их удивление скоро прошло, косые глаза сузились и взгляды стали жестокими. Лао-ху процедил несколько слов по-китайски и пропустил вперед стоявшего за ним матроса. Тот разразился таким жутким хохотом, что мороз пробежал у меня по коже, и... прыгнул. Я ожидала нападения, но не предполагала, что он бросится на меня как вихрь. Матрос был дьявольски силен, ловок, как мурена, и дик, как тигровая акула. Град ударов обрушился на меня. Это чудовище в человеческом облике лупило меня твердыми как железо кулаками, пинало ногами, давило широким, скользким от пота и пахнущим прогорклым оливковым маслом телом. Однако после первых же ударов я поняла, что этот человек понятия не имеет о настоящей борьбе и наносит мне лишь беспорядочные удары, быстрые и сильные. Я не пыталась активно сопротивляться, только избегала опасных выпадов, хотя несколько раз мне удалось стукнуть разбойника кулаком по носу и пнуть в живот. Я чувствовала, однако, что долго не продержусь и этот человек меня прикончит, если я не сумею защититься каким-то спасительным приемом.

Матрос был вне себя от бешенства. Во время схватки он порвал на мне платье, содрал лифчик, поранил спину. Я уже начала терять силы, но, когда почувствовала его дыхание на лице и волосатую руку на животе, увернулась как вьюн, схватила насильника одной рукой за сгиб его руки, а другой — несколько выше локтя, вывернула и дернула вниз. Я услышала, как хрустнула кость, а бандит жутко взревел от боли. Он пошат-

нулся, упал на койку и, поддерживая сломанную руку, стал кричать.

Поглощенная борьбой, я не заметила, что происходит в каюте. Видимо, Лао-ху, выбежав на палубу, развязал первого разбойника, так как я вдруг увидела его подкрадывающимся ко мне с ножом в руке. Он уже поднял нож, чтобы полоснуть меня, а я пыталась схватить его за руку, как вдруг бот накренился, я промагнулась, и острое лезвие разрезало мне плечо. Однако у меня хватило присутствия духа заслониться левой рукой, когда бандит замахнулся, пытаюсь вторично ударить меня. В диком ужасе я увидела, как блеснул окровавленный нож, но в этот момент в дверях каюты мелькнула чья-то тень, и матрос, сбитый ударом кулака в голову, плашмя рухнул на пол. Только теперь я увидела, что моим спасителем был... Джек Заремба! На мгновение я остолбенела. Казалось, это галлюцинация или предсмертное видение. Но Джек улыбнулся, протянул мне руки, и я с радостным криком бросилась ему на шею...

Очнувшись я в удобном шезлонге на борту какого-то судна. Меня накрыли теплым пледом, правая рука была забинтована, и раны на теле уже не причиняли никакой боли. Усталым взором я посмотрела на надутые ветром паруса, палубные надстройки, на иллюминаторы... Все это казалось удивительно знакомым. Да это же «Матаупите» — яхта Зарембов! Я беспокойно завертелась, не зная, сон это или действительность, но в этот момент Джек, стоявший, видимо, позади шезлонга, нагнулся надо мною и начал легонько гладить по голове. От этой ласки я почувствовала себя вдруг так спокойно и безмятежно, как некогда в объятиях мамы. Я сомкнула глаза, улеглась поудобнее и уснула мертвым сном.

Проснувшись я внезапно, совершенно отдохнувшая и в полном сознании. Уселась в шезлонге и изумленно протерла глаза: в нескольких шагах перед собой я увидела опирающегося на поручни Джека, какого-то мужчину в форме офицера британского военно-морского флота, а между ними... Элен Моррис; несколько поодаль, под мачтой, стояли Тукей, Касику и Рамадоле. Глядя на зардевшиеся щеки Элен, с явным оживлением беседовавшей с Джеком, я почувствовала, как у меня странно сжалось сердце, и ощутила незнакомую до сих

пор... ревность. Неужели Джек, подобно Анджею, также поддался обаянию этой девушки?

Вдруг Элен обернулась ко мне. Наши взгляды встретились. Она радостно вскрикнула, подбежала и начала обнимать и целовать меня, что-то отрывисто при этом шепча. Вслед за ней подошли двое сопровождавших ее мужчин. Я была так изумлена встречей с Элен, двумя местными девушками и офицером на борту «Матаупите», что долгое время не могла промолвить ни слова. Станным было и то, что появление на яхте казалось мне вполне естественным, а встреча с Джеком наполняла сердце каким-то счастьем и блаженством.

Между тем офицер, которого мне представили как мистера Энтони Гастингса из местного разведывательного управления, стал задавать вопросы по поводу событий последней ночи. Я отвечала на все четко и кратко. Он очень удивился, когда я рассказала, каким образом мне удалось справиться с первым матросом, а затем спросил, много ли женщин занимается в Польше дзю-до, джиу-джитсу и карате. Я ответила, что дзю-до — любимый спорт студенток, джиу-джитсу — студентов, а о борьбе карате у нас мало кто знает, так как это связано с тренировками, укрепляющими край ладони, что девушкам не по душе.

Затем мне рассказали обо всем. На Соломоновых и близлежащих островах уже долгое время стали бесследно исчезать девушки и молодые женщины. Продолжительным следствием было установлено, что похищением занимается международная шайка торговцев живым товаром; на территории Океании действует одна из ее агентур, продающая девушек в Южную Америку. Тщательное наблюдение за портами, кораблями, а также катерами, яхтами и мотоботами не дало сперва никаких результатов. Тогда к этой работе были привлечены самые надежные люди, в том числе также и братья Зарембы. Именно они первыми обратили внимание властей, что фирма «Чжи Лунь-чжан» располагает быстроходными судами и катерами, совершенно ненужными для торговли между островами Тихого океана. Начали следить за флотилией этой фирмы, и вскоре были вскрыты многие компрометирующие факты, в частности планы похищения нескольких молодых женщин-европеек, в том числе Элен и меня. Следствие установило также, что руководителем этой организации

является Си Ян-цзи (который в Гонконге и на Тайване владеет фешенебельными домами свиданий), а в качестве его помощников выступают сотрудники магазина и склада товаров в Моли. Была устроена засада, в которую попал катер, увозивший похищенную Элен. Когда она возвращалась вечером от больной женщины, в лесу на нее напали, накинули одеяло на голову так, что она не успела даже вскрикнуть. Однако на море катер задержала канонерка, обыскала его и нашла в каюте усыпленную и связанную Элен.

Что произошло со мной, ты уже знаешь. Своим спасением я обязана простому случаю. Двигатель на мотоботе бандитов заглох, а «Матаупите», патрулировавшая на море между Марамасике и Сан-Кристобалем, заметила мотобот на рассвете и поспешила к нему, ничего не зная о моем похищении. Подозрение у Джека появилось лишь после того, как из моря вытащили Касику, которую Лао-ху предварительно ударил каким-то тяжелым предметом по голове. С Рамадоле он также не успел покончить, так как Заремба и Тукей предотвратили злодеяние. Джек вызвал при помощи коротковолнового передатчика канонерку, и вскоре весь экипаж мотобота очутился под арестом.

Прошел уже месяц после этих кошмарных событий. Теперь вместе с Мюриель я бегаю по магазинам Мельбурна и покупаю себе приданое, так как, пока это письмо дойдет до тебя, я буду уже замужем. Папа останется на один год в Австралии, а я через неделю после свадьбы отправлюсь к родителям мужа в Кандаву, а затем в свадебное путешествие по островам Тихого океана. Через год — если, конечно, не стану матерью — приеду с мужем в Варшаву, чтобы обнять тебя.

Твоя очень счастливая Аня Заремба

Р. С. Анджей возвращается через полгода домой, в Польшу, вместе со своей горячо любимой красавицей женой... Элен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга, которую вы только что закрыли, написана польским этнографом, исследователем народов Океании Камиллом Гижицким. В ней рассказывается об экспедиции этого ученого на Соломоновы острова, о проведенных там научных изысканиях. Но поскольку произведение Гижицкого предназначено не только для специалистов, а для всех, кто интересуется жизнью народов далеких островов Тихого океана, автор написал свою книгу не в виде научного отчета или дневника экспедиции, а в форме писем, да к тому же от имени дочери этнографа, которые она адресует своей подруге в Польше. Этот литературный прием дает возможность непринужденно рассказать о буднях экспедиции, позволяет ввести в изложение и любовные сцены и различные приключения, такие, например, как попытка похищения героини торговцами «живым товаром», поставщиками девушек для публичных домов. Правда, на наш взгляд, книга Гижицкого представляет большой интерес и без подобных вставных эпизодов. Читатель познакомился и с островами, на которых побывал польский этнограф, и со своеобразными обычаями коренного населения — меланезийцев, и с природой этих мест. Причем рассказ автора доходчив и в то же время строго научен.

Гижицкий воссоздает достоверную картину труда и отдыха обитателей двух небольших островов — Улава и Санта-Каталина, где старый традиционный образ жизни сохранился лучше, чем на более крупных островах архипелага. Мы узнаем, как островитяне обрабатывают землю, ловят рыбу, готовят пищу, строят лодки, заключают браки и празднуют это событие, как они совершают древние, но еще не ушедшие в небытие магические обряды.

Значительно меньше внимания в книге уделяется истории жителей Соломоновых островов в колониальный период, после появления здесь европейцев. Автор лишь вкратце отмечает, что деятельность европейцев на островах характеризовалась эксплуатацией коренного населения. Местных жителей силой или обманом увозили для работы в такую далекую страну, как Перу, использовали на плантациях в Австралии, на островах Океании и т. д. К. Гижицкий считает, правда, что в конце прошлого века Англия, установив свой протекторат над Соломоновыми островами, частично положила конец насилиям. С этим трудно согласиться. Известно, например, как английские военные моряки по приказу своего командования сжигали целые селения и уничтожали посевы в отместку за убийство кем-либо из местных жителей особо ненавистного им миссионера или плантатора. Так, например, в 1882 году английское патрульное

судно «Даймонд» сожгло на одном из островов селение и вырубил кокосовые пальмы. Жители этого селения, к счастью, успели бежать в горы. В целом история колонизации Соломоновых островов вполне подтверждает вывод К. Гижицкого в отношении жителей острова Улава. Так, он пишет: «Мы, европейцы, кроме насилия и угнетения, а также миссий, основанных за последние несколько десятилетий, ничего населению Улавы не дали».

Еще меньше, чем о колониальной истории, автор пишет о современном положении аборигенов Соломоновых островов, о тенденциях их политического и этнического развития. И это вполне понятно. Ведь целью экспедиции было исследование не современных процессов, а остатков старой традиционной культуры: обрядов, верований и т. д. Кроме того, как уже сказано выше, экспедиция работала на небольших островках, в наименьшей мере затронутых цивилизацией. Поэтому мы попытаемся дополнить несколькими штрихами ту картину жизни населения Соломоновых островов, которая нарисована К. Гижицким в его книге.

Соломоновы острова длинной, чуть ли не полуторатысячекилометровой цепью протянулись к востоку от Новой Гвинеи. Они были открыты в 1566 году испанским мореплавателем Менданья де Нейра, но очень долго не привлекали внимания европейцев, которые впервые побывали на многих островах архипелага лишь в середине XVIII века или еще позднее. В последнем десятилетии прошлого века Великобритания завладела большей частью Соломоновых островов, в то время как некоторые из них попали во владение Германии, а после первой мировой войны перешли к Австралии, сначала как подмандатная, а затем как подопечная территория. Таким образом, Соломоновы острова и их население оказались разделены между двумя государствами. Шесть крупных и множество более мелких островов и атоллов входят в британский протекторат, который включает и некоторые острова, географически не относящиеся к Соломоновым, например остров Санта-Крус. Общая площадь островов протектората — 29,6 тыс. кв. км, а их население в 1970 году насчитывало 163 тыс. человек. В подопечную территорию Австралии входят один крупный остров — Бугенвиль, два более мелких и несколько атоллов. Их площадь немногим менее 13 тыс. кв. км, а население вдвое меньше, чем на островах протектората.

В своей книге К. Гижицкий пишет только о тех Соломоновых островах, которые являются протекторатом Великобритании, соответственно и мы в дальнейшем их и будем касаться. Как уже говорилось выше, подавляющую часть населения Соломоновых островов составляют меланезийцы. Они делятся на множество этнических групп, отличающихся друг от друга некоторыми особенностями культуры и говорящих более чем на семидесяти языках. Кроме ме-

ланезийцев на Соломоновых островах живут также несколько тысяч выходцев из Полинезии и по нескольку сот человек европейцев и китайцев.

Европейцы — это в основном колониальные чиновники, предприниматели и миссионеры. Китайцы заняты преимущественно торговлей. Традиционные занятия коренного населения — земледелие и рыболовство. Из отраслей хозяйства, работающих на экспорт, на островах развиты: выращивание кокосовых пальм и изготовление копры из их орехов, промышленное рыболовство, добыча ценных пород древесины — эбенового, сандалового, железного дерева и в сравнительно небольших размерах горнорудная промышленность. Отрасли хозяйства, работающие на экспорт, находятся в руках европейцев. В последние годы в экономике островов, особенно в рыболовной промышленности, усиливаются позиции японского капитала.

Иностранные предприниматели подвергают жестокой эксплуатации коренное население островов. Это облегчается этнической раздробленностью меланезийцев и недостаточной политической сознательностью многих из них. Еще несколько десятилетий назад протесты против угнетения не носили организованного характера и выливались в форме побегов с плантаций или, в самом крайнем случае, убийства особо ненавистного предпринимателя или чиновника.

После второй мировой войны положение стало меняться. В годы войны Соломоновы острова стали ареной боев между японскими войсками и союзниками. Многие меланезийцы участвовали в войне на стороне союзных армий. Это способствовало расширению их кругозора, росту самосознания. После освобождения островов от японских захватчиков среди местных жителей возникло и приобрело большую силу национально-освободительное движение Масинга. Это слово на ариари, одном из языков острова Малаита, где движение приобрело особенное распространение, означает «братство». Движение Масинга приобрело формы гражданского неповиновения колонизаторам. Оно было хорошо организовано и, охватив все коренное население Соломоновых островов, способствовало преодолению его раздробленности и сплочению в единое целое. Лишь арестовав всех лидеров Масинга, английским колониальным властям удалось подавить это движение.

В 1961 году на Соломоновых островах был организован первый профсоюз, объединяющий рабочих разных отраслей промышленности. Но и сегодня многие местные трудящиеся остаются вне профсоюза, а предприниматели не хотят примириться с его существованием. Наиболее организованным отрядом трудящихся являются муниципальные служащие. В конце 1972 года они провели забастовку и демонстрацию в главном городе протектората Хониаре, требуя повышения заработной платы в связи с быстрым ростом стоимости жизни

Усиление борьбы коренного населения островов за свои экономические и политические права вынуждает Великобританию предпринимать различные маневры, для того чтобы сохранить свою власть над Соломоновыми островами.

Верховным представителем метрополии в протекторате является колониальный чиновник, именующийся Верховным комиссаром в Западной части Тихого океана. В последнее время его прежняя фактически почти неограниченная власть в известной мере маскируется различными органами местного самоуправления, созданными первоначально по инициативе метрополии с целью успокоить коренное население, стремящееся к подлинной независимости Соломоновых островов. В 1960 году были созданы законодательный и исполнительный советы островов. По положению, подавляющую часть их членов составляли не выборные, а назначенные властями члены, и к тому же ни одно решение этих местных органов власти не было действительно без одобрения британского Верховного комиссара. В 1970 году эти советы были заменены так называемым Правительственным советом, объединившим законодательные и исполнительные функции. Большая часть его членов уже избиралась, а не назначалась, что, конечно, было определенной уступкой требованиям коренного населения, но по-прежнему без санкции Верховного комиссара не вступал в силу ни один закон, принятый Советом. Деятельность его оказалась неэффективной, и специальный конституционный комитет, созданный из членов Совета, предложил новую реформу местного самоуправления*. После выборов, состоявшихся в 1973 году, вместо Совета будут созданы законодательная ассамблея из двадцати четырех выборных и трех назначенных членов и кабинет министров. Последний первоначально будет возглавляться британским губернатором Соломоновых островов, а впоследствии одним из членов законодательной ассамблеи, но назначаться будет губернатором, хотя и по рекомендации ассамблеи. Что касается губернатора, то эту новую в британской администрации протектората должность будет исполнять Верховный комиссар в Западной части Тихого океана. Предполагается также привлечь к участию в местном самоуправлении родовых вождей, как это, например, сделано на Фиджи, где существует Большой совет вождей. Согласно новой конституции, Соломоновы острова получат свой флаг и гимн.

Создается, однако, впечатление, что все эти политические реформы последних лет во многом служат для того, чтобы убедить коренное население в стремлении Великобритании предоставить островам независимость. Такая политика, не ослабляя реальной власти метрополии, в то же время помогла ей в послевоенные годы

---

* «Pacific Island Monthly», 1972, December, p. 7.

ослабить национально-освободительное движение на островах протектората. Многочисленность же реформ связана, видимо, с тем, что местные органы самоуправления в последние годы проявляют тенденцию принимать решения, отражающие интересы избирателей, но неугодные метрополии. Все чаще выступают депутаты, резко критикующие колонизаторов. Например, член Правительственного совета Ремисио Эреси заявил в своей речи в октябре 1971 года, что колонизаторы разделили людей с Бугенвиля, находящихся под австралийской опекой, и их сородичей с островов Шортленд и Шуазель, входящих в состав протектората. Эреси потребовал политического присоединения Бугенвиля к Соломоновым островам *. Интересно, что примерно в то же время местные советы Бугенвиля выступили с предложением присоединить к нему западную часть Соломоновых островов, опять-таки для воссоединения с сородичами. В дальнейшем можно ожидать усиления борьбы меланезийцев этих островов за политическое воссоединение.

Выражая интересы коренного населения, Правительственный совет отверг предложенный английскими властями законопроект о контроле над использованием земли. Формально этот проект должен был воспрепятствовать расхищению земельного фонда островов иностранцами, но фактически облегчил бы колониальной администрации возможность отчуждать землю у меланезийцев под предлогом ее нерационального использования. Надо сказать, что уже первый английский Верховный комиссар островов отнял у их жителей 10% лучших земель под тем предлогом, что меланезийцы — «вымирающая раса» и земля им «поэтому не нужна». И в дальнейшем английские власти все время захватывали общинные земли для рудников, лесных промыслов и других целей, но оставляли в неприкосновенности земли, находящиеся в частном владении у иностранцев. Поэтому члены Совета и отвергли законопроект, опасаясь, что он затронет в первую очередь земли, остающиеся в общинном владении.

Возросшее самосознание меланезийцев Соломоновых островов — залог того, что они добьются подлинного самоуправления и что из множества этнических групп, населяющих острова, возникнет единый народ — солломонийцы. Но на этом пути их ждет немало трудностей, а может быть, и «больших социальных потрясений», о которых говорит и К. Гижицкий, написавший интересную книгу о далеких нам географически, но близких по своим чаяниям людях Соломоновых островов.

Перевод дается с небольшими сокращениями.

Л. Файнберг

---

* «Pacific Island Monthly», 1973, January.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Юго-восточные Соломоновы острова. На борту катера «Элис»	3
2. Остров Улава, селение Суу Моли	18
3. Соломоновы острова, остров Улава, селение О'у	47
4. Соломоновы острова, остров Улава, селение О'у	57
5. Соломоновы острова, остров Улава, селение О'у	77
6. Соломоновы острова, остров Улава, селение О'у	101
7. Соломоновы острова, остров Улава, селение О'у	129
8. Соломоновы острова, остров Санта-Каталина, селение Токоре	148
9. Соломоновы острова, остров Санта-Каталина, селение Токоре	170
10. Мельбурн, конец декабря	188
<i>Л. Файнберг. Послесловие</i>	195

Камил Гижницкий

ПИСЬМА

С СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВОВ

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Э. О. Секар*. Младший редактор *Л. З. Шварц*
Художник *А. Озеревская*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Т. А. Патюк*. Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 30/X 1973 г. Подписано к печати 12/III 1974 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 30 000 экз. Изд. № 3167. Зак. № 934.
Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 60 коп.

